

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Ю.А. Прокопенко

**СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ
РЕГИОНЕ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Направление подготовки 51.04.01 – Культурология
Магистерская программа «Прикладная культурология»

Квалификация выпускника – магистр

Ставрополь
2017

УДК 930.251: 902/904: 908:784.4 (470.6) (075.8)

ББК 63.3 (235.7): 63.4: 71.4 (2) я 73

П 80

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Северо-Кавказского федерального университета

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор **Т. А. Невская,**

канд. ист. наук, доцент **Н. Е. Берлизов**

Прокопенко Ю. А.

П 80 **Сохранение и трансляция культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе:** учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – 270 с.

Пособие представляет курс лекций, составленный в соответствии с требованиями ФГОС ВО к подготовке студента для получения квалификации «магистр».

Предназначено для студентов, обучающихся по направлению 51.04.01 – Культурология.

УДК 902/904 (470.6) (075.8)

ББК 63.4 (235.7) я 73

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Понятие «Культурно-историческое наследие», его трансляция в северокавказском регионе, цели и функции... 5	
II. История восприятия культурного наследия	30
III. Государственная политика в отношении культурного наследия	58
IV. Музеи в деле сохранения и трансляции культурного наследия	84
V. Библиотеки и архивы в деле сохранения и трансляции культурного наследия	99
VI. Актуализация археологического наследия. Сохранение археологического наследия в Северо-Кавказском регионе	148
VII. Природное и культурное наследие в туризме на Ставрополье.....	175
VIII. Культурное наследие Русской православной церкви. Особенности сохранения и трансляции религиозного наследия в северокавказском регионе.....	204
IX. Сохранение и трансляция наследия музыкального творчества в северокавказском регионе.....	221
X. Фотодокументы второй половины XIX – начала XX в. как транслятор культурно-исторического наследия.....	241
Заключение	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создание курса лекций предпринято с целью помочь студентам по направлению подготовки «Культурология» в процессе изучения курса «Сохранение и трансляция культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе».

Курс лекций разработан с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, новых концептуальных подходов и современных научных исследований.

Целью курса лекций является формирование у будущих магистров набора общекультурных и профессиональных компетенций.

Данной цели соответствуют следующие *задачи*:

- формирование основных профессиональных навыков у студентов, связанных с расширением знаний об объектах культурного наследия, видах материального и духовного наследия, видах культурных ценностей;

- развитие общенаучных компетенций, связанных с изучением культурно-исторического наследия и его трансляции;

- изучение круга проблем, связанных с сохранением объектов культурного и природного наследия;

- формирование навыков сохранения и популяризации культурного и природного наследия, в том числе посредством культурно-исторического туризма;

- создание системы представлений об исследованиях художественных и культурных практик, в том числе социально-культурных, библиотечно-информационных и архивоведческих;

- формирование навыков научно-исследовательской и экспертно-консультативной деятельности в сфере культуры;

- создание системы представлений о технологии создания, распространения и сохранения ценностей культуры;

- на базе полученного культурологического знания сформировать навыки практической деятельности по разработке методик установления научной, исторической, художественной, мемориальной ценности музейных предметов;

- формирование навыков стратегического управления музейной и архивной деятельностью, разработки научной концепции комплектования музейных фондов;

– формирование общероссийской, гражданской и региональной идентичности;

– утверждение идей равной ценности культур и взаимной терпимости.

Наряду с вооружением фактическими знаниями, курс лекций «Сохранение и трансляция культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе» призван помочь студентам выработать на основе научного знания собственную точку зрения на вопросы сохранения культурного наследия, а также, в контексте изучения истории культуры населения Предкавказья, – на проблемы сохранения и трансляции культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе, – на прошлое России, ее настоящее и будущее, правильно оценивать ее роль на различных этапах развития современной цивилизации.

Цель учебного пособия – способствовать формированию у студентов набора общекультурных и профессиональных компетенций:

- готовности к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-2);

- способности проявлять инициативу, готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения (ОК-6);

- готовности к планированию и реализации образовательно-воспитательной работы; владение навыками разработки образовательных программ (ПК-21).

1. ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ», ЕГО ТРАНСЛЯЦИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ, ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ

ПЛАН

1. Понятие «культурно-историческое наследие», его трансляция.
2. Цели и функции культурного наследия.

1. Понятие «культурно-историческое наследие», его трансляция

Сохранение и использование культурного наследия является важнейшим видом социокультурной практики в числе разнообразных областей гуманитарного знания. С успешным решением данных вопросов связана сама возможность обеспечения «связи времен» в развитии общества, а также зависит понимание многого в дне сегодняшнем, и предвидение того, что может ждать нас в будущем. Уже в XIX в. близкое по смыслу понимание значения культурного наследия выразил В.Г. Белинский: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» [1].

В настоящее время проблемы культурного наследия являются предметом исследования философов, историков, культурологов, искусствоведов, литературоведов, музееведов. Целый ряд причин обусловили возрастание интереса ученых и практиков к этим вопросам: складывание системных представлений об обществе и окружающей среде, проникновение экологической концепции в широкие пласты культуры, что привело к изменению понимания культурного наследия и его роли в развитии общества, смещение акцентов с проблем изучения культурного наследия в сторону разработки способов его «культурного оживления» («анимации»).

Наследие выступает в качестве фундамента культуры, важнейшего условия ее воспроизводства и развития. Уже в древнейшие времена города (античные полисы, эллинистические центры, столицы провинций Римской империи, итальянские города-государства эпохи Возрождения) являлись центрами непрерывного процесса накопления обширных и многообразных

по характеру пластов культурного наследия. Здесь же одновременно в общественном сознании формируется особое отношение к прошлому. Многовековая традиция осмысления и использования наследия завершилась созданием и функционированием специальных социокультурных институтов (музеи, библиотеки, архивы), основными функциями которых являлись и являются хранение, изучение и популяризация культурного наследия, в соответствии с запросами и потребностями общества на каждом из этапов его развития.

Особое проявление интереса к культурному наследию характерно для переломных исторических эпох, в периоды осмысления обществом прошлого и попыток заглянуть в будущее. В России эти всплески интереса, в том числе к отечественной истории и культуре (активизация исследований в этой сфере), наблюдаются в конце XVIII–XIX, и на рубеже XIX–XX веков.

Важными шагами для восприятия, осознания, а нередко и переосмысления духовного опыта наших предшественников, лучших традиций и образцов культуры являются: процесс изучения «белых пятен» историко-культурного развития, деятельность по возвращению незаслуженно забытых и вычеркнутых из истории культуры имен, отражение в публикациях ранее неизвестных читателю литературных произведений, расширение возможностей демонстрации произведений искусства из фондов музеев и частных коллекций и др.[2].

В условиях происходящей «смены вех», вызванной глобальными социальными изменениями, происходит новая оценка российского наследия как фактора национальной и общемировой духовности.

На протяжении XX – начала XXI в. сохранение культурного наследия являлось и по-прежнему является одним из приоритетов государственной культурной политики России.

Что же такое *культурное наследие*?

Детальное определение культурного наследия было дано в ряде международных документов. В **Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного и природного наследия** (принята в 1972 г., ратифицирована в 1975 г.) культурное наследие составляют:

- памятники – произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры

археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- ансамбли – группы изолированных или объединенных строений, чьи архитектура, единство или связь с пейзажем представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

- достопримечательные места – произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие собой выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии [3]. Основная цель конвенции заключается в сохранении и защите объектов, которые являются уникальными в своем роде.

Этот документ получил реальное мировое признание. Постоянно расширяется круг государств, присоединившихся к Конвенции, ежегодно к рассмотрению представляются документы на новые памятники культуры или природные объекты. В Конвенции подчеркиваются взаимосвязи и единство природного и культурного наследия, выступающие в этом единстве как неотъемлемые составляющие при идентификации национального наследия [4].

К апрелю 2010 г. конвенцию ратифицировало 187 стран-участниц, в их числе, Россия (9 марта 1988 г.). Лидерами по числу объектов Всемирного наследия являются: Италия – 47; Испания – 44; Китай – 42; Франция – 38; Германия – 37; Мексика – 31; Индия – 29; Великобритания – 28; Россия – 26 (данные 2014 г.; 24 объекта на территории России находятся в числе кандидатов на включение в список всемирного наследия – 2015 г.); США – 21 [5]. Согласно последним данным (2014 г.) в списки всемирного наследия внесено 1007 памятников и мест [6]. Основная цель конвенции заключается в сохранении и защите объектов, которые являются уникальными в своем роде.

Культурные критерии, предъявляемые ЮНЕСКО:

1. *Объект представляет собой шедевр человеческого созидательного гения;*

2. *Объект свидетельствует о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в данный период времени или в*

определенном культурном пространстве, в архитектуре или в технологиях, в монументальном искусстве, в планировке городов или создании ландшафтов;

3. Объект является уникальным или, по крайней мере, исключительным для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла;

4. Объект является выдающимся примером конструкции, архитектурного, технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории;

5. Объект является выдающимся примером человеческого традиционного сооружения, с традиционным использованием земли или моря, являясь образцом культуры (или культур) или человеческого взаимодействия с окружающей средой, особенно если она становится уязвимой из-за сильного влияния необратимых изменений;

6. Объект напрямую или вещественно связан с событиями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями и имеет исключительную мировую важность (ЮНЕСКО считает, что этот критерий предпочтительно использовать вместе с каким-либо еще критерием или критериями).

Природные критерии:

1. Объект представляет собой природный феномен или пространство исключительной природной красоты и эстетической важности;

2. Объект является выдающимся образцом главных этапов истории земли, в том числе памятников прошлого, символом происходящих геологических процессов в развитии рельефа или символом геоморфических или физиографических особенностей;

3. Объект является выдающимся образцом происходящих экологических или биологических процессов в эволюции и развитии земных, пресноводных, береговых и морских экосистем и растительных и животных сообществ;

4. Объект включает в себя наиболее важную или значительную естественную среду обитания для сохранения в ней биологического многообразия, в том числе исчезающих видов исключительной мировой ценности с точки зрения науки и охраны [7].

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» относит к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

В соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ определяются следующие **признаки** объекта культурного наследия:

1. Объект недвижимого имущества, который:

1.1 возник в результате исторических событий;

1.2 создан более 40-ка лет назад;

1.3 представляет ценность с точки зрения:

- истории;
- археологии;
- архитектуры;
- градостроительства;
- искусства;
- науки и техники;
- эстетики;
- этнологии;
- антропологии;
- социальной культуры.

2. Объект является источником информации о развитии культуры.

3. Мемориальная квартира или дом, который связан с деятельностью или жизнью выдающихся людей, имеющих особые заслуги перед Российской Федерацией.

Объекты культурного наследия подразделяются **на виды:**

- памятники;

- ансамбли;
- достопримечательные места.

В зависимости от значимости объекты культурного наследия относятся к 3-м **категориям**:

- объекты культурного наследия федерального значения;
- объекты культурного наследия регионального значения;
- объекты культурного наследия местного значения.

Несмотря на разность в подходах и определениях, в современном наследиеведении надо признать наличие общей мировоззренческой позиции, связанной с пониманием культурного наследия как важнейшего механизма функционирования культуры. Более того, многие авторы рассматривают культурное наследие как ключевой признак в определении сущности культуры.

В обобщенной трактовке А.Н. Дьячкова это понятие определяется как «совокупность связей, отношений и результатов духовной деятельности прошлых исторических эпох», как «совокупность объектов окружающего человека мира, признаваемых на основе культурного опыта человечества и его предпочтений культурными ценностями» [8].

Ю.М. Лотман, давший культурологическое обоснование понятия «культурно-историческое наследие» как социально-культурного феномена, представил пространство культуры в качестве пространства общей памяти, где «тексты» могут сохраняться и актуализироваться [9]. В «Беседах о русской культуре» он отметил, что: «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества» [10].

Данная точка зрения была поддержана М.С. Каганом. В частности, он утверждал, что культурное наследие – это важнейший отличительный признак культурного пространства от бытия природы, поскольку через него реализуется такая

фундаментальная черта культуры, как ее способность быть «внегенетическим способом хранения и передачи вырабатываемой человечеством информации», быть «ненаследственной памятью человечества» [11], разрушая границы пространственно-временной локализованности человеческого опыта [12]. Подобный подход прозвучал в определениях таких авторов как А.Я. Флиер, М.Е. Кулешова, К.М. Хоруженко и др. [13].

М.С. Каганом были сформулированы такие важнейшие для существования и развития культуры понятия как *инфогенез* – обозначение процесса аккумуляции социального опыта, и *инфофонд* (в качестве синонима культурного наследия), формирующийся в результате «опредмечивания» знаний, ценностей и умений [14]. В культуре, благодаря наследию, реализована основная функция механизма социального наследования, которая опредмечивает, хранит, накапливает и транслирует опыт во всех сферах человеческой жизнедеятельности, обеспечивая надбиологический способ саморазвития социальной системы [15]. Взяв за основу подобный подход, Национальный центр опеки наследия России провозглашает, что «стремление к охране своего наследия – это, в сущности, проявление инстинкта самосохранения человека как вида» [16].

Таким образом, наследственный характер культуры обуславливается тем, что культурные формы, нарушая законы природы, независимо от происхождения никогда не «умирают» (в смысле полного исчезновения). Как правило, даже вышедшие из практического употребления (режима воспроизводства) они, так или иначе, сохраняются в виде музейных экспонатов или каких-либо еще раритетов. Это одно из очень важных свойств культуры по искусственной «реактуализации» устаревших культурных форм и сохранения их, по меньшей мере, в качестве памятников [17].

Согласно этой позиции, К.М. Хоруженко **культурное наследие** определяет, как «одну из форм закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества» [18], или, например, по Э.А. Баллеру, это «совокупность связей, отношений и результатов духовного производства прошлых исторических эпох» [19].

Обобщение основных характеристик, использующихся для определения культурного наследия, позволяет утверждать, что **культурное наследие** – это нечто целостное, обладающее информационным потенциалом, необходимым для развития и передачи будущим поколениям; это то, что представляет ценность и является частью национального богатства; это то, что может рассматриваться как один из важнейших ресурсов, влияющих на дальнейшее развитие общества, страны, региона [20].

Существует мнение, что **культурное наследие** – это своего рода сокровищница материальных и духовных творений прошлого, имеющих различные источники происхождения, выступающих разными по характеру фактами и свидетельствами. Таковыми, по мысли автора, могут быть археологические находки (предметы быта, украшения, орудия труда и т.п.), природно-ландшафтные (садово-парковые ансамбли, усадебные комплексы), предметы материальной культуры (старинные станки, приборы, мебель, утварь и т.п.), письменные источники (государственные акты, летописи, книги, дневники, письма, периодические издания и т.п.), произведения искусства, фотографии, документы видео- и аудио ряда и другие свидетельства минувшего.

Таким образом, под культурным наследием следует понимать значимые для характеристики той или иной эпохи **движимые и недвижимые памятники**, являющиеся творением умов и рук человеческих. В их число входят памятники археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, истории и культуры, науки и техники, природы, а также памятные места [21].

Кроме **материального**, культурное наследие включает **нематериальное культурное наследие**. Поскольку культура и культурное наследие выступают не только как «хранилища прошлого», но и как фундамент для настоящего и будущего (возникновение любых социальных новообразований происходит на определенной культурной почве и посредством использования ее элементов: образов мышления, языка и др.).

Предмет культурного наследия. Как уже было отмечено, к **культурному наследию** могут быть причислены достаточно разнородные объекты, как материальные, так и нематериальные.

Первый тип – **материальное культурное наследие**, которое включает в себя следующие виды:

- прежде всего это *художественно ценные объекты*, произведения искусства во всех его формах, которые вышли за пределы повседневного творчества и поднялись на уровень мировых шедевров. Наличие такого шедевра резко поднимает статус окружающего его места. Если в провинции хранится хоть одно произведение мирового уровня, оно становится сокровищем, оказывающим влияние и на сам город, возвышая его в ряду подобных. Приведем такой пример, в Астрахани в прошлом веке была обнаружена картина Леонардо да Винчи «Мадонна с цветком» (также известная как «Мадонна Бенуа»). Несмотря на то, что в городе она могла бы стать одним из ценнейших достояний культуры, она, конечно, была вывезена в Эрмитаж, где заняла свое достойное место среди сотен тысяч других экспонатов. Арт-объект мирового уровня должен соответствовать статусу его обладателя, хотя во многом жаль, что провинции не имеют права быть носителями подобных ценностей. Исключением являются объекты архитектуры, которые если и вывозились в столицы мира, то не столь часто, как картины (например, музей Пергамон в Берлине, Британский национальный музей в Лондоне, где можно увидеть вывезенные храмовые комплексы из центральной Азии, Индии, Китая, Греции, Рима, Египта);

– *исторические раритеты*, объекты, не обладающие художественной ценностью, но выступающие предметом исторической ценности. В этом отношении важна не степень мастерства, с которой они были созданы, а степень их древности. Чем более длительная история, тем больше дань уважения. Такие объекты ценны, как места или предметы памяти (термин «места памяти» предложил французский историк Пьер Нора). Порой они обрастают своей мифологией, легендами, уходя от исторической фактичности, но и в этих случаях сохраняют свою значимость как то, что борется с забвением, тленом, смертью, неумолимым временем и делает историю интересной для современного поколения;

– *традиционные промыслы, занятия, уникальные достижения в профессиональной сфере*, ставшие предметом гордости того или иного места (это может быть ювелирным делом, ковкой, технологией изготовления оружия и т.д.), а также результаты

традиционных видов профессий (как художественные произведения, так и предметы быта);

- *архитектурные сооружения*. К ним относятся, как отдельные постройки, так и города, и поселения в целом. Дизайн и композиция домов, сооружений в составе поселения также являются оригинальной чертой, которая представляет традиционную ценность. Поэтому важно сохранять не только отдельные фрагменты города (деревни), но по возможности и сам облик старого города, позволяющий осуществить связь времен и традиций.

Второй тип – *духовное наследие*, которое в свою очередь также подразделяется на различные виды:

- *фольклор, народные традиции и обычаи*;

- *религиозное наследие* – культовые места, храмы, изображения, верования и практики прошлого;

- *интеллектуальное наследие* – вербальные источники, запечатлевшие философскую, этическую, научную традицию прошлого;

- *эстетическое духовное наследие* – произведения нематериального искусства, в том числе литературы, театра, музыки и др. [22].

Согласно мнению А.Я. Флиера, в социальном опыте людей выделяются три основных пласта: 1) групповой опыт, приобретенный всем обществом или его значимыми социальными слоями в ходе разного рода исторических коллизий; 2) заимствованный опыт, возникший таким же образом у других народов, но «взятый на прокат» интересующим нас сообществом; 3) индивидуальный жизненный опыт каждого члена общества в отдельности, вносящего свой маленький персональный взнос в «копилку» всего сообщества. Уникальный личный опыт познания жизни и ее смыслов, обретенный, отрефлексированный и опубликованный в каких-либо текстах, автор называет «шедеврами» интеллектуального, литературного и иного художественного творчества. По мысли А.Я. Флиера, этот совокупный опыт становится социально функциональным только в случае, если люди могут его транслировать во времени последующим поколениям [23].

Конвенция ООН «По охране нематериального культурного наследия» (2003 г.) определяет культурное наследие как *обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, связанные с ними, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве их культурного наследия.*

Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и историей [24].

В Западной терминологии, касающейся культурного наследия, используются понятия **«культурная память»** и **«места памяти»**.

Нематериальная составляющая культурного наследия сохраняется посредством воспроизводства в **культурной памяти**.

Считается, что возникновение культурной памяти связано с феноменом смерти и сопровождавшими его ритуалами. Именно память о мертвых становится первой формой культурной памяти.

Понятие **культурной памяти** непосредственно связано с понятиями *коллективной* и *социальной памяти*. Она формируется веками в определенной социальной группе, как форма трансляции и актуализации культурных смыслов.

Культурная память возникает в поле церемониальной коммуникации через ее объективированные формы – **«места памяти»**, которыми являются тексты, изображения, монументальные постройки (например, египетские пирамиды), надписи и изображения в них. Сюда же относятся ритуалы и сакральные действия как институционализированные формы коммуникации. Носителями культурной памяти являются уже не обязательно современники, а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции (жрецы, старейшины, певцы-сказители и др.).

Однако в культурной памяти сакральная информация является только частью более широкого массива информации. Частью культурной и исторической памяти являются (согласно терминологии П. Нора) **«места памяти»**. Они возникают в связи с фиксацией повседневной жизни, как некие хранилища, «останки» (где, по П. Нора, находит убежище чувство непрерывной памяти).

Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты и т. д.

К **местам памяти** относятся: музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – ценности в себе – свидетели другой эпохи [25].

В отечественной культурологии используется ряд близких по содержанию терминов: **исторический памятник, культурная ценность, физический исторический ресурс.**

В нашей стране **памятники истории и культуры** составляют наиболее многочисленную часть культурного наследия. Государственный учет ведется по основным памятникам: истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства. Многочисленные недвижимые и движимые памятники сформировали богатейшие пласты культурного наследия России, которые тесно связаны с возникновением и деятельностью отечественных музеев. Поэтому традиционно проблема культурного наследия рассматривается главным образом в аспекте сохранения памятников прошлого, преимущественно посредством музеефикации или музейного хранения [26].

Как считает Ю.А. Веденин, понятие **культурная ценность** является «системой материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для ее дальнейшего развития». Согласно мысли автора, к **культурной ценности** относятся: археологические памятники, исторические архитектурные и историко-мемориальные объекты, сами ценности, духовные и эстетические, содержащиеся в книжном наследии и нематериальном культурном наследии, а также традиционные формы хозяйствования и природопользования, т.е. все то, что представляет собой культурную ценность и может рассматриваться как национальное достояние [27].

Результаты анализа международно-правовых актов ЮНЕСКО позволили М.М. Богуславскому прийти к выводу о категориальной тождественности понятий «**культурные ценности**» и «**культурное**

наследие» [28]. Однако, существует мнение, что термин «культурные ценности» шире и универсальнее понятия «культурное наследие» [29].

В российском законодательстве представлена следующая **типология культурных ценностей**, которые выделяются: – *по значению* – национальные, имеющие уникальный характер, особо важное историческое, художественное, научное или иное культурное значение; – *по времени создания* – более 100 лет назад; – *по порядку содержания* – бесхозяйственно содержимые и содержимые надлежащим образом; – *по порядку перемещения* – ввозимые, временно ввозимые, вывозимые, временно вывозимые, незаконно вывозимые, незаконно ввезенные (ввоз которых запрещен), перемещенные, ввозимые исключительно с целью транзита; – *по порядку хранения* – постоянно находящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках и других государственных хранилищах РФ; хранящиеся в коллекциях, собраниях и фондах – *по способам присвоения* – созданные отдельными лицами или группами лиц, являющимися гражданами РФ; обнаруженные на территории РФ; приобретенные археологическими, этнологическими и естественнонаучными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности; приобретенные с согласия властей страны, откуда происходят эти ценности; приобретенные в результате добровольных обменов; полученные в качестве дара или законно приобретенные с согласия властей страны, откуда происходят эти ценности [30].

Фактор преемственности, трансляции ценностей подчеркивал в определении культурного наследия Д.С. Лихачев в проекте Декларации прав культуры. Автор выделил в *наследии* как форме сохранения и передачи совокупного духовного опыта человечества *две группы культурных ценностей: духовные* (язык, идеалы, традиции, навыки в области искусства и образования, поведение, обычаи, культурные индивидуальности народов, групп населения, отдельных лиц) и *материальные* (музейные, архивные, библиотечные фонды, памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого, уникальные ландшафты, совместные творения человека

и природы, современные сооружения, представляющие особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки) [31].

Совокупность культурных ценностей того или иного народа, общества, государства составляет их культурное наследие [32].

Под «культурным наследием народов России» современные исследователи понимают «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники, историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [33].

Совокупность культурных ценностей народов Северного Кавказа составляет культурное наследие России в Северо-Кавказском регионе.

Трансляция – общение, направленное на социализацию входящих в жизнь поколений, на их уподобление старшим средствами соответствующих институтов и механизмов. От коммуникации она отличается режимом общения. Если основной режим коммуникации – отрицательная обратная связь, предполагающая высокую степень подобия сторон общения, знание ими должных программ поведения и деятельности, то основной режим ***трансляции*** – обучение, т. е. такая ситуация общения, в которой степень подобия сторон заведомо низка. Одной стороне – действующей от имени общества, а практически от имени одного из фрагментов социокода, воспитателям – нужно передать другой стороне – воспитуемым – то, чем эта другая сторона не располагает: установившиеся нормы деятельности данного фрагмента, нормы поведения, установки, правила и т. п.

Основной элемент трансляционной структуры «ученик – учитель» – канал передачи знаний и механизм уподобляющей связи между поколениями [34].

Как считает С.Н. Иконникова, «Сохранение и трансляция культурного наследия» является разделом исторической культурологии, который характеризует процесс исторической преемственности. Несмотря на трагические периоды уничтожения культурной памяти, «провалы и впадины», «белые пятна» и горестные утраты, история мировой культуры сохраняется благодаря неуклонно действующему закону исторической

преимущественности культурного наследия. Каждое поколение всегда начинает свой жизненный путь с освоения культурного прошлого. По мысли автора, оно включает коллективный и индивидуальный исторический опыт, ценности и достижения, составляющие духовное и материальное богатство общества [35].

Трансляция культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе (от лат. translatio – перенос, перемещение) является осуществлением передачи культурных ценностей, созданных за прошедшие тысячелетия народами Северного Кавказа, в визуальное и ментальное восприятие современного и будущего поколений.

Можно ли говорить об идентичности понятий «*культурная память*» и «*культурное наследие*»?

А. Эткинд отметил две категории культурной памяти. Это «*мягкая память*» (книги, дискурсы, тексты) и «*твердая память*» (памятники, музеи и т. д.). Культурные процессы возникают в процессе взаимодействия этих «твердых» и «мягких» компонентов. В данном случае, наблюдается сходство с материальным и нематериальным культурным наследием (хотя область культурного наследия более узка и четче очерчена) [36].

По мнению Е.В. Андреевой, *культурное наследие является частью культурной памяти*. По мысли автора, эпоха Модерна повлияла на быстрое пополнение культурной памяти. Однако в ней нарастает и часть, которая более не вовлечена в жизненную практику людей, в круг их жизненно важных представлений. По Е.В. Андреевой эта часть формирует культурное наследие, требующее сохранения и пополняемое за счет разысканий в области народной культуры, раскопок археологов и др. Автор противопоставляет культурную память и культурное наследие. *Историческая память способствует национальному самосознанию, а культурное наследие признается как общее достояние человечества* [37].

Ю. Арнаутова сформулировала основное отличие культурной памяти от наследия. Оно заключается в том, что культурное наследие, это хранилище фактов прошлого (нечто, сохраняемое в своей неизменности и потому ценное), а культурная память – непрерывно функционирующее реконструирующее воображение [38].

Субъект культурного наследия. К нему могут быть отнесены человечество в целом, различные социальные группы (этносы, народы, отдельные сословия, страты, объединения, сообщества), а также отдельные личности, воспринимающие, сохраняющие, в ряде случаев и развивающие культурное наследие.

Механизмы сохранения культурного наследия. Во многом они зависят от типа общества (цивилизационной разновидности). Л.В. Баева выделяет следующие их варианты: *бессознательный – осознанный; ритуально-сакральный; нормативно-правовой, морально-аксиологический; воспитательно-обучающий; научно-преемственный, художественно-творческий, информационно-кодовый* и др.

Формы сохранения культурного наследия могут быть *вербальными и невербальными, материальными и духовными, консервативными и творческими, охранительными или запретительными* и др. [39].

2. Цели и функции культурного наследия

Интерес к традициям есть проявление духовного начала личности, ее стремление к обогащению собственной культуры и культуры общества в целом. Этот интерес проецируется главным образом в плоскости сохранения и потребления культурного наследия.

Многослойность такого общественного интереса очевидна. Она произрастает из множества целей, преследуемых людьми, вступающими в контакт с культурным наследием.

Укажем на некоторые из этих целей:

- *познать прошлое (приобщиться к истории);*
- *чувственно воспринять опыт и жизнь предшествующих поколений;*
- *получить эстетическое и эмоциональное удовлетворение от знакомства с историко-культурными объектами;*
- *удовлетворить естественное любопытство и любознательность.* Более серьезные цели:
 - *хранить память;*
 - *осваивать и передавать традиции прошлого;*
 - *защищать историко-культурное наследие как неотъемлемую часть экологии культуры* [40].

Особое значение культурного наследия определяется:

1) его значимостью как механизма памяти, обеспечивающего сохранение и трансляцию культуры;

2) актуализацией функции культурного наследия как важнейшего ресурса творчества культуры.

Второе объясняется, исходя из положений семиотического подхода, – теоретической моделью отношений между памятью и культурой, представленной в трудах Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [41]. Согласно точке зрения авторов, всякую культуру можно рассматривать как совокупность «текстов», распадающихся, в зависимости от типа сохраненной информации, на две категории. Первые, Ю.М. Лотман, называет текстами «информативной памяти». Они сохраняют фактическую, научную и технологическую информацию. Во вторую категорию автор включил тексты «креативной (творческой) памяти», которую он назвал «памятью искусства». В данном случае (для творческой памяти) «всю толщу текстов» следует считать «потенциально активной», поскольку «тексты, образующие «общую память» культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые в процессе и результате акта их освоения» [42]. Исходя из выше сказанного, анализ культурного наследия в свете ретроактивного характера самой культуры подчеркивает его генерирующую, *культуротворческую функцию*.

Согласно данной точке зрения, Э.А. Баллер определял культурное наследие как «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [43].

Культурное наследие выступает одновременно как факт прошлого и настоящего («духовный «запасник»), и как потенциал нашего будущего (источник развития).

Социальные (социо-созидательные) функции культурного наследия.

В их числе следует отметить:

1. Роль культурного наследия как механизм идентификации (культурное наследие выступает в качестве основного

идентификационного элемента, обеспечивающего формирование, легитимацию разного уровня социальных групп, а также социальную преемственность поколений). Благодаря культурному наследию мы помним и почитаем людей прошлого, чем связываем себя с нашей историей, а значит идентифицируем себя. В настоящее время в большинстве исследований наследие выступает *как хранилище коллективной памяти*, что является его *основной социальной функцией* (П. Нора, А.Я. Флиер, Ю.Л. Мазуров, Ю.А. Веденин, Э.А. Шулепова, А.В. Лисицкий, А.А. Тлюняева, С.И. Дудник, А.В. Лисицкий и др.);

2. В культурном наследии заключена накопленная человечеством информация о вариантных способах жизнеобеспечения, построения социальных институтов, формах социального взаимодействия и других значимых аспектах, которая может быть использована как для саморефлексии, так и для трансформации современных социально-культурных систем;

3. Культурное наследие непосредственно формирует пространственно-временные координаты картины мира, обеспечивающие устойчивость социального развития и выстраивающие мировоззренческие особенности региональных социумов¹.

Антропологические (антропо-созидательные) функции культурного наследия. Здесь важными следует считать такие его роли как рождение и развитие человека, его культурно-стилевую самоидентификацию, стимулирование его творчества, обеспечение контекста для его жизнедеятельности, а также о его экзистенциальной функции. С наличием памяти и «отношений» со своим прошлым связано личностное саморазвитие. По мнению Ж. Томпсона, такая связь с культурным наследием является самоукрепляющей, поскольку «она обеспечивает контекст для наших жизней, придает значение нашим деяниям и судьбе. Она задает смысл нашим отношениям, идеалам и устремлениям в

¹ См. например, работы Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой, Р.Ф. Туровского, В.Л. Кагановского, Д.Н. Замятина, Л.Н. Гумилева, Г.Д. Гачева, А.С. Азаренко, В.Ф. Чиркова.

структуре, которая выходит за пределы наших собственных жизней» [44].

Компенсаторно-релаксационная функция. По И.К. Кучмаевой, реализация данной функции происходит в ситуации «погружения» человека в мир иной культуры (культура прошлого как другая культура) в результате чего происходит релаксация индивида – то есть снятие излишнего напряжения. Этому способствует «общение» с излюбленными фрагментами наследия (прослушивание любимой музыки, любование картинами и т.д.). Позитивный смысл этой функции И.К. Кучмаева видит в том, что наследие в силу исходящей от него «жизненной силы» позволяет успешно преодолевать разнообразные жизненные кризисы человека [45].

Также следует отметить **интегративную функцию.** Культурное наследие, аккумулировавшее мировые культурные достижения, содействует единению людей (этническому, социальному, конфессиональному).

Общечеловеческие ценности, заключенные в культурном наследии, участвуют в формировании картины мира современного человека, его социализации, реализуя при этом свою **образовательно-воспитательную функцию.**

К числу функций также относятся: **репродуктивная** (воспроизводство культуры); **креативная** (развитие культуры); **аксиологическая** (наполнение ценностями феноменов культуры и бытия человека; сохранение и передача от поколения к поколению духовно-нравственных ценностей и идеалов этноса); **экзистенциальная** (наполнение смыслом бытия человека в культуре, преодоление отчуждения природе, страха смерти, конечности во времени, одиночества, обретение свободы и др.); **этическая** (формирование толерантности, уважения к другому [в пространстве и времени] и др.) [46].

Графически предлагаемая *модель культурного наследия* представлена следующим образом (по Л.В. Баевой):

СУБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:

Личность

Общности различного типа
(человечество, этнос и др.)**МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:**бессознательный – осознанный; ритуально-сакральный;
нормативно-правовой, морально-аксиологический;
воспитательно-обучающий; научно-преемственный,
художественно-творческий, информационно-кодовый**ОБЪЕКТ (ПРЕДМЕТ) КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
в границах пространства и времени:**

МАТЕРИАЛЬНЫЙ:		ДУХОВНЫЙ:
Произведения материального искусства	элитарный уровень	Произведения нематериального искусства
Исторические раритеты		Интеллектуальное наследие
Традиционные промыслы	массовый уровень	Религиозное наследие
Архитектурные сооружения		Фольклор

ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:вербальные и невербальные, материальные и духовные,
консервативные и творческие, охранительные или
запретительные и др.**ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**репродуктивная; креативная; аксиологическая;
экзистенциальная: этическая и др.

Выводы

Таким образом, *культурное наследие* оказывается центральным звеном существования и развития культуры, социума и отдельной человеческой личности, что определяет его высокую потенциальную значимость в любой социально-культурной ситуации. Богатство заложенных в нем возможностей и функций можно рассматривать как отправную точку в разработке любых программ его включения в пространство современности.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте сущность понятия «культурно-историческое наследие».
2. Охарактеризуйте определение культурного наследия согласно конвенции ЮНЕСКО 1972 г.
3. Перечислите культурные критерии, предъявляемые ЮНЕСКО к объектам культурного наследия.
4. Перечислите и охарактеризуйте признаки объекта культурного наследия согласно Федеральному закону РФ от 25 июня 2002 г.
5. Охарактеризуйте понятия «инфогенез» и «инфофонд» по М.С. Кагану.
6. Перечислите и охарактеризуйте виды духовного наследия.
7. Охарактеризуйте понятие «культурная память».
8. Охарактеризуйте виды культурных ценностей.
9. Охарактеризуйте понятие «трансляция».
10. Охарактеризуйте понятие «трансляция культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе».
11. Перечислите и охарактеризуйте функции культурного наследия.

Литература

1. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. Т. 2. – М., 1957. – С. 291 – 292.
2. Мастеница Е.Н. Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы // Основы культурологии. Учебное пособие / под. ред. И.М. Быховской. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 336 – 361.

3. Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие. – М., 2002. – С. 9.

4. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – М.: Институт Наследия, 1999.

5. Баткаева Н.В. Сохранение всемирного культурного наследия и нематериальное культурное наследие Испании // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории. Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки 19 – 21 сентября 2012 г. Т. 1. – Астрахань, 2012. – С. 105.

6. [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://ru.wikipedia.org> дата обращения 26.10.2014 г.

7. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Межкультурное взаимодействие в современном мире. Учебное пособие. – М.: Этносоциум, 2011. – С. 35.

8. Дьячков А.Н. Культурное наследие. Культурные ценности // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. – М., 2001. – С. 312.

9. Лотман Ю.М. Память о культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 200 – 202.

10. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – С. 8.

11. Каган М.С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I / под. ред. Б.В. Маркова. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 67.

12. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – С. 274.

13. Флиер А.Я. Культура как смысл истории // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 153 – 154; Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Сборник научных трудов. – М.: Изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – 216 с.; Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.

14. Каган М.С. Философия культуры... – С. 40.

15. Данный вариант понимания культуры сформулирован М.С. Каганом в работах «Человеческая деятельность: опыт системного анализа». – М., 1974; «Культура как предмет философского исследования». – Л., 1979; «Философия культуры». – СПб., 1996 и др.

16. Манифест Национального центра опеки наследия // Доверительное управление культурным и природным наследием в России: прецеденты, аргументы, документы / Отв. ред. А.П. Кудрявцев, Ю.Л. Мазуров. – М.: Центр Наследия, 2005. – 106 с. – (Нац. Центр опеки наследия). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=689234>

17. Флиер А.Я. Антропология культуры: учебная программа для студентов по специальности «культурология». – М.: Высшая школа культурологии, 2003.

18. Хоруженко К.М. Указ. соч. – С. 640.

19. Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. – М.: Наука, 1987. – С. 52.

20. Веденин Ю.А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России // Актуальные проблемы сохранения природного и культурного наследия. – Актуальные проблемы сохранения природного и культурного наследия. – М., 1995. – С. 5–20.

21. Мастеница Е.Н. Указ. соч. – С. 336 – 361.

22. Баева Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // Философия и общество. Вып. № 1 (65). – М., 2012 // [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.socionauki.ru/journal/articles/141559/> дата обращения 26.01.2015 г.

23. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. – М., 2009. – С. 486.

24. Храпов С.А. Социально-экономическая роль культурного наследия в современном мире // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории. Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки 19 – 21 сентября 2012г. Т. 1. – Астрахань, 2012. – С. 112 сл.

25. Романова А.П., Дахин С.Д., Фомин-Нилов Д.С. Культурная память и культурное наследие: соотношение понятий // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории. Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки 19 – 21 сентября 2012 г. Т. 1. – Астрахань, 2012. – С. 176 – 178.

26. Мастеница Е.Н. Указ. соч. – С. 336 – 361.

27. Веденин Ю.А. Современные проблемы сохранения наследия // Культурное и природное наследие в региональной политике: тезисы

докладов республиканской научно-практической конференции. – Ставрополь, 1997. – С. 5.

28. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. – М., 1979.

29. Молчанов С.Н. Культурное право России. Информационный портал «Культурное право России» [Электронный ресурс] (режим доступа) <http://www.culturnoepravo.narod.ru>

30. Сазонникова Е.В. Культурные ценности как объект правового регулирования в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2005. – № 2.

31. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // Культурное наследие Российского государства. – СПб., 1998. – С. 20; он же. Декларация прав культуры и ее международное значение // Наука и жизнь. – 2006. – № 2.

32. Дьячков А.Н. Указ. соч. – С. 312.

33. Кононенко Б.И. Культурология в терминах, понятиях, именах. Справочное учебное пособие. – М., 1999. – С. 126.

34. Различные подходы к динамике культуры [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://lib.nspu.ru>

35. Иконникова С.Н. Контуры исторической культурологии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск № 12. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 42 – 51.

36. Романова А.П., Дахин С.Д., Фомин-Нилов Д.С. Указ. соч. – С. 179.

37. Андреева Е.В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации. Авт. дис. ... канд. фил. Наук. – Ростов-н/Д., 2007.

38. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под. ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006.

39. Баева Л.В. Указ. соч. [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.socionauki.ru/jornal/articles/141559/> дата обращения 26.01.2015 г.

40. Кругликова Г.А. Сохранение культурного наследия как фактор социального здоровья нации [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://do.teleclinica.ru/184727>

41. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Ученые записки Тартусского университета. – Тарту, 1971. – Вып. 284. – С. 146 – 166; Лотман Ю.М. Память в культурологическом...- С. 200 – 202.

42. Лотман Ю.М. Память в культурологическом... – С. 200 – 202.

43. Баллер Э.А. Указ. соч. – С. 52.

44. Томпсон Ж. Окружающая среда как культурное наследие // Гуманитарный экологический журнал. – Т. 4. Спецвыпуск. – 2002. – С. 108 – 118. – Опубликовано: Environmental ethics. – 2000. – Vol. 22. – P. 245 – 258 / сокращ. перевод А. Елагина [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://ecoforum2.narod.ru/hem4s/digest4.htm>

45. Кучмаева И.К. Культурное наследие: современные проблемы. – М.: Наука, 1987. – С. 71.

46. Баева Л.В. Указ. соч.: [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.socionauki.ru/jornal/articles/141559/> дата обращения 26.01.2015 г.

II. ИСТОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

План

1. Основные типы восприятия культурного наследия.
2. Парадигма «отсутствие прошлого».
3. Парадигма памяти-преемственности в XIX – XX вв.
4. Парадигма культурного диалога в XX – XXI вв.

1. Основные типы восприятия культурного наследия

В различные исторические периоды, начиная с древности до нашего времени существовали разные представления о самом культурном наследии, его значимости и роли. Этим объясняется важность изучения характерных особенностей различных моделей восприятия культурного наследия и анализа выявленных основных парадигм отношения к нему. В связи с этим, следует отметить *историко-логический подход*, являющийся наиболее эффективным методом для решения этой задачи. Выводами, полученными в результате его применения, являются: исторический характер комплекса представлений об отдельных функциях наследия, разных способов отношения к артефактам прошлого, и самих категорий «прошлое», «наследие», «история», «память»; их формирование в определенных социально-культурных условиях.

В рамках данного подхода целесообразно выделить две линии анализа:

- во-первых, это изучение развития восприятия исторических вещей и предметов;
- во-вторых, это исследование представлений о прошлом культуры и характере взаимоотношений с ним настоящего, формирующих основные парадигмы отношения к культурному наследию.

Первая линия развития актуальна для нашего анализа в связи с тем, что археологическое наследие дано нам исключительно в материальных формах. Также археологические артефакты по природе своей в большинстве случаев воспринимаются как выпавшие из живой традиции, из естественной спонтанной памяти. В связи с этим значимым представляется выявить различные, в том числе не связанные с концепцией памяти *типы*

отношения к культурному наследию, данному нам в виде материальных останков.

Культурно-исторический анализ позволяет понять, что артефакты древности (в том числе археологические) в течение большей части истории *не воспринимались как объекты исторического плана* – как «следы», «источники», «свидетельства», «памятники». В их восприятии доминировали совершенно другие *мотивы, как-то прагматический, эстетический и предметно-экзотический* [1].

Среди них, безусловное первенство, в истории имел *прагматический подход* к древностям. В архаичных обществах он может быть объяснен тем, что отсутствовала сама идея истории и ее памятников. В этих социумах воспринимались только те вещи и объекты, которые были встроены в живую традицию. Широкая распространенность в мировой археологической науке такого термина, как многослойный памятник, хорошо известные случаи разграбления могильных сооружений в древности и другие факты свидетельствуют в пользу внеисторичности человека архаики. Этот человек *не стремился сохранить следы жизнедеятельности всех прошлых поколений*, это даже не приходило ему в голову.

В Европе в эпоху средневековья прослеживается аналогичный тип отношения к артефактам древности – их воспринимают не как объекты исторического наследия, но как ресурсы утилитарной практической деятельности. Так известно, что в средние века античные руины называли «*marraia*», ибо они служили местом, где веками без каких-либо угрызений совести добывали мрамор² [2].

Собираемые в сокровищницах средневековой знати артефакты прошлых эпох также в значительной мере выполняли, прежде всего, прагматическую функцию, сохраняясь в качестве материальных ценностей (учитывая, что многие из них были выполнены из драгоценных металлов). С течением времени эта

² Отмечается, что во многом это не восприятие культуры прошлого было связано с христианством, отторгавшим любое языческое наследие. Так, известно, что ранние христиане, ассоциируя античность с язычеством, разбивали античные статуи. Например, конная статуя Марка Аврелия сохранилась только потому, что ее приняли за статую императора-христианина Константина Великого.

прагматическая функция, которую выполняли сокровищницы средневековой знати, дополнилась также функцией социального престижа, символа богатства, знатности их обладателей.

О прагматическом восприятии предметов древности свидетельствуют и русские источники XVII – XIX вв. Как пример, можно привести интерес к раскопкам археологических памятников в крестьянской среде. Появление в Сибири особого названия профессии – «бугровщик» в XVII в. связано с размахом этого промысла в регионе. Это увлечение касалось и официальной власти. В частности, в XVII в. кладоискательством (как поиском материальных ценностей, способных пополнить казну государя) занимались провинциальные воеводы, поскольку это был удобный случай выдвинуться и хорошо зарекомендовать себя. Известно о раскопках памятников с целью извлечения золотых предметов в XIX веке, проводившихся представителями музеев Керчи, Феодосии, членами Склада местных древностей в Херсонесе [3].

Также важно отметить примеры раскопок могильников с целью поиска любых металлов для утилитарных нужд. Об этом свидетельствует история одного из могильников пьяноборской археологической культуры, где во второй половине XIX в. в течение нескольких лет местные крестьяне выкапывали погребальный инвентарь для мензелинских медников [4]. С проблемой массовой переплавки древностей из драгоценных металлов связан указ Петра I от 1721 г., запрещающий переливать «куриозные» драгоценные вещи, при этом, предписывающий отсылать их в Петербург.

Деятельность современных представителей черной археологии, по сути, связана с аналогичными «материальными» мотивами в отношении к предметам древности.

Важен также *предметно-экзотический мотив* в отношении к историческим артефактам. К вещам, выпавшим из актуальной культуры, забытым ею, отрезанным от нее значительным хронологическим интервалом, либо вообще принадлежащим другой культурной традиции, обычно относились как к объектам любопытства, воспринимали их через призму необычности, экзотичности.

В период средневековья, как считает британский археолог Т. Дарвилл, этот мотив, наряду с прагматическим восприятием, являлся основным по отношению к артефактам древности,

обеспечивающим интерес ко всему необычному, загадочному и вызывающему опасения («объект суеверного внимания») [5]. В дальнейшем этот познавательный эмпиризм был доведен до максимума культурой маньеризма. Считая ее второй музей-фикаторской культурой, Т.П. Калугина связывает ее проявление, прежде всего, с таким распространившимся в XVI – XVII вв. специфическим типом заведения как «cabinet of curiosities» (англ.), то есть «кабинетом редкостей» [6]. В немецком языке в качестве синонима к слову кабинет использовалось слово «камера» – kammer. Самостоятельное употребление обоих терминов было довольно редким и обычно было связано с составом сложных слов, первая часть которых говорила о характере собрания: например, Munzkabinett – кабинет монет и медалей, Naturalienkabinett – естественно-научный кабинет, посвященный животному и растительному миру, Antiquitatekammer – кабинет древностей и др. Следует отметить, что грань между содержимым таких кабинетов носила весьма условный и неопределенный характер.

Наполнение «классического» кабинета XVI в. являлось собранием всех категорий предметов, воспроизводящих в своей совокупности как бы мир в миниатюре. Основное внимание уделялось уникальным и необычным вещам, которые, согласно представлениям того времени, лучше остальных передают многогранность и разнообразие мира [7]. С акцентом на курьезность, необычность вещей связан и изданный в 1718 г. указ Петра I о пополнении коллекций Кунсткамеры, согласно которому предписывалось собирать «...все, что зело старо и необыкновенно».

Фактически данный способ отношения к вещам, и в том числе древним, является формированием элементов антикварного мышления, с тех пор не уходящего с исторической сцены европейской культуры и ставшего частью образа интеллектуала. По этому поводу Фрэнсис Бэкон отмечал, что настоящий ученый джентльмен должен иметь «красивый, большой кабинет, где было бы собрано все, что сделано человеческой рукой или машиной изысканным способом из редкого материала, в редкой форме или с удивительным движением; что исполнено с некой особенностью, удачей и ловкостью; все, что Природа создала в вещах, которые хотят жить и могут быть сохранены» [8].

Культура разного рода кабинетов и камер формировалась под влиянием философии маньеризма, тесно связанной с ориентацией на иррациональные формы познания, чистым эмпиризмом (вещность, предметная единичность мира) и с ощущением вселенной как труднодостижимого чуда [9]. В данный период формируется традиция любования вещами (в том числе археологическими), необычными предметами-редкостями, наделение их эстетической и мир-системной функцией.

Аналогичная установка по отношению к вещи была характерна для культуры барокко, сформировавшей особое внимание к экзотике, к необычным, «куриозным» предметам, отражающим многообразие мира.

Очевидно, что в культуре маньеризма, как и барокко, познавательное отношение к необычной вещи слилось с ее *эстетическим восприятием*. Тем не менее, это не мешает выделить последнее в отдельную линию осмысления древностей.

Проявление этого типа отношения к древностям наблюдается в самом первом для европейской истории музеефикационном типе культуры, который Т.П. Калугина соотносит с эпохой античности. Данный тип определяется формированием первых коллекций вещей, в том числе и прошлых эпох. Однако, согласно мнению Т.П. Калугиной, специфической особенностью состава этих собраний вещей в античности являлись исключительно произведения искусства. Отметим, что серии художественных образцов в первых музеях не формировали цельные коллекции, не образовывали экспозиции, они лишь декорировали и содержательно акцентировали пространство [10].

В эпоху античности прагматическое восприятие предметов древности в какой-то мере вытесняется типом эстетического (или, возможно, эстетико-познавательного) отношения к ним. В частности, по словам Страбона, в его время происходило разграбление древних могил в Коринфе с целью добывания вещей на продажу коллекционерам. Раньше эти вещи просто пошли бы на переплавку.

Внимание к эстетическим характеристикам артефактов прошлого, их осмыслению с позиций искусствоведения, фактически, становится одной из магистральных линий восприятия памятников прошлого в последующие эпохи,

конкурируя не только с прагматическим, предметно-экзотическим, но и историческим отношением к артефактам древности.

Например, характерным для эпохи Просвещения, отличавшейся высоким уровнем развития исторического сознания [11], следует считать интерес к артефактам древности именно в рамках искусствоведческого анализа (в среде интеллектуальной элиты) и внимание исключительно к древностям, имеющим художественное значение. О таком положении дел свидетельствует история европейской и российской археологической науки, являвшейся в XVIII веке технической экспертизой антиковедческого искусствознания. Также, как и европейские антиквари, представители российской профессуры и в первой трети XIX в. придерживались взглядов, согласно которым объектом изучения археологии признавались только художественные памятники высокоразвитых цивилизаций Древнего Египта, Греции и Италии [12]. Основным содержанием исследований являлось их эстетическо-созерцательное восприятие. В данный период древностям «варваров» вообще не уделялось внимание. Согласно специфике источниковой базы классическая археология рассматривалась, с одной стороны, как раздел искусствознания, с другой – как одна из частных дисциплин антиковедения [13].

Особенности практики реставрации артефактов древности иллюстрируются художественным подходом к ним. «Заботясь о восстановлении памятника античной пластики в XVII и XVIII столетиях, во что бы то ни стало в целом виде, – отмечал А. Сомов, – ...отваживались приставлять к торсам найденные в других местах археологических раскопок головы, новые руки, с произвольно придуманными движениями и атрибутами, новые ноги и т.д.» [14]. По мнению Н.П. Кондакова, причиной этого явления является эстетическое восприятие – «произведения древности, оторванные от родной почвы, разбросанные по дворам, дают только наслаждение...» [15]. Также с эстетической функцией были связаны и устанавливаемые в XVIII – XIX вв. в усадебных парках русской аристократии каменные изваяния с курганов кочевников, специально привезенные из степных районов [16].

Следует отметить важнейшую роль *эстетического аспекта* в восприятии артефактов древности и сегодня. Это было отмечено М. Карвером, считающим, что из всех мотивов, которые

заставляют людей посещать археологические музеи, эстетическая ценность артефактов часто стоит на первом месте, заменяя их значимость как источников информации [17].

Эта позиция прозвучала в исследованиях современного исследователя В. Нобль. Используя результаты социологического опроса М. Рамос и Д. Дуган (США, 2000 г.) [18], она пишет о том, что главная современная ценность археологии – эстетическая: из опрошенных в США процент тех, кто знал, по крайней мере, несколько монументальных археологических памятников в разных точках мира оказался значительно выше, чем процент тех людей, которые высказали интерес к тому, как люди жили в прошлом. Исходя из этого, заключает В. Нобль, люди в археологическом наследии интересуются в первую очередь не историей. Они наслаждаются захватывающими видами, живописной красотой руин и монументальной архитектурой³.

Первой эпохой, обратившей внимание на памятники древности как на *исторические свидетельства*, была, по мнению А.Л. Монгайта, античная Греция. Так в «Археологии» Фукидида (первые 23 главы книги I) уже сделана попытка путем анализа унаследованных от прошлого обычаев, обрядов, а также использования данных вещественных памятников (архитектуры, погребений и т. п.) реконструировать древнейшую историю Греции. В этом Фукидид на много веков предвосхитил развитие исторической науки [19].

Также в эпоху античности зарождается культурно-познавательный туризм, объектом которого выступали, в том числе, и исторические памятники (места жизнедеятельности известных людей прошлого, места производственной истории (каменоломни в Сиракузах), места исторических сражений (Марафон, Херонея) и др.) [20].

В целостном же виде *формирование представления об артефактах культуры прошлых времен как совокупности*

³ Здесь можно привести следующий исторический факт – профессиональная археологическая наука, в первую очередь, также «заметила» курганы, городища, писаницы и др. выдающиеся объекты, тогда как маловыразительные поселения и селища начали исследоваться значительно позже.

наиболее уникальных исторических ценностей («памятниках», «образцах», «наследии»), характерно, по мнению Т.Г. Мироновой, для эпохи Возрождения [21].

В коллекциях гуманистов XV века в основном были представлены предметы античного искусства. Чирако де Пицциколлини отмечал у Марсупини коллекцию монет и камней, у Медичи – ваз и посуды, у Поджо – собрание статуй и мраморных голов. В коллекцию Никколи кроме библиотеки, которая была в то время третьей в Италии по количеству книг, входила небольшая коллекция античных статуй, скульптур, картин, ваз, мозаик, медалей и монет [22]. В качестве украшения вилл итальянских богачи использовали уцелевшие античные статуи, фрагменты мозаик и мраморных рельефов, снятых с фасадов древних строений. У представителей среднего и мелкого купечества, ограниченных в средствах, появлялись коллекции раковин, монет, медалей, натуральных и этнографических материалов из экзотических стран.

Интерес к историческим древностям был связан с общим увлечением собирательством и коллекционированием в ту эпоху. Многие в то время плохо разбирались в приобретенных вещах, всего лишь отдавая дань моде. Но, происходят изменения в отношении к этим вещам – они, уже воспринимаются не только как материальные ценности, предметы престижа, любопытства или красоты, но и во многом как исторические образцы и значимые культурные шедевры прошлого, хотя это касалось в основном культуры античности. В тот период исторические древности других народов как историко-культурная ценность еще не рассматривались.

К окончательному утверждению представлений об исторической значимости культурных древностей привело формирование исторической науки в XIX веке. В частности, в третьей четверти XIX века в общих чертах сложилась теоретическая основа русской археологической науки. До этого к объекту археологического изучения относились как раритету, художественной ценности. В отмеченный период он понимается как информационный носитель, исторический источник. Процесс развития от науки отыскания, описания, коллекционирования и исследования «древностей» завершается наукой об исторических

источниках [23]. В результате было разделено понятие исторической (источники) и художественной (шедевры) ценности артефактов прошлого, ставшие основанием для их понимания как исторических следов – памятников.

Эта историчность артефактов прошлого, их символичность как хранилищ памяти стала одним из основных способов их восприятия в XX веке. Более того, эта концепция оказалась способна произвести в конце XX века еще один акцент в восприятии артефактов древности. В наше время благодаря инновационной экономике происходит смещение ценностных акцентов на вещи-новинки. Устарелость, «прошедшесть» начинает восприниматься как негативные характеристики вещей [24].

В то же время для современной экономики налицо расцвет антикварных рынков, что помимо отражения социальных процессов (еще один рынок престижных, символических предметов потребления), свидетельствует и о формировании нового способа осмысления вещи в современности, когда само качество историчности, старинности, «прошлости», начинает рассматриваться как особое смысловое содержание вещей. Это замеченное в вещах качество оказывается ценно для общества в связи с тем, что оно позволяет нейтрализовать чувство неуверенности и бесплодности, противодействовать распаду всех структур и преодолеть кризис собственной культурной идентичности. В итоге это приводит к формированию незначимой ранее оппозиции: «старая», «историческая» – «новая» (вещь).

Таким образом, представленный анализ позволяет отметить, что существует несколько основных типов восприятия материального культурного наследия. Если говорить о проявлении этих форм отношения к культурному наследию в современной культурной ситуации, то можно сделать вывод о том, что их значимость будет меняться в зависимости как от типа самих объектов наследия, так и от особенностей социальной группы, внимание которой будет обращено на культурный мир прошлого [25]. В любом случае их осознанное комплексное или раздельное использование может рассматриваться как средство повышения эффективности программ актуализации культурного наследия.

2. Парадигма «отсутствие прошлого»

Что касается развития представлений о прошлом культуры и характере взаимоотношений с ним настоящего, следует отметить основные исторические парадигмы отношения к нему. Всего выделяется три парадигмы, которые условно можно обозначить как:

- «отсутствие «прошлого»;
- «память-преемственность»;
- «культурный диалог».

Первый тип отношений – «отсутствие прошлого» с культурным наследием характерен для так называемых *архаичных обществ*, существующих в условиях устной традиции, поддерживаемой живой памятью. Прошлое в этом случае постоянно повторяется в настоящем, в связи с чем грань между этими состояниями практически не чувствуется. В архаических обществах имели место такие специфические черты как неосознанность процесса наследования (избирательность использования культурных образцов закладывалась традицией), а также отсутствие самой идеи истории.

Стабильность в экономике, социально-культурной среде и господствовавшая мировоззренческая парадигма не позволили в традиционной культуре сформироваться самой концепции «памятник прошлого». Так, например, по убеждению людей из племени маори, «все, что происходило некогда, при сотворении мира, воспроизводится постоянно, и прошлое ничем не отличается от настоящего и потому способно его объяснять, настоящее же впитывает это прошлое в себя» [26]. Время творения и время культурных героев, соотносимое в мифологиях архаики с прошлой эпохой, по сути, в свою очередь располагается не «в прошлом», а в другом измерении, существующем параллельно настоящему и доступному к актуализации в рамках ритуала.

Как писал П.Х. Хаттон: «Память в устной традиции, прежде всего, связывается с обычаям; ее власть берет свое начало из чувства необходимости повторения мудрости, унаследованной от прошлого. Прошлое же существует постольку, поскольку оно продолжает удерживаться в живой памяти, а помнят о нем до тех пор, пока оно служит потребностям настоящего» [27].

Аналогичное представление о прошлом характерно также для ряда ранних цивилизаций. Культурам подобного типа, как

показывает Я. Ассман, свойственно совершенно иное, отличное от нынешнего, понимание времени. Так, современные исследователи древнеегипетской культуры отмечают два обстоятельства: ритм культурных изменений в Египте кажется нулевым; египетское искусство абстрактно по отношению ко времени (т.е. передает только «вечные», неизменяемые черты людей и явлений) и технически строится на принципе повторяемости (т.е., как правило, воспроизводит одни и те же модели, изобразительные и словесные «формулы»). К этому исследователи добавляют тот факт, что в семитохамитских языках (к которым относится и египетский) вообще нет категорий «настоящего», «прошедшего» и «будущего» [28].

Таким образом, *идея культурного наследия не могла возникнуть в ту эпоху, поскольку для ее формирования необходимо, чтобы настоящее и будущее начали осознаваться несходным с прошлым, а время стало разомкнутым.*

Формирование этих представлений легло в основу второй парадигмы культурного наследия. Осознание истории как процесса развития и изменения, проявившись в рамках европейской культуры в эпоху античности (П.Х. Хаттон связывает *появление представлений об истории с появлением письменности*: «как появление письменного текста сделало возможным критический взгляд на прошлое» [29]), получает свое развитие в более поздние периоды, достигая своего расцвета в Новое время. При этом в ходе становления исторического мировоззрения, как отмечает П.Х. Хаттон, потребность подтвердить тождество между прошлым и настоящим долгое время перевешивает потребность заметить различие между ними [30].

Наибольшее влияние на формирование этой парадигмы оказал XIX век, в котором торжествовали идеи исторического развития и общественного прогресса. В первой половине XIX века «общество, вступившее на путь индустриализации, впервые осознало, что старый мир исчез окончательно и больше не вернется. История была тогда чрезвычайно популярным чтением – зачитывались историческими пьесами, романами и «хрониками» [31]. В отдельных странах этот «кризис прошлого» связался с определенными событиями. Так во Франции осознание необходимости сохранения памяти нации (была создана система Национальных

архивов, система публичных музеев), появление самой концепции «национального культурного достояния» проявилось в результате разрушительной к прошлому (по ощущению современников) революции 1792 г.

3. Парадигма памяти-преемственности в XIX – XX вв.

Формирование исторического сознания ярко проявилось в мироощущении представителей Романтизма. Им было свойственно обостренное чувство времени, осознание смены эпох и себя как субъекта истории. В тоже время интерес к прошлому, «движение к истокам» в Романтизме были сопряжены с целью поиска цельности бытия, единства, которые, по мнению романтиков, были утрачены современной им культурой. Романтики глубоко интересовались неповторимым в нации (своеобразными, первоосновными чертами национального характера), а также своеобразием и самоценностью различных исторических эпох [32]. Во многом именно это мировоззрение становится основой целого ряда неостилей (помпейский, неоготический, неогреческий, русский стиль, неороккоко стиль и др.), быстро сформировавшихся и так же быстро сошедших с исторической сцены в XIX веке. *Историзм мышления романтиков, их оценка прошлого позволили сложиться трактовке исторических предметов как объектов наследия, реликвий всех прошлых эпох и культур, самоценных уже на этом основании.*

Понятие культурного наследия в XIX веке в европейских странах закрепляется и на законодательном уровне. Так, в законе, изданном в 1834 г., Греция объявила все найденные на ее территории древности национальным достоянием «всех эллинов».

В основание формирующейся концепции культурного наследия и парадигмы памяти-преемственности были положены следующие идеи.

Во-первых, это представление о чрезвычайной культурной значимости памяти. Как отмечает Н.З. Коковина, понятие памяти в XIX в. превращается в значимую категорию общественного и художественного сознания. Оно оказывается теснейшим образом связано с нравственностью человека. Память, как и забывание, становится ключевым показателем нравственных качеств – личных, семейных, социальных, гражданских. Она обладает

специфическим нравственно-ценностным измерением, осмысление которого представляется актуальным как для философско-этической теории, так и для литературоведения [33].

На фоне такой оценки памяти *проблема забвения и разрушения памяти (памятников) также выступает на первый план. Противопоставление памяти и забвения оказывается центральным компонентом формирования и отношения к прошлому, и самого понятия культурное наследие.* Появившаяся с учетом этой антитезы парадигма легла в основу всей европейской системы наследия XIX – первой половины XX столетий [34]. Она характеризуется утверждением необходимости охраны памятников прошлого [35] и постулированием долга памяти [36]. Также в ее основе лежит представление о наследии как о чем-то объективном, «статическом», неизменно-монументальном.

Необходимость сохранения наследия, в настоящее время является аксиомой, которую можно сравнить с отношением к моральным нормам и ценностям («нельзя воровать», «нельзя убивать», «нельзя разрушать памятники»...). Безусловное ценностное отношение к прошлому, необходимость знания его, памяти о нем – все эти идеи, сформированные **в рамках парадигмы памяти-преемственности**, – по-прежнему, *лежат в основе мировоззрения современного человека и официальной культурной политики.* А «памятливое» отношение к прошлому рассматривается как важнейший признак культурного развития социума и индивида. Рожденная в рамках этой парадигмы мысль А.С. Пушкина, о том, что «Уважение к минувшему есть черта, отличающая цивилизованность от дикости», пронизывает всю деятельность современных институтов культуры.

Следует отметить, что содержание такого отношения к проблеме памяти уже представляет собой важнейшее культурное завоевание человечества и соотносится сегодня с самыми значимыми основаниями его существования.

В целом можно утверждать, что этот *ценностно-мемориальный, ритуально-почтительный подход* к прошлому культуры и его останкам стал логичным завершением многовековой истории осмысления и изучения памяти как важнейшего социально-культурного феномена.

Вторым основанием рассматриваемой парадигмы стала идея истории как линейно-поступательного процесса развития, построенного на идеях преемственности и прогресса.

Во второй половине XIX в. доминировавшие в научных концепциях историзм, эволюционизм трансформируют эту позицию в отношении к прошлому. Оно начинает ассоциироваться с прошедшим этапом, все основные проблемы и достижения которого были сняты более поздним, более прогрессивным временем. Каждая последующая ступень воспринимается как находящаяся выше предыдущей, вбирающая в себя все то положительное, что было достигнуто на той ступени, которую культура уже прошла. Происходит выстраивание истории как процесса эволюции от примитивного к совершенному. Эта форма осмысления «исторической наследственности» была названа В.С. Библером «схематизмом восхождения» или в другом варианте «схематизмом обобщения» [37]. Также значимый вклад вносит характерный для исторических наук в тот период сциентистский, отчужденно-объективный характер исследования и описания прошлого [38]. В результате эта «снятость», отчужденность, сопряженная с концепцией памяти-долга, закладывает определенные противоречия в парадигму памяти-преемственности.

Подводя итог характеристике этой парадигмы, отметим также, что в ее рамках образ прошлого, его оценка, расстановка смысловых акцентов в нем – все это принадлежало *представителям исторической науки или искусствоведения*. На основе их трудов и выводов строилась вся деятельность институтов по охране культурного наследия в XIX и большей части XX вв. Она заключалась в защите культурных ландшафтов, зданий, сооружений, движимых предметов как памятников, отобранных на основе определенного четкого набора, как предполагалось, объективных и очевидных сущностных критериев, таких как историческая и эстетическая ценность, символическая значимость, уникальность.

Парадигма памяти-преемственности продолжает оказывать сильное воздействие и в XXI веке. На уровне деятельности институтов культурного наследия парадигма она выражается сегодня в следующих акцентах: утверждение безусловной общественной ценности памятников, приоритет

проблематики их сохранения, невнимание или даже негативное отношение к современным интерпретациям наследия, узко гносеологическая (субъект-объектная) установка в презентации культуры прошлого.

4. Парадигма культурного диалога в XX – начале XXI в.

Формирование третьей парадигмы – *«парадигмы культурного диалога»*, связано уже в большей степени с XX веком, хотя ее истоки можно обнаружить и ранее.

Значимый вклад в парадигму памяти-диалога вносит герменевтика, которая сосредотачивает свое внимание на проблеме историчности историка и понимания истории. Представителями герменевтики вскрывается проблема того, что объективного прошлого не существует, а существуют разные способы его прочтения и интерпретации. Безусловно, такое отношение размывает, деконструирует понятие Памятника. В тоже время герменевтика по-новому решает проблему объективности-отчужденности, которая была основным принципом классической науки (и выстраиваемой ей картины мира). Обосновывая специфику гуманитарных наук, представители герменевтики *аргументировали* человеко-сообразный способ понимания истории, в котором основное место занял культурный диалог с прошлым.

Признание того, что «круговые движения интерпретации, в которые вовлечены историки, не только углубляют их понимание прошлого, но также изменяют их оценку обстоятельств настоящего» [39], позволило обосновать значимость культурных достижений прошлого не только с позиции «памяти-долга», «памяти об утраченном», «памяти-происхождения» и «памяти-преемственности», но и с точки зрения его потенциала для диалога с настоящим. Таким образом, по Г.Г. Гадамеру, *традиция – это не балласт прошлых канонов, истинных в силу своего почтенного возраста, а последовательность попыток их новой интерпретации, соединяющихся в континуум смысла* [40].

Как писал М.М. Бахтин, память культуры носит активный характер. Память – это не знание и сохранение прошлого, но *процесс его многократного прочтения, позволяющего каждый раз по-новому осмыслять и прошлое, и настоящее*. Это можно назвать *памятью-диалогом*. Снимается М.М. Бахтиным и проблема культурного

разрыва, которая ранее осмыслялась как потеря ключа к пониманию прошлого, потеря связи с ним. С его точки зрения, *в области культуры именно венаходимость – это самый могучий рычаг к пониманию* [41]. Также М.М. Бахтиным вводится понятие «внутринаходимость» – состояние смысловой, эмоциональной сопряженности (событийствования) исследователя и изучаемого исторического субъекта, которое является основанием для «вненаходимого» понимания и выхода в «большое время» культуры.

Диалогичность задачи познания прошлого была воспринята и в рамках исторической науки, в особенности представителями школы «Анналов». Одна из центральных идей этого направления заключалась в том, что историк должен не строить для себя башню из слоновой кости, где он вдали от шума современности будет «объективно» изучать прошлое, но, напротив, *интересоваться вопросами, волнующими современников, и задавать эти вопросы изучаемой эпохе, выступать в роли переводчика в диалоге прошлого и настоящего, чтобы помочь обществу лучше понять себя.* Здесь можно привести слова М. Блока: «Есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых» [42].

Во второй половине XX века в работах Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Я. Ассмана, М. Хальбвакса и др. разрабатываются *представления о ретроактивном, избирательном характере культурной памяти.* В результате формируется идея о том, что история каждый раз «пишется по-иному, она и переживается, и “делается” каждый раз по-иному – в зависимости от сложившихся социокультурных рамок действия и воспоминания» [43].

Как писал Ю.М. Лотман, «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым. Так, античные статуи находили и в доренессансную эпоху, но их выбрасывали и уничтожали, а не хранили. Русская средневековая иконопись была, конечно, известна и в XVIII, и в XIX вв. Но как

высокое искусство и культурная ценность она вошла в сознание послепетровской культуры лишь в XX в.» [44].

Таким образом, отмечал уже М. Хальбвакс, «нет памяти, способной удержать прошлое как таковое; от прошлого остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в референциальных рамках настоящего» [45]. В итоге, анализ прошлого как «культурного конструкта, возникающего в силу того, что оно оказывается востребованным, и к нему обращаются» [46], также позволяет перейти от проблематики культурной памяти к проблематике интерпретации и диалога.

Идеи культурного диалога получили особое звучание в эпоху глобализации и формирования информационного общества. М.С. Каган утверждает, что в конце XX века человечество вступило в новую фазу перехода от одного типа культуры к другому и что объективная историческая миссия этого перехода «состоит в диалогическом контакте прошлого и будущего» [47]. С точки зрения исследователя, историко-культурную ситуацию, называемую неопределенно-бессодержательным понятием «постмодернизм», следовало бы определить, как наступление эпохи многомерного диалога. По мнению М.С. Кагана, человечество сегодня «приговорено к диалогу» [48].

Исследования В.С. Библера являются развитием идей М.С. Кагана. По В.С. Библеру, это культура нововременного мышления, то есть культура «втягивания» всех прошлых и будущих культур в единую цивилизационную лестницу» [49]. В качестве дополнения исследователь в работе «Культура. Диалог культур» формулирует понятие «схематизм общения», которое он выводит из анализа наследственности в искусстве, но показывает, что в XX веке оно распространяется на всю сферу культуры.

Смысл этого понятия заключен в том, что в культура развивается как процесс постоянного многомерного общения созданных в разное время произведений (текстов), в связи с чем понятие диалога оказывается для культуры определяющим. Согласно точке зрения В.С. Библера, культуру вообще можно определить, как «форму одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур» [50].

Таким образом, в основе *парадигмы культурного диалога* лежат:

а) признание того, что культурное наследие существует и развивается в многообразии его интерпретаций;

б) акцент на осмысление памятников через социально-культурные проблемы современности;

в) человекообразное, субъект-субъектное, ценностно-смысловое освоение культурного наследия.

Исследования, на которых строится парадигма культурного диалога, позволяют говорить, что диалог происходит всегда – независимо от доминирующей в культуре установки по отношению к прошлому. Память – всегда актуализирующий процесс, процесс интерпретационный, отражающий связь настоящего и прошлого. В этом смысле *парадигма памяти-сохранения вообще снимается парадигмой памяти-диалога*. Однако большую часть исторического процесса этот диалогический процесс шел неосознанно, и только сегодня современные институты культуры используют интерпретацию как осознанный механизм актуализации культурного наследия в современной социально-культурной среде. На фоне формирования индустрии культуры, развития культурного туризма, формирования таких дисциплин как менеджмент и маркетинг культуры происходит переосмысление объектов культурного наследия в терминах ресурсов и сырья для современного социально-культурного развития и сферы бизнеса.

В наиболее выраженном виде этот подход реализуется в деятельности Службы Национальных Парков (далее СНП) США. Отметим также, что в США в 2000 г. создана национальная ассоциация интерпретации (National Association for Interpretation) [51], представители которой обосновывают идею того, что история – только одна из возможных трактовок памяти (фактически официальная версия). Далеко не всегда это толкование оказывается значимым для современных социальных групп, либо игнорирующих ее, либо изобретающих другую историю, которая встраивается в их память. Таким образом, незначимых памятников, не имеющих современной ценности, с этой точки зрения не существует, а существуют лишь неэффективные модели их интерпретации и презентации. В рамках существующей индустрии наследия и культурно-познавательного туризма этот

интерпретационный диалог рассматривается, в том числе, как способ привлечения в культуру внебюджетного финансирования.

В тоже время, сегодня явно существует противостояние между подходами охраны наследия и его актуализации, выражающиеся в разном финансировании связанными с ними проектов, в отношении к ним представителей власти, науки и общества. При этом можно отметить, что *в России гораздо более освоена проблематика, связанная с сохранением памятников, тогда как вопросы их использования, включения в современное культурное поле пока остаются значительно менее разработанными и востребованными для анализа.*

В качестве примера, отражающего такую ситуацию, можно отметить программу «Развития сферы культуры в Республике Карелия до 2012 г.» – одном из наиболее передовых регионов России в деле развития культурного туризма, интерпретации культурного наследия и понимания значимости развития территорий через культуру. В данном документе большинство пунктов, основное финансирование традиционно связывается с политикой в области «сохранения» и «музеефикации», тогда как развитию культурного предпринимательства, формированию и обучению корпуса молодых менеджеров в сфере культуры не какого внимания не уделяется, средства не выделены [52].

В ряде случаев деятельность по сохранению и использованию наследия изначально наделяется разной культурной значимостью. В частности, представителями Национального Центра охраны наследия РФ доказывается, что можно называть наследие условием, фактором, предпосылкой развития, но никак не ресурсом, т.к. сама эта категория предполагает, прежде всего, потребление, в то время как политика в отношении наследия должна исходить из первичности его сохранения [53].

Для различения двух парадигм, задающих отношение к объектам социально-культурной реальности прошлого, исследователями предлагается сегодня отделять их терминологически, противопоставляя определение «памятник» термину «наследие». Так, по мысли Т.М. Мироновой, «дефиниция «памятник», прежде всего, ориентируется на сохранение памяти, воспоминания; он выключен из активной хозяйственной деятельности; наследие же – это то, что передали нам предки, но

передали не просто на сохранение, но для интерпретации и приумножения» [54]. Этих же позиций придерживаются Е.Н. Селезнева, Э.А. Шулепова и др. [55].

Приведенные аргументы являются свидетельством в пользу того, что мышление в диалогической парадигме еще только формируется.

Здесь мы можем выразить некоторые наиболее значимые сегодня *противостояния парадигмы памяти и парадигмы диалога*:

- акцент на прошлое (сохранение памяти, происхождение-преемственность от прошлого) – акцент на настоящее (интерпретация прошлого в целях современности);

- понимание через «схематизм восхождения» (отстраненного субъект-объектного познания) – утверждение «схематизма общения» (включенного субъект-субъектного понимания);

- представление об объективности прошлого – понимание прошлого как социального конструкта.

В тоже время, очевидно, что парадигма диалога не только не отрицает проблематики сохранения прошлого, но и фактически утверждает ее в новом всеобъемлющем масштабе. Выделенный представителями семиотической школы *мозаично-пульсирующий характер наследования*, выражающийся в неравномерности значимости и использования отдельных объектов наследия для разных социальных групп, в разное время, выступает доказательством бессрочной актуальности всего культурного наследия [56].

Однако, как показывают сторонники актуализации, охранной трактовки культурного наследия, общераспространенной, принятой официально (от разных европейских государств до ЮНЕСКО) и вытекающей из парадигмы памяти-преемственности, оказывается недостаточно для его сохранения. Сегодня все отчетливее звучит мысль, что *только сочетание практики охраны с практикой использования может гарантировать сохранение памятников*. Так можно снова сослаться на П.М. Шульгина, который пишет о том, что «без использования, без жизни памятник быстро приходит в запустение» [57].

Считается, что именно диалогическая парадигма культурного наследия должна выступать сегодня в качестве ведущей. Это

утверждение основывается не только на том круге работ в области культурного диалога, который был затронут выше. К диалогичной позиции призывает сегодня сама культурная среда.

В условиях глобализации, формирования единого информационного пространства, развития индустрий наследия, «типологически различные «культуры» втягиваются в одно временное и духовное «пространство», странно и мучительно сопрягаются друг с другом» [58]. В этой ситуации хаоса культур человек вынужден искать пути освоения постоянно открывающихся новых ему культурных миров. Человеку современности необходимо найти компромисс между растворением в этом культурном многообразии и позицией культурной закрытости и неприятия (которая может быть оправдана тем, что расширение памяти вызывает трансформацию социо-культурной идентичности). Этим срединным вариантом как раз и является позиция *культурного диалога*. Именно диалог может стать важнейшим механизмом развития культуры, реализуя культуросозидательную функцию культурного наследия в этих уникальных условиях существующего сегодня открытого к общению многомерного культурного пространства. Именно диалог и диалогичные практики можно рассматривать как принципиальный важный опыт и механизм развития современной культуры и социума.

Определяя потенциал этой культурно-диалогичной ситуации, мы можем использовать идеи Ю.М. Лотмана, который писал о том, что «культуры, память которых в основном насыщается ими же созданными текстами, чаще всего характеризуются постепенным и замедленным развитием, культуры же, память которых периодически подвергается массивному насыщению текстами, выработанными в иной традиции, тяготеют к «ускоренному развитию» (по терминологии Г.Д. Гачева)» [59].

Существует также и иная особенность современной культуры, которая обуславливает актуальность диалогической парадигмы. Этой особенностью является «ускорение истории» в условиях инновационной экономики. Здесь можно сослаться на Н.С. Плотникова, который пишет о том, что «сегодняшнее общество в ускоренном темпе не только производит инновации, но и увеличивает объём собственного прошлого, которое уже не годится для современного использования. Это уже не процесс,

длящийся поколениями, а ощущаемая современниками утрата структур прошлого опыта [60].

Как отметил П.Х. Хаттон, «в нашей культуре постмодерна мы больше не обладаем сильно выраженной чувствительностью к мнемоническим местам. В какой-то мере такое положение вещей отражает уменьшение привлекательности отдельных традиций. В другом отношении оно отражает характер памяти в век электроники, когда элементы традиции постоянно распадаются и используются по-новому в калейдоскопе различных конфигураций на телевидении и в других электронных средствах массовой информации» [61].

Таким образом, наблюдается разрыв между настоящим и прошлым, между историей и культурой.

Важнейшим признаком разрыва актуальной культуры и истории, с точки зрения П. Нора, является захлестнувшая с 1980-х гг. Европу и мир волна мемориализации, выразившаяся в раздувании функции памяти, гипертрофии ее учреждений и орудий: музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных, хронологий и прочего [62]. Тот самый бум наследия, та волна воспоминания, которая сегодня захлестнула мир, вызвана, в первую очередь, ощущением утраты прошлого, разрыва с ним. Как пишет П. Нора: «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет», «если бы мы сами продолжали населять нашу память, нам было бы незачем посвящать ей особые места» [63].

Переориентации на парадигму «культурного диалога» требуют условия современности. Во-первых, парадигма культурного диалога оказывается значима в постиндустриальной ситуации разрыва культуры и истории, когда современниками в силу скорости перемен остро ощущается утрата структур прошлого опыта. Фактически в конце XX века большая часть наследия стала археологической – то есть выпавшей из актуальной культуры, из памяти-преемственности, превратившейся в систему артефактов, для понимания и освоения которых требуются процедуры «вживания», диалога, герменевтики, позволяющие приблизиться к прошлому, которое в определенной мере является чуждым и странным для существующего способа мысли.

Во-вторых, построение социально-культурных практик в этой парадигме может стать механизмом как выживания (сохранения смысложизненных ориентаций), так и развития современных

культур, социумов и индивидуумов, оказавшихся сегодня в уникальных условиях открытого к общению глобального поликультурного пространства.

Мышление в парадигме культурного диалога обозначает для современных индивидуумов возможность встроить себя в историю, почувствовать ценность и значимость культурного наследия для своей личной жизни [64].

Выводы

Таким образом, в условиях современной социально-культурной ситуации взаимоотношения с культурным наследием должны выстраиваться в парадигме культурного диалога. Это подразумевает, что пространства современных институтов культуры следует выстраивать как территории многомерного культурного общения, а практики освоения культурного наследия должны разрабатываться как практики герменевтического диалога.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте сущность прагматического подхода к древностям в архаических обществах.
2. Охарактеризуйте особенности предметно-эстетического мотива в отношении к древностям.
3. Объясните, для каких исторических периодов характерен предметно-экзотический мотив в отношении к древностям?
4. Охарактеризуйте особенности эстетического мотива в отношении к древностям.
5. Объясните, для каких исторических периодов характерен эстетический мотив в отношении к древностям?
6. Охарактеризуйте парадигму «отсутствие прошлого».
7. Охарактеризуйте парадигму памяти-преемственности.
8. Охарактеризуйте парадигму культурного диалога.

Литература

1. Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Автор. дис. канд. культурологии. – Екатеринбург, 2009. – С. 9.
2. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции: Пособие для учителей. – Минск: Беларусь, 2000. – 198 с. [Электронный

ресурс]. (Режим доступа) // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/14.php).

3. Непомнящий А.А. Крымоведение в творчестве И.А. Линниченко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2004. – № 50, т. 1. – С. 29 – 34.

4. Медведь А.Н. Высочайшее повеление 1889 г. и взаимоотношения научных обществ во второй половине XIX в. // Восточноевропейский археологический журнал. – 2002. – № 2 (15).

5. Darvill T. Valuing Britain's archaeological resource. – Bournemouth: Bournemouth University, 1993. – P. 5 – 8; Цит. по Temkin, M. Guns or Plowshares: Significance and a Civil War Agricultural Landscape. Maryland Archeology 36 (March 2000). – P. 31.

6. Калугина Т.П. Музей и «музеефикаторский» тип культуры // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник к 80-летию профессора М.С. Кагана. Серия «Мыслители». Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

7. Юренева Т.Ю. Западноевропейские естественно–научные кабинеты XVI –XVII веков // Вопросы истории естествознания и техники. – 2002. – № 4.

8. Калугина Т.П. Указ. соч. – С. 12.

9. Калугина Т.П. Культура – «музеефикатор»: метафора и реальность // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80–летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт–Петербург. Серия «Symposium». Вып. № 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.– С. 215.

10. Там же. – С. 215.

11. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. – М.: Наука, 1993. – С. 49.

12. Цит. по Тункина И.В. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. Под ред. д–ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003.

13. Следует отметить, что в современной Франции археологическими, как правило, называют музеи, где собраны только античные древности, а орудия каменного века и другие материалы первобытной археологии хранятся в музеях истории искусств – см.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. – М.: Просвещение: Учебная литература, 1996. – 304 с.

14. Зверев В.В. От поновления к научной реставрации. – М: ГосНИИР, 1999.

15. Там же.

16. Кренке Н.А. Археологические памятники Подмосковья в контексте культуры XV – XX вв. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. – М.: Наука, 1995. – 271 с.

17. Carver M. On Archaeological Value // *Antiquity*. – 1996. – № 70. – P. 45 – 56.

18. Ramos M., Duganne D. Exploring Public Perceptions and Attitudes about Archaeology [Электронный ресурс]. Report by HarrisInteractive on behalf of the Society for American Archaeology, 2000. Режим доступа: <http://www.saa.org/pubedu/nrptdraft4.pdf> (accessed 28 September 2004).

19. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. – М.: Наука, 1973. – С. 10.

20. Грицкевич В.П. История туризма в древности. – СПб.: Герда, 2005. – С. 221 – 223.

21. Миронова Т.Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: Дис... канд. культурологии. – М., 2000. – С. 69.

22. Бистиччи В. Жизнеописания прославленных людей XV века // Опыт тысячелетия. Средние века и Возрождение. – М., 1996. С. 457–462.

23. Антонов В.А. Археологические древности в провинциальной исторической мысли Европейской России второй половины XVIII – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Н. Новгород, 2005. – С. 17 сл. 264 с.

24. Шпаковская Л.Л. Социальные основы формирования ценности антикварных вещей (на примере антикварного рынка Санкт–Петербурга). Автореф. дис. ... канд. соц. наук 22.00.04. – М., 2001. – С. 11.

25. Так, современными антикварными торговцами, оценщиками, коллекционерами в их суждениях относительно того, что можно считать антиквариатом, основными являются следующие категории: старости, редкости (уникальности), связанности с историей, художественной ценности – Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. – 2000. – № 1/2. – С. 66 – 78.

26. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности (перевод главы из книги: Hartog Fr. *Régimes d'historicite. Presentisme et Experiences du temps*. Paris: Seuil, 2003) // «Неприкосновенный запас – 2008. – № 3 (59).

[Электронный ресурс] (Режим доступа) // http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html#_ftn1. Дата обращения 15.04.2015 г.

27. Хаттон П.Х. История как искусство памяти – History as an art of memory / П. Х. Хаттон; пер. с англ. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – С. 63.

28. Баскакова, Т.В. АССМАН (Assmann) Ян // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. – СПб.: Университетская книга: Алетей, 1998. – С. 41.

29. Хаттон, П. Х. Указ. соч. – С. 64.

30. Там же. – С. 65.

31. Уваров П. История, историки и историческая память во Франции [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2004. – № 5. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=949>

32. Большаков В.П., Гуревич А.М., Хохлов Ю.И., Марков В.А. Романтизм // Большая советская энциклопедия. – Т. 25. – М., 1975. – С. 196 – 200.

33. Коковина Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века. Дис. ... д-ра филол. Наук. – Тверь, 2004. – С. 6.

34. Гнедовский М.Б. Книга в музее и музей книги // Визуальная пропаганда книжных памятников. – М., 1989.

35. Здесь можно привести, например, воззвание Исполнительного комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов 1917 года: «Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой растет ваше новое народное искусство». Воззвание Совета Рабочих и Солдатских депутатов, 1917. Цит. по: Стешко Л.А. Правовая охрана памятников культуры в СССР. – М.: Знание, 1974. – С. 7.

36. Отметим, что аксиологические основания культуры памяти были обоснованы Н.Ф. Федоровым (идеи о воскресающей способности памяти), Н. Бердяевым (концепция исторической памяти), И. Ильиным (идеи о воспитании доброго памятования) и др. См. об этом – Лебедева Г.В. «Память» и «забвение» в пространстве этического описания: аксиологический и генеалогический подходы // К 40-летию философского факультета: Труды аспирантов и докторантов / Под ред. А.В. Перцева, О.Б. Йонайтис. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 51–52; Коковина Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. -Тверь, 2004. – С. 20.

37. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 33, 35.

38. На его основе в музеях сформировался особый, эпический тип интерпретации собраний, характерными чертами которого стали повествовательность и объективизм – см. об этом Гнедовский М.Б. Указ. соч.
39. Гадамер Г.-Г. Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 376.
40. Плотников Н. Человек–традиция. Памяти Гадамера [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2003. – № 3. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=46>
41. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 334.
42. Блок М. Апология истории. / Пер. Е.М. Лысенко. Прим. А.Я. Гуревича. – М.: Наука, 1973. – С. 29.
43. Баскакова Т.В. Указ. соч. – С. 42.
44. Лотман Ю.М. Память в культурологическом... – С. 201 – 202.
45. Цит. по Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры: Авт. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 17.
46. Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры. Дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – С. 19.
47. Каган М.С. Философия культуры... – С. 402.
48. Там же. – С. 405.
49. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Политиздат, 1991. – С. 8.
50. Библер В.С. Культура... – С. 38.
51. Сайт National Association for Interpretation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interpnet.com>.
52. Мосс Др. Л. ARCTIC ROLL? Cultural Industries and Tourism Development in Russian Karelia: can it succeed? // 60 параллель. – 2006. – № 4 (23). – С. 41 – 42.
53. Мазуров Ю.Л. Современные инновации сферы охраны наследия в мире [Электронный ресурс] // Доверительное управление культурным и природным наследием в России: прецеденты, аргументы, документы / Отв. ред. А.П. Кудрявцев, Ю.Л. Мазуров. – М.: Центр Наследия, 2005. – 106 с. – (Нац. центр опеки наследия). [Электронный ресурс]. (Режим доступа): <http://www.ntrust.ru/public.cms/?eid=689231>
54. Миронова Т.Г. Указ. соч. – С. 77.
55. Селезнева Е.Н. Указ. соч.; Шулепова Э.А. Наследие в проблемном поле исторической культурологии // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии =Cultural Studies: from Past to Future: To the 70th Anniversary of the Russian Institute for

Cultural Research / М–во культуры РФ. Рос. ин–т культурологии; редкол.: К.Э. Разлогов (отв. ред.) и др. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2002. – С. 84.

56. Мастеница Е.Н. Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы // Основы культурологии. Учебное пособие / под. ред. И.М. Быховской. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 336 – 361.

57. Шульгин П.М. Указ. соч. – С. 9.

58. Библер В. Указ. соч. – С. 32.

59. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 202.

60. Плотников Н.С. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // Вопросы философии. 1994. №4. С. 92.

61. Хаттон П.Х. Указ. соч. – С. 391.

62. Изменение подходов к наследию, выразилось и в трансформации культурной политики. Начавшийся в конце 60-х годов XX века сдвиг от охраны к сохранению расширил объект внимания от отдельных памятников до ансамблей и территорий. С этого времени под наследием постепенно начали понимать не только шедевры искусства или памятники истории, но и любые творения определенной культуры, определенного региона, определенного социального слоя. Расширение и децентрализация понятия наследия происходит до сих пор – см. Артог. Ф. Типы исторического мышления...

63. Нора П. Проблематика мест памяти... – С. 17 – 19.

64. Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Авт. дис. ... канд. культурологии. – Екатеринбург, 2009. – С. 13.

III. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

План

1. Понятие «государственная политика» в отношении культурного наследия.
2. История проведения российским государством культурной политики.
3. Государственная политика в области сохранения культурного наследия в 90-е гг. XX в. – начале 2000-х гг.
4. Система охраны культурного наследия.

1. Понятие «государственная политика» в отношении культурного наследия

В настоящее время интерес к памятникам, тревога за их судьбу уже не являются достоянием отдельных специалистов и разрозненных общественных групп. Резкое падение экономики России в 90-е гг., утрата духовных идеалов усугубили и без того бедственное положение науки и культуры, что сказалось на состоянии историко-культурного наследия. Ныне глава государства, местные структуры власти постоянно обращаются к проблеме сохранения культурного наследия, подчеркивается необходимость принятия мер по предотвращению утраты памятников. Политика духовного возрождения, провозглашенная правительством, в случае утраты преемственности лучших традиций культуры не может быть полностью реализована без сохранения и возрождения историко-культурного наследия.

В исторической науке происходит процесс переосмысления оценок, опыта, уроков, преодоления односторонности; большое внимание уделяется неизученным и малоизученным проблемам. Это в полной мере относится и к государственной политике в отношении культурного наследия. Культура была и остается историческим наследием. Она включает те аспекты прошлого, которые в измененном виде продолжают жить в настоящем. Культура выступает как феномен активного социального воздействия на общественную практику, выражая сущностные интересы человечества, и является одной из важнейших сфер постижения человеческого бытия [1].

Согласно Основам законодательства Российской Федерации о культуре, *культурное наследие народов Российской Федерации, это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию* [2].

Культура не может быть вне общества, а общество – вне культуры. И культура, и общество имеют единый источник – трудовую деятельность. В ней заключается как механизм культуры (социальная память, социальное наследование опыта людей), так и предпосылки совместной деятельности людей, порождающие различные сферы социальной жизни. Статус культуры в обществе, представления о ее состоянии, путях сохранения и развития всегда находятся в процессе становления. И общество может быть понято не только из анализа его политической и социально-экономической «биографии», но и непременно из осмысления его культурного наследия.

Важнейшим фактором развития культуры является *идеология* – выражение социально-классовых характеристик тех или иных элементов культуры. *Она представляет социальный механизм, позволяющий какой-либо социальной общности подчинить себе культуру и через нее выразить свои интересы. Характер идеологического воздействия приводит к соответствующей государственной политике в области культуры. Прежде всего, это ее институционализация (создание в обществе системы образования, библиотек, университетов, музеев и т. п.).*

Наиболее полным представляется определение культурной политики как *«деятельности, связанной с формированием и согласованием социальных механизмов и условий культурной активности как населения в целом, так и всех его групп, ориентированных на развитие творческих культурных и досуговых потребностей. Механизм формирования и согласования условий культурной деятельности представляют административные, экономические и демократические условия»* [3].

В основе политики культурного наследия лежит политический интерес – рациональное и избирательное отношение субъекта политики к явлению культурного наследия в целом и

отдельным объектам культуры, имеющим материальное или нематериальное воплощение. Именно интерес выступает и как реальная причина активности субъекта, инициирующего и организующего охрану, эксплуатацию, экспроприацию или разрушение тех или иных объектов культурного наследия. В основе интереса могут лежать как определенные мировоззренческие принципы, идеалы, культурные ориентиры, убеждения и установки, так и различные, даже самые низменные потребности носителей интереса.

В понятийном пространстве культурная ценность, как правило, понимается как служащая удовлетворению, в первую очередь, культурных потребностей. Ценность (значимость) культурного наследия для субъекта политики всегда связана с возможностью объекта удовлетворить политические потребности субъекта. Текущая политическая потребность может быть идеальной и возвышенной, а может иметь материальное содержание. Поэтому политика в отношении культурного наследия (в том числе церковного) – это осознанно избранная (субъектом) совокупность целей, технологий и практических методов, позволяющих «конвертировать» как имманентную и идеальную, так и сиюминутную, субъективную значимость объектов культурного наследия во власть.

Она может носить не только охранительно-созидательный, но и разрушительный характер, в зависимости от характера осознанной субъектом политики потребности. Культурное наследие может конвертироваться в удовлетворение политических потребностей в утилитарных ресурсах; в контроле над идентичностью, идеологией; в легитимности и поддержке, признании и уважении; в положительном имидже, в символах и атрибутах власти.

В каждом конкретном случае политическое использование культурного наследия представляет собой политическую технологию. Для решения конкретных проблем в сфере политики используются две группы технологий.

К первой группе относятся **традиционные** технологии. Группа делится на несколько подгрупп:

1. *Ресурсные технологии* (использование утилитарных свойств объекта культурного наследия);

2. *Инструментальные* (применение тех или иных параметров объекта в качестве инструмента достижения конкретных политических целей);

3. *Символические* (использование объекта культурного наследия как знака, символа, отсылающего к тому или иному событию, эмоции, ситуации; так, храм, имеющий символическое значение, используется в качестве фона для произнесения политической речи, воззвания);

4. *Процедурные* (культурное наследие нематериального происхождения – ритуалы, молитвы, песни, сюжеты применяются в качестве элемента того или иного политического действия, события, например, парадов, коронаций, инаугураций и т.д.)

Второй группой являются *инновационные* технологии или технологии *актуализации* культурного наследия. Они отличаются от традиционных технологий в комплексном и многоплановом характере. В данном случае субъектом используется не один конкретный объект культурного наследия, не одна из его сторон, не одна функционально-ролевая возможность, а *целая область социокультурного пространства, среды*, интерпретируя ее содержание, эксплуатируя его «ауру» в своих политических целях посредством введения в свой политический дискурс [4].

Парадоксом культурной ситуации 90-х гг. XX в. – первые годы XXI в. следует считать сосредоточение инициативных, ярких, талантливых подвижников культуры на одном берегу культурной жизни общества, а средств, зданий, юридических прав в лице учреждений и органов культуры – на другом.

В результате этого противостояния формируется содержание *социального заказа*. Он, в свою очередь, регулирует не только *конституирование памятников, но и их сохранение*. Это результат *заказа общества, скорректированного с учетом исторических и культурных традиций, государственных приоритетов*.

Особенно результативным проявлением общественного интереса является его участие в деле защиты *историко-культурного наследия как неотъемлемой части экологии культуры*, формирующей общественное мнение, а также осуществляющей охраняемые мероприятия. Это переводит процесс сохранения культурного наследия в разряд гражданских действий, в котором народ принимает самое деятельное участие.

Важно влияние общественного интереса и социального заказа на создание представления о том, что является памятником истории и культуры в масштабах населенного пункта, региона, страны в целом. Таким образом, учитываются предпочтения, сложившиеся у различных народов и национальных групп.

2. История проведения российским государством культурной политики

К началу проведения государством культурной политики относится процесс становления системы охраны памятников (XVIII в.). В этой связи следует отметить провозглашение указа Петра I (1718, 1721 гг.) о доставке археологических находок в Кунсткамеру. Значительную роль сыграл обязательный для исполнения Строительный устав, запрещающий снос зданий, возведенных до XVIII века.

В 1869 г. появился «Проект положения об охране памятников», в котором памятники делятся на следующие группы: 1) памятники архитектуры (здания, насыпи, валы, курганы); 2) памятники письменные (рукописи, старопечатные книги); 3) памятники живописи (иконы, стенопись); 4) памятники ваяния, резьбы, изделий из золота, серебра, меди и железа.

В 1877 г. появляется понятие «исторический памятник». Продолжение данной политики следует считать создание Археологической комиссии, инструкции которой запрещали самовольные раскопки курганов и древних поселений. В 1902 г. вышел циркуляр, запрещающий разрушать древние замки, крепости, памятники, с требованием составить по городам список памятников, которые «по отсутствию надзора» разрушаются [5].

После Октябрьской революции проблемы охраны культурных ценностей стали занимать большое место в деятельности советского правительства и партии. Принятие основополагающих законодательных актов – Декретов СНК «О национализации внешней торговли» (22 апреля 1918 г.), запрещавшего торговлю частным лицам; «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» (19 октября 1918 г.); «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства, старины, находящихся в ведении частных лиц, обществ и учреждений» (5 октября 1918 г.), а также декрета

ВЦИК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (7 января 1924 г.) четко выразило *суть политики советской власти по отношению к культурно-историческому наследию, основой которой стало формирование сети государственных органов, ведавших сохранением и использованием историко-культурного наследия.*

В первое послереволюционное десятилетие работа по сохранению наследия оживляется. Этим стали заниматься краеведческие организации. С 1917 по 1927 год их число увеличилось в 10 раз – со 155 до 1761. Были обозначены задачи по выявлению, охране и использованию историко-культурных ценностей, создавались музеи. В руководстве краеведческих организаций состояли крупные ученые. Центральное бюро краеведения объединяло более 260 довольно крупных музеев. Его до 1936 года возглавляла Н.К. Крупская.

Политика государства была направлена на подчинение своему контролю деятельности по охране памятников и направить ее в нужное русло. Следует отметить двойственность политики СССР. С одной стороны, ряд мер советского правительства был направлен на спасение объектов, имевших историческое и культурное значение. С другой стороны, содержание кампании помощи голодающим 1921 – 1922 гг. носило ярко выраженный *политический и антицерковный характер.* В каждой губернии была проведена неделя агитации за сбор церковных ценностей. При этом ставилась задача – придать этой агитации форму, чуждую всякой борьбе с религией, а целиком направленную на помощь голодающим.

Отражением заседания Политбюро явилась статья в газете «Известия» от 24 марта 1922 г. В статье провозглашалась решимость повсеместного изъятия церковных ценностей, объявлялось серьезное предупреждение всем, кто замыслит какое-либо неповиновение власти. Так готовилось общественное мнение по поводу изъятия церковных ценностей и правомочности властей на любое действие. Теперь всякое недовольство могло быть истолковано как сопротивление, как проявление контрреволюции. Следовательно, власть получала право защищать собственные интересы, причем всеми доступными средствами и оправдывать

любые свои действия интересами народа и стремлением сохранить законность.

По официальной статистике (сведения 1932 г.) в итоге изъятия ценностей по стране советское государство получило около 34 пудов золота, около 24000 пудов серебра, 14777 алмазов и бриллиантов, более 1,2 пудов жемчуга, более пуда драгоценных камней и других ценностей [6]. Однако количество изъятых предметов было намного больше.

В ходе проводимых мероприятий, грубых нарушений законодательства и нормативных документов храмы потеряли то, что создавалось русскими мастерами нескольких поколений. Провозгласив целью строительство демократического бесклассового общества, идеологическое противоборство было доведено до губительного абсурда, приведшего к отрицанию общечеловеческих духовных ценностей. Охрана памятников в стране была поставлена под жесткий контроль путем создания единой государственной централизованной всеохватывающей системы руководства научными, музейными, краеведческими учреждениями.

Начиная с 1920-х гг. государством начало осуществляться планомерное уничтожение и продажа культурных ценностей. Это определялось политикой партии и правительства в связи с потребностями в импорте и ограниченностью экспортных фондов и валютных резервов. *Был взят курс на придание сфере духовной жизни второстепенной роли по сравнению с материальным производством.* Как образец отношения к историческому и культурному наследию представителей государственной власти того времени можно привести слова председателя Мосгорисполкома Н.А. Булганина, выступавшего в 1937 г. на I съезде советских архитекторов: «Когда мы ломали Иверскую часовню, многие говорили: «хуже будет». Сломали – лучше стало. Сломали Китайгородскую стену, Сухареву башню – лучше стало...» [7].

Уже в конце 1920-х годов краеведение становится объектом репрессий. Начинаются аресты известных ученых (по делу академиков С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле) и местных краеведов. Были закрыты или переформированы краеведческие общества. В середине 1930-х годов оставшиеся организации были ликвидированы. Закрываются музеи. Наблюдается активная деятельность по свертыванию изданий научной и популярной

литературы о культурном наследии. В архитектурном образовании были упразднены исторические науки. Также сокращаются головные научные и реставрационные организации, и охрана памятников передается местным властям [8].

В данное время разрабатываются первые генеральные планы городов. К памятникам часто относились с позиций нигилистического отношения к историческому наследию как к «старому хламу». В качестве оправданий для сноса использовали объяснение необходимости «расчистки» площадок для нового строительства. Характерна разрушительная деятельность атеистов, которые ратовали за уничтожение церковной архитектуры. В городах Вятка, Кострома, Пенза, Архангельск, Елец, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Калуга, Иваново были уничтожены полностью или частично центральные ансамбли.

В Москве разрушили 400 памятников архитектуры, среди которых храм Христа Спасителя. В числе уничтоженных памятников: Красные ворота – шедевр русского барокко, Казанский собор 1630 года на Никольской улице, крепостные стены и башни Китай-города. Ряд старинных зданий срыли в Кремле: церковь Константина и Елены (1470), храм Спаса на Бору (1330), Чудов монастырь с собором Чуда Михаила (1365), созданный при Дмитрии Донском, Вознесенский монастырь с собором Вознесения (1386), воздвигнутый по воле жены Дмитрия Донского в память Куликовской битвы. Уничтожение кремлевских памятников укоротило его историю на полтора столетия, ибо древнейший из уцелевших соборов, Успенский, был построен в 1479 году. Наблюдается массовое разрушение (распашка) археологических памятников [9].

Идеология оказывала мощное воздействие на мировоззрение и мировосприятие людей, на их социальное здоровье. Характерно, что даже многие специалисты музейного дела были согласны с продажей ценностей за границу, не считая, что она наносила непоправимый урон культуре страны. Это подтверждает протокол совещания при Управлении Уполномоченного Наркомпроса по вопросу о выделении ценностей для экспорта, прошедшего 27 января 1927 г.: М.П. Кристи (Глазнаука) – «Подлежат выделению предметы искусства и старины, отсутствие коих в музейных коллекциях не составит существенного пробела в научной и просветительной работе музеев»; Философов

(Эрмитаж) – «В связи с изменившейся политикой в вопросе о выделении экспортного товара, весь музейный фонд должен быть пересмотрен. За исключением небольшого количества предметов, необходимых для центральных музеев, весь музейный фонд может быть передан в экспортный фонд».

В «Списке драгоценностей и художественных изделий, вывезенных в Германию в 1927 г.» (191 лист) перечислено содержание 72 ящиков (всего 2348 предметов). По данным Роберта Вильямса, только за первые три квартала 1929 г. Советский Союз продал на аукционах 1192 тонны культурных ценностей, а за аналогичный период 1930 г. – 1681 тонну [10].

В ходе атеистической пропаганды и антирелигиозного похода были закрыты, снесены, переоборудованы под хозяйственные нужды тысячи церквей, часовен, монастырей, а также была уничтожена находившаяся в них церковная утварь. В качестве примера можно привести протокол заседания комиссии по закрытию церквей в Свердловске от 5 апреля 1930 г.: из 15 рассмотренных объектов к слому были приговорены 3, остальные же должны были быть приспособлены под библиотеку, клуб пионеров, санитарно-просветительную выставку, детские ясли, столовую и т. д. Еще один пример: закрытый в 1921 г. храм Верхотурского мужского монастыря после кратковременного использования под клуб военных пехотных курсов был в 1922 г. употреблен в качестве сыпного пункта, а затем и вовсе заброшен.

В итоге, система охраны памятников была разрушена как лишняя, ее подменила монументальная пропаганда, принявшая вскоре уродливые формы как по своей масштабности, так и художественности. В конце 1920-х – 1930-е гг. восторжествовал нигилистический подход к творениям прошлого. За ними не признавалось уже никакой духовной ценности для строителей социалистического общества. Так, памятники многовековой истории и культуры народа превратились в источники поступления средств и цветного металла, использовались в хозяйственно-бытовых целях без учета их историко-культурной ценности [11].

Факты уничтожения культурных ценностей в 30-е гг. XX в. становятся объектом пристального внимания со стороны представителей интеллектуальной элиты, в том числе русского зарубежья. Художник, ученый, гуманист Н.К. Рерих, осознав

значение исторических, культурных памятников в развитии человечества, уже в 30-е гг. разработал договор в защиту культуры, который вошел в историю как Пакт Рериха «по защите культурных ценностей в период военных действий и в мирное время» и был подписан 15 апреля 1935 г. рядом государств.

В дни войны и мира договорившиеся страны обязывались охранять объекты культуры, оказывая им покровительство и уважение. Символом Пакта стало Знамя Мира – три малых круга в большом, знаменующие единство прошлого, настоящего и будущего в пространстве Вечности и символизирующие космический закон культурной преемственности. Предполагалось, что оно будет водружено на всех объектах культуры: памятниках, музеях, библиотеках и т.д., что должно было предостеречь их от разрушений как в военное, так и в мирное время, так как все они – общее достояние человечества, потеря которых негативно скажется на развитии цивилизации и культуры. Основные положения Пакта вошли в Гаагскую конвенцию 1954 г., когда активизировалась деятельность международной общественности в поддержку Пакта. Пакт Рериха охватывает большой круг предметов и был рассчитан, в какой-то мере, на массовое движение в защиту Культуры. «Не устанем твердить, – писал Н.К. Рерих, – что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми». Пакт Рериха не утратил своей актуальности и значимости, о чем свидетельствует Международная конвенция об охране нематериального наследия, принятая на 32 сессии ЮНЕСКО в Париже в 2003 г. [12].

В СССР феномен, именуемый «советской культурой», возник в результате осуществления большевистской культурной политики. В нем воплотились *взаимоотношения и взаимодействия трех субъектов культурной жизни – власти, художника и общества*. Власть целеустремленно и напряженно – в соответствии с постулатами большевистской культурной политики – пыталась поставить культуру себе на службу. Так что «новое» искусство («верный помощник партии») выполняло под присмотром той же партии социальный заказ – формировало «нового человека», новую картину мира, угодную коммунистической идеологии.

В послевоенные годы были приняты важнейшие постановления, определяющие памятнико-охранную политику государства. Особое значение имело постановление от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и сопутствующее ему «Положение об охране памятников культуры». Вся последующая деятельность в этом направлении проводилась в духе упомянутых документов, они легли в основу первого в истории страны «Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1976 г. Аналогичный закон РСФСР был принят в 1978 г.

Первым нормативно-правовым актом нашей страны, в котором было использовано понятие «наследие» с уточнением «культурное», стал Закон РСФСР 1987 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [13].

***Охрана памятников** – это борьба за правильное понимание истории, за общественное сознание широких народных масс, населяющих историко-культурное пространство.*

В современный период в центральной и местной печати широко обсуждаются недостатки, до сих пор имеющие место в работе по сохранению архитектурных памятников истории и культуры. В особенности подвергаются критике (и очень резкой) встречающиеся факты пренебрежительного отношения к уникальным сооружениям прошлого. *Ущерб, наносимый памятникам старины и их охране, в какой бы форме он ни проявлялся – в результате ли безнадзорности, в виде ли прямого уничтожения сооружений прошлого, путем ли эстетического унижения, – это ущерб, наносимый национальной культуре народа.*

В обществе, разделенном на социальные слои, где нет единства взглядов на историю и общественные процессы, всегда присутствуют различные подходы к сохранению историко-культурного наследия, поскольку оно обладает познавательными и воспитательными функциями.

Памятники истории и культуры наделены *познавательной функцией*, так как они являются материализованными фактами прошедших исторических событий или несут на себе следы воздействия исторических событий. Вследствие этого памятники содержат в себе определенную историческую информацию (или эстетическую, если являются художественными произведениями).

Таким образом, *памятники истории и культуры являются источниками исторических и эстетических знаний.*

Воспитательной функцией памятники наделены потому, что, обладая наглядностью и высокой аттрактивностью, они являются источником сильного эмоционального воздействия. Эмоциональные ощущения вместе с исторической и эстетической информацией активно влияют на формирование знаний и социального сознания личности. Сочетание этих двух качеств делает памятники мощным средством педагогического воздействия, формирования убеждений, мировоззрения, мотивации действий и, в конечном итоге, одним из факторов, определяющих общественное сознание и поведение.

Сегодня много говорят и пишут о возрождении России, но каждый понимает его по-своему. Необходимо определиться в отношении к своему историко-культурному наследию, понять, что может быть востребовано в нынешней ситуации, уяснить соотношение традиций и новаций на российской почве, определить их оптимум. Историко-культурное наследие тесно взаимосвязано с исторической памятью как особым механизмом, системой сохранения и трансляции в общественном сознании важнейших событий, явлений, процессов истории, деятельности выдающихся исторических личностей. Однако историческая память – явление не только интеллектуальное и нравственное. Она, кроме всего прочего, воплощается в материальных результатах человеческой деятельности, которые, увы, имеют свойство гибнуть.

Таким образом, в последнее время особое значение приобретает разумная и реалистическая ***культурная политика, продуманная стратегия развития культуры.*** *Цель культурной политики – сделать жизнь людей духовно богатой и многогранной, открыть широкий простор для выявления их способностей, обеспечить возможности приобщения к культуре и разнообразным формам творческой деятельности. В центре политики – человек.*

В рекомендациях об участии и роли народных масс в культурной жизни, принятых ЮНЕСКО, сказано, что *основная задача современной культурной политики состоит в том, чтобы предоставить в распоряжение максимально большего количества лиц комплекс средств, способствующих духовному и культурному*

развитию. Перед культурной политикой стоит задача – обеспечить интеллектуальный прогресс, с тем, чтобы его результаты стали достоянием каждого человека и гармонизировали культурные отношения людей.

Деятельность ЮНЕСКО, как правило, является началом международных мероприятий в области защиты наследия. Принятая в 1972 году Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия основывается на том, что некоторые ценности культурного и природного наследия представляют исключительный интерес для всего мира и потому должны считаться частью всемирного наследия всего человечества. Полностью уважая суверенитет государств, на территории которых находится культурное и природное наследие, и не ущемляя прав собственности, предусмотренных национальным законодательством в отношении этого наследия, государства-участники Конвенции признают, что охрана всемирного наследия является обязанностью всего международного сообщества в целом.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) являлась и является одной из приоритетных задач органов государственной власти СССР, в настоящее время – Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В этой связи в 1966 г. было учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. В России, признанные памятниками истории и культуры объекты, получают статус памятника и находятся под защитой государства. Уполномоченным в этой сфере федеральным органом исполнительной власти долгие годы была Росохранкультура.

СССР, правопреемницей которого является Россия, ратифицировал Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 12 октября 1988 г. Первые объекты, находящиеся на территории России, были занесены в список в 1990 г. на 14-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО [14].

3. Государственная политика в области сохранения культурного наследия в 90-е гг. XX в. – начале 2000-х гг.

Для 90-х гг. XX в. была характерна запущенность правовых проблем в сфере культуры. В частности, отмечалось, что «несмотря на обилие действующих правовых актов ... единой

нормативной базы обеспечения деятельности в сфере культуры, адекватно отражающей ее потребности, специфику и многообразие особенностей, нюансов, присущих управляемым объектам, нет в равной степени ни для творческих работников, ни для учреждений и организаций» [15].

Е.Н. Селезнева рассматривает государственную культурную политику в России в середине 90-х гг. как разработку альтернативных сценариев, формировавшихся в логике политической конъюнктуры. Автор фрагментарность такой сценарной политики объясняет отсутствием единой концепции и приспособлением наличных образцов, разработанных по советским схемам, к целям модернизации, трактуемых в терминах постиндустриализма. В результате государственная культурная политика предстает в форме комбинаторики разномасштабных программ и программных технологий в различных сферах и подотраслях культуры, не связанных между собой единым методологическим основанием [16].

В указанный период (90-е гг. XX в.) в качестве предпосылки для реализации осмысленной государственной культурной политики следует рассматривать Указ Президента Российской Федерации «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации», в соответствии с которым был создан Государственный экспертный совет при Президенте России.

Согласно Указу, объекты, получившие статус особо ценных, предполагалось вносить в специальный реестр. При этом предполагались особые меры защиты и охраны. Указом также было предусмотрено первоочередное финансирование таких объектов отдельной строкой в бюджете. К особо ценным объектам относились «... историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения, предприятия, организации и учреждения культуры, а также другие объекты, представляющие собой материальные, интеллектуальные и художественные ценности эталонного или уникального характера с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства», среди них: Академия художеств РФ; Государственный Эрмитаж; Государственный музей искусства народов Востока; Государственный Академический Большой театр; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и др. [17].

В 1992 году Постановлением Правительства РФ был учрежден Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия (имя Д. С. Лихачёва присвоено институту в 1999 году). Институт Наследия – базовый российский государственный институт, занимающийся проблемами культурного и природного наследия во всём их многообразии, был создан для реализации положения Конвенции ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия» и принятия эффективных мер по сохранению, оздоровлению и развитию историко-культурной и природной среды [18].

В 90-е гг. XX – начале XXI в. основными проблемами следует считать – уменьшение сектора бесплатного образования, сокращение контактов населения с культурой, широкомасштабную вестернизацию духовной жизни России – через телевидение, радио, киноэкран, образование, язык, одежду и т.д.

Поэтому, *важнейшей задачей государственной культурной политики является возрождение национального достоинства, уважения к собственным традициям.* В качестве первого шага в этом направлении рекомендуется расширение доступа к подлинной культуре и образованию для широких групп населения.

Приоритетами правового обеспечения государственной культурной политики являются создание новых возможностей приобщения к культуре субкультурных групп населения и ликвидация разрыва между элитарной и массовой культурой на основе правовых гарантий социальной защищенности всех создателей культурных ценностей независимо от культурно-образовательного уровня и социально-демографических характеристик.

Большое внимание в области государственной культурной политики было направлено на территориальное и местное управление. В 1996 г. вышло постановление о государственной программе «Возрождение, строительство, реконструкция и реставрация малых и средних городов России». Согласно программе, во многих российских городах начинает формироваться законодательная база [19].

Важнейшим этапом в сфере государственной охраны памятников истории и культуры стало принятие в 2002 г. Федерального закона № 73-ФЗ *«Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».*

Принципиально новым стало законодательное определение памятников истории и культуры как особого вида недвижимого имущества, введён ряд новых понятий – таких, как предмет охраны, территория объекта культурного наследия, государственная историко-культурная экспертиза. Понятие государственных списков памятников истории и культуры заменено на понятие *единого государственного реестра объектов культурного наследия* (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [20].

В октябре 2003 г. вступил в силу Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В данном законе впервые в отечественной практике «охрана и сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения» отнесена к вопросам местного значения поселений (ст. 14) и городского округа (ст. 16). Статьей 50 этого закона «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенные на территории поселения» отнесены к категории муниципального имущества – собственности поселений [21].

С 2011 г. Указом Президента полномочия Росохранкультуры переданы Министерству культуры РФ.

В настоящее время отношения в области государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов наследия регулируются Конституцией Российской Федерации, документами международного права в области культурного наследия, Основами законодательства Российской Федерации о культуре.

Основополагающие нормы охраны культурно-исторического наследия закреплены в ст. 44 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

В свою очередь, государство в лице Правительства Российской Федерации обязывается Конституцией Российской Федерации «обеспечивать проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области культуры» (ст. 114).

В настоящее время охрана объектов культурного наследия РФ проводится на основании следующих нормативно-правовых актов:

1. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (в ред. от 23.07.2013);

2. Положение о государственной историко-культурной экспертизе (Утверждено Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569);

3. Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (Утверждено Постановлением Правительства РФ от 26 апреля 2008 г. № 315);

4. Положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (Утверждено Министерством культуры Российской Федерации от 3 октября 2011 г. № 954);

5. Форма паспорта объекта культурного наследия (Утверждена Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 11 ноября 2011 г. № 1055);

6. Правила выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия (Утверждены Постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2014 г. № 127).

Признавая необходимость возрождения национального достоинства, уважения к собственным традициям как важнейшей задачи государственной культурной политики, Правительство утвердило *государственную программу Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2020 годы*.

Госпрограмма включает несколько подпрограмм: «Наследие», «Искусство», «Туризм». Задачами её являются сохранение культурного и исторического наследия народа, обеспечение доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни, реализация творческого потенциала нации; повышение качества и доступности услуг в сфере внутреннего и международного туризма; создание благоприятных условий устойчивого развития сферы культуры и туризма [22].

В последнее время достаточно часто в научных изданиях стали употребляться такие понятия, как «менеджмент в сфере наследия» и «политика в сфере наследия», которые, несмотря на то, что взаимосвязаны, все же не являются тождественными.

Политику в сфере наследия можно трактовать как систему многоаспектного взаимодействия различных институтов и индивидуумов: организаций глобального, национального и регионального уровней правительств, государственных организаций, учебных заведений, ученых и специалистов в сфере наследия, просто «потребителей наследия» (посетителей музеев, туристов и пр.), в результате которого определяется сама суть понятия наследия, а также стратегия и тактика его сохранения и трансляции.

Менеджмент в сфере наследия или, как его часто называют, менеджмент культурных ресурсов, включает в себя элементы стратегии и тактики, но относится, как правило, к деятельности организаций разного уровня.

Существуют различные определения этого понятия. Так, в американской методологии менеджмент наследия понимается как «финансируемые государством сохранение и изучение археологических и исторических ресурсов включая археологические памятники и исторические постройки. Часто используется в более узком смысле по отношению к работам в сфере археологии и истории, которые выполняются в преддверии различных крупных проектов, финансируемых государством, таких, например, как строительство дамб или скоростных дорог».

В середине 1980-х гг. прошлого века специалистами ЮНЕСКО были сформулированы основные позиции современной политики по отношению к культурному наследию, которые стали основой и для менеджмента в данной сфере. Их основными постулатами по отношению к наследию являются: «не причинить вреда по отношению к наследию», что, по сути, является синонимом политики по защите и сохранению наследия, и «творить благо», то есть включать наследие в процесс развития и рассматривать его как ресурс [23].

Из общего числа зарегистрированных памятников в России лишь 36 % являются памятниками федерального значения. Основной массив памятников федерального значения используется под культурно-просветительские и музейные цели. Российская Федерация является участником всех основных конвенций по вопросам охраны культурного наследия в рамках ЮНЕСКО и Европейского содружества [24].

На территории Российской Федерации в настоящее время на государственной охране находится более 144 тыс. памятников истории и культуры: памятники архитектуры (59 тыс.), памятники археологии (57 тыс.), памятники истории (24 тыс.) и памятники монументального искусства (около 4 тыс.). В их числе более 22 тыс. объектов имеют федеральное значение. В список объектов культурного наследия входят также более 3 тыс. ансамблей и более 2 тыс. достопримечательных мест. Наибольшее число объектов культурного наследия сосредоточено в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (80 % всех памятников федерального значения).

В настоящее время на Северном Кавказе находятся 2 объекта (из списка ЮНЕСКО) [25]:

- 1) Западный Кавказ (Кавказский Заповедник);
- 2) цитадель, старый город и крепостные сооружения Дербента.

В Государственный список памятников истории и культуры Ставропольского края включено 3058 объектов культурного наследия, из которых: 70 – федерального значения, 2015 – регионального значения, 937 – выявленные объекты. По видам это: 503 памятника градостроительства и архитектуры, 664 – археологии, 295 – искусства [26].

Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 утверждены ***Основы государственной культурной политики***.

В документе подчеркивается, что Россия является «страной великой культуры, огромного культурного наследия, многовековых культурных традиций и неиссякаемого творческого потенциала». Она «развивалась и развивается как страна, объединяющая два мира – Восток и Запад».

В содержание Основ включено положение об определяющей роли русского языка. Также подчеркивается важность православия, ислама, буддизма, иудаизма, других традиционных религий и верований. Здесь же, уделяется внимание достижениям россиян в таких видах искусства, как литература, музыка, опера, балет, театр, кинематограф, цирк, живопись, архитектура, дизайн, художественная фотография.

Согласно документу, сейчас перед Россией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию, выйти на путь интенсивного развития и

ответить на вызовы современного мира. Это невозможно без инвестиций в человека, без планомерного обновления личности. В Основах подчеркивается, что в недавнем прошлом такие инвестиции осуществлялись в недостаточном объеме, что привело к гуманитарному кризису. Признаками кризиса авторы документа считают:

- снижение интеллектуального и культурного уровня;
- девальвацию общепризнанных ценностей;
- рост агрессии и нетерпимости;
- негативную оценку ряда исторических периодов, распространение убеждения в исторической отсталости России;
- атомизацию общества и рост индивидуализма.

В Основах говорится, что *государственная культурная политика* должна охватить все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержку русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства [27].

Культурная политика фактически формирует жизненное пространство, в котором живет, действует и творит человек. Таков процесс взаимодействия: политика заинтересована в культуре как средстве очеловечивания ее прагматических решений, а культура заинтересована в политике как связующем звене с жизнью человека и общества.

Новый подход к пониманию ценности памятников истории и культуры должен в известной мере снять стресс, возникающий при мысли об утраченном наследии. Движение в поддержку экологии культуры с каждым днем нарастает, что обеспечивает возможность действенного контроля со стороны общественности за сохранением культурного наследия. И, наконец, человеческий фактор, которому ныне уделяется первостепенное значение, становится истинным гарантом активизации общественного интереса к памятникам истории и культуры во всем их многообразии и неповторимости.

Историческая преемственность развития культуры, воплощенная в памятниках, и осознание живой их связи с

современностью, являются главными побудительными мотивами общественного движения в защиту культурного наследия. Памятники истории и культуры являются носителями определенного исторического смысла, свидетелями народной судьбы, а значит, служат воспитанию поколений, пресекая национальное беспамятство и обезличивание.

5. Система охраны культурного наследия

Задача сохранения наследия должна решаться не только органами охраны памятников, но также теми структурами, которые ведают вопросами градостроительства и архитектуры, экономики и промышленного развития, экологии, транспорта, благоустройства, имущественного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, юридических служб и т.д.

В рамках специального механизма охраны памятников в России применяются две основные формы охраны: реальная (личная) и фиктивная (обезличенная). *Под реальной (личной) формой* понимается такая система охраны, при которой к каждому охраняемому объекту устанавливается стационарный или передвижной пост в составе «живых» людей или подключаются специальные системы механической защиты либо автоматического наблюдения и оповещения. В число этих систем могут включаться и системы пожаротушения. Личную охрану могут осуществлять специалисты, работающие в составе собственника, распорядителя или владельца памятника.

Под обезличенной охраной понимается совокупность специальных мероприятий охранного характера, которые не сопровождаются созданием постов или специальным техническим оснащением, но включают оповещение, информацию, предупреждение и возложение ответственности на пользователей памятника. Основной формой фиктивной или обезличенной охраны можно считать составление охранного договора. Кроме людей огромное разрушающее влияние на памятники оказывают природные факторы. И в связи с этим, возможны две формы охраны – реставрация и консервация. За соблюдением проводимых консервационных или реставрационных работ следят специалисты органов охраны памятников истории и культуры. Работы по сохранению памятников архитектуры можно разделить по нескольким направлениям:

1. Реставрация – наиболее сложный, комплексный вид работ, проводимых на памятниках архитектуры. Ее основная цель – продление жизни памятника. Реставрация, иногда наряду с элементами консервации и ремонта, предусматривает изменение существующего вида памятника для более полного раскрытия его художественных качеств, а также исключение более поздних, малоценных архитектурно-планировочных наслоений, пристроек и надстроек.

2. Реконструкция – перестройка здания для улучшения его функционирования (например, театральных зданий в соответствии с требованиями современной театральной техники) или для использования его по новому назначению (например, реконструкция дворцовых и культовых зданий для размещения музейных и выставочных экспозиций).

3. Ремонт памятника – это периодически проводимые работы по его поддержанию, осуществляемые обычными строительными методами. При этом, как правило, основная структура памятника затрагивается минимально. Главные виды ремонтных работ – смена и окраска кровли, штукатурка, покраска стен и т.д.;

4. Консервация, под которой понимают работы по сохранению памятника, требующие принятия специальных мер, не входящих в обычную ремонтную практику. Необходимость в ее проведении возникает тогда, когда памятник по каким-либо причинам оказывается в неудовлетворительном состоянии. В последнее время стал применяться еще один способ сохранения – воссоздание. Воссоздание объектов наследия осуществляется в исключительных случаях при особой исторической, архитектурной, научной, художественной или иной значимости объекта и при наличии достаточных научных данных. Под термином «воссоздание» можно также понимать разработку здания и его новое строительство с сохранением старого фасада. Несмотря на популярность такого метода как воссоздание, отказываться от реставрации не представляется целесообразным, в связи с наличием у памятников архитектуры нематериальной составляющей [28].

Кроме того, в последнее время все больше внимания уделяется такому методу, как приватизация памятников наследия. Многие деятели культуры говорят о том, что приватизация спасет памятники наследия от разрушения. В перспективе очень важным должно стать обязательное проведение комплексного мониторинга

объектов культурного наследия во всех субъектах Российской Федерации и подготовка государственного ежегодного доклада по этой проблеме (по примеру ежегодного государственного доклада о состоянии природной среды в Российской Федерации).

Степень благоприятности той или иной территории для отнесения ее к числу уникальных может быть определена в результате ее соответствия четырем основным группам критериев: природно-охранном, историко-культурным, рекреационным и экологическим. Необходимо отметить также, что среди самых важных результатов исследований, нашедших признание в отечественной и зарубежной науке и практике, специалисты Российского НИИ культурного и природного наследия выделяют следующие:

1. Формирование географической (пространственной) концепции наследия. Ее основными функциональными понятиями являются природное и культурное наследие, функции территории, георазнообразие, геокорпус территории, территории (регионы) наследия. Основная идея концепции может быть сформулирована следующим образом: природное и культурное наследие является необходимой предпосылкой стабильной динамики (устойчивого развития) геосистем любых территориальных уровней;

2. Долгосрочный проект «Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия». Было доказано, что введение этого вида мониторинга в практику экологической и культурной политики является одним из наиболее актуальных направлений формирования сферы управления культурным наследием. Проект позволил привлечь внимание профессионалов, политиков и общественности к проблеме сохранения культурного наследия нашей страны;

3. Внедрение изучения феномена культурного и природного наследия в высшей школе страны. Известно, что становление всякой новой сферы предполагает ее представленность в системе образования, в том числе – высшего [29].

Выводы

Важнейшей стратегической задачей сохранения наследия является формирование историко-культурного каркаса страны. Подобный каркас должен выглядеть как система особо

охраняемых историко-культурных территорий Российской Федерации, имеющих особое значение для сохранения ее культуры, национальной и региональной самобытности. Эта система должна служить своеобразным аналогом сети особо охраняемых природных территорий, обеспечивающих экологическую безопасность и защиту окружающей среды.

Вопросы для самопроверки

1. Объясните сущность понятия «идеология».
2. Сформулируйте понятие «Культурная политика».
3. Назовите первые мероприятия, проведенные Петром I, относящиеся к государственной культурной политике.
4. Когда появляется в России понятие «Исторический памятник»?
5. Перечислите и охарактеризуйте мероприятия СНК, касающиеся охраны культурных ценностей.
6. Объясните, в чем заключалась двойственность политики СССР в области охраны культурного наследия?
7. Охарактеризуйте значение деятельности художника Н.К. Рериха.
8. Охарактеризуйте понятие «Охрана памятников» в годы советской власти.
9. Сформулируйте цели культурной политики государства в современный период.
10. Перечислите меры, предпринятые Президентом и Правительством РФ в 90-е гг. XX в. по охране культурного наследия.
11. Охарактеризуйте значение Федерального закона от 2002 г. в сфере государственной охраны памятников.
12. Охарактеризуйте значение Указа Президента РФ от 24 декабря 2014 г. в области государственной культурной политики.

Литература

1. Кругликова Г.А. Сохранение культурного наследия как фактор социального здоровья нации. [Электронный ресурс]. (Режим доступа): [http:// do.teleclinica.ru/184727/](http://do.teleclinica.ru/184727/) (дата обращения 15.04.2015 г.)
2. Закон Российской Федерации от 9 декабря 1992 г.: Основы законодательства РФ о культуре. Разд. I. Ст. 3.

3. Диагностика социокультурных процессов и концепция культурной политики: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1991. – С. 17.

4. Растимешина Т.В. Политика Российского государства в отношении культурного наследия церкви. Авт. дисс. ...д-ра полит. наук. – М., 2012. – С. 20 – 22.

5. Никифорова А.А. Памятники природно-культурного наследия в регионах ресурсного типа: особенности охраны: Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – С. 48.

6. Кандидов Б. Голод 1921 года и церковь. – М., 1932.

7. Куманов Е. Мысли художника. Наброски в тревожных тонах // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 3. – С. 8.

8. Шмидт С.О. Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено // Памятники Отечества. № 1. – М., 1989. С. 12–18.

9. Ливцов В.А. Участие Всероссийского центра охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // [Электронный ресурс]. (Режим доступа): <http://lib.icr.su/node/2359> (дата обращения 19.11.2015 г.).

10. Мосякин А. Продажа // Огонек. – 1989. – № 7.

11. Кругликова Г.А. Указ. соч.

12. Никифорова А.А. Указ. соч. – С. 48 – 49.

13. Там же. – С. 49.

14. Наше культурное наследие – национальное достояние России [Электронный ресурс]. (Режим доступа): <http://vrnlib.ru>wp-content/uploads/2014/01...nasledie.doc> (дата обращения 26.10.2014 г.)

15. Волегов Ю.Б. Состояние правового обеспечения в сфере культуры и в системе Министерства культуры Российской Федерации // Ориентиры культурной политики. – 1993. – № 1. – С. 7 – 8.

16. Селезнева Е.Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов. Авт. дис. доктора философских наук. – М., 2004. – С. 44 – 48.

17. Никифорова А.А. Указ. соч. – С. 50.

18. Наше культурное наследие – национальное достояние России [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://vrnlib.ru>wp-content/uploads/2014/01...nasledie.doc> (дата обращения 26.10.2014 г.)

19. Никифорова А.А. Указ. соч. – С. 51.

20. Наше культурное наследие – национальное достояние России [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://vrnlib.ru>wp-content/uploads/2014/01...nasledie.doc> (дата обращения 26.10.2014 г.)

21. Никифорова А.А. Указ. соч. – С. 57 – 58.
22. Там же. – С. 57 – 58.
23. Никифорова А.А. Указ. соч. – С. 55.
24. Там же. – С. 50.
25. Наше культурное наследие – национальное достояние России [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://vrnlib.ru/wp-content/uploads/2014/01...nasledie.doc> (дата обращения 26.10.2014 г.).
26. Министерство культуры Ставропольского края [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.mincultsk.ru/> (дата обращения 28.11.2015 г.).
27. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.garant.ru/news/591382> (дата обращения 03.02.2015 г.).
28. Никифорова А.А. Указ. соч. – С. 66 – 67.
29. Там же. – С. 68.

IV. МУЗЕИ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

План

1. Социокультурные институты в деле сохранения и трансляции культурного наследия.
2. Культурно-образовательная и рекреационная работа музеев.
3. Экскурсионная работа и другие формы трансляции культурного наследия в музеях.
4. Музеи Ставропольского края в деле сохранения и трансляции культурного наследия.

1. Социокультурные институты в деле сохранения и трансляции культурного наследия

Обратившись к исследованию вопросов культурного наследия, невозможно обойти стороной такое явление, как *социальные институты культуры (или культурные институты)*.

Понятия «*институт*», «*институализация*» (от лат. Institutum – установление, учреждение) традиционно используются в социальных, политических, юридических науках. Институт в контексте социальных наук предстает как компонент социальной жизни общества, существующий в виде организаций, учреждений, объединений (например, институт церкви); в другом более широком смысле понятие «институт трактуется» как комплекс устойчивых норм, принципов и правил в какой-либо сфере социальной жизни (институт собственности, институт брака и т.п.). Это свидетельствует о том, что понятие «институт» связано с высокоорганизованными и системными социальными образованиями, отличающимися устойчивой структурой.

Таким образом институциональное понимание культуры трактуется в исследованиях известного американского социального антрополога, культуролога Б. Малиновского: «Реальные составные части культуры, имеющие значительную степень постоянства, универсальность и независимость, – это организованные системы человеческой деятельности, называемые институтами. Каждый институт выстраивается вокруг той или иной фундаментальной потребности, перманентно объединяет

группу людей на основе какой-то совместной задачи и имеет свою особую доктрину и особую технику» [1].

В настоящее время отечественная культурология трактует понятие «культурный институт» в двух смыслах – непосредственном и расширительном [2].

Понятие «культурный институт» в прямом смысле в основном соотносят с деятельностью различных организаций и учреждений, непосредственно, напрямую осуществляющих функции сохранения, трансляции, развития, изучения культуры и культурно-значимых явлений. К такому следует отнести библиотеки, музеи, театры, филармонии, творческие союзы, общества по охране культурного наследия и пр.

Культурные институты делятся на государственные, общественные и частные.

Социальный институт культуры в широком смысле – это исторически сложившийся и функционирующий порядок, норма (институция) осуществления какой-либо культурной функции, как правило, порождаемой стихийно и не регулируемой специально при помощи какого-то учреждения, организации. Следует отметить комплекс различных ритуалов, культурных норм, художественные стили, философские школы, кружки, салоны и др.

К понятию *институт культуры* относятся: коллектив людей, занятых тем или иным видом культуротворческой деятельности; процесс создания культурных ценностей; процедура исполнения культурных норм (институт инициации, институт богослужения, институт авторства в искусстве, институт похорон).

Таким образом, независимо от того, какой аспект (непосредственный или расширительный) будет выбран как основополагающий, деятельность культурного института является важнейшим инструментом коллективной деятельности по созданию, сохранению и трансляции культурных продуктов, культурных ценностей и норм.

Системно-функциональный и деятельностный подход к культуре, предложенный М.С. Каганом, позволяет раскрыть суть феномена культурного института. Согласно, его концепции, компонентами морфологической структуры человеческой деятельности выступают: преобразование, общение, познание, ценностное сознание. Эта модель раскрывает содержание

основных направлений деятельности культурных институтов, в том числе музеев, библиотек и др.:

- *культуропорождающие*, стимулирующие процесс производства культурных ценностей;

- *культуросохраняющие*, организующие процесс сохранения и накопления культурных ценностей, социально-культурных норм;

- *культуротранслирующие*, регулирующие процессы познания и просвещения, передачи культурного опыта;

- *культуроорганизующие*, регулирующие и оформляющие процессы распространения и потребления культурных ценностей.

Следует отметить, что ряд культурных институтов решают общую задачу. В частности, осуществление просветительской функции характерно для: музеев, библиотек, филармоний, университетов и др. Разные институты обеспечивают отдельные особо важные функции. Например, *сохранение культурного наследия* находится в сфере деятельности музеев, библиотек, обществ охраны памятников, международных организаций (ЮНЕСКО).

Однако следует отметить, что деятельность одного социального института культуры может быть связана сразу с несколькими функциями. В частности, функционирование музея определяет направление сохранения и трансляции культурного наследия, а также музейную деятельность в качестве научного и образовательного учреждения.

В числе основных (ведущих) функций культурных институтов (музеев, библиотек, архивов, музеев-заповедников, обществ охраны памятников и др.) выделяются следующие:

- *охрана и реставрация, накопление и сохранение, защита культурных ценностей;*

- *обеспечение доступа для изучения специалистами и для просвещения широких масс к памятникам мирового и отечественного культурного наследия: артефактам, обладающим исторической и художественной ценностью, книгам, архивным документам, этнографическим и археологическим материалам, а также заповедным территориям;*

- *государственная и общественная поддержка функционирования и развития художественной жизни в стране;*

- способствование созданию, демонстрации и реализации художественных произведений, их закупок музеями и частными коллекционерами;

- проведение конкурсов, фестивалей и специализированных выставок;

- организация профессионального художественного образования, участие в программах эстетического воспитания детей, развитие наук об искусстве профессиональной художественной критики и публицистики;

- издание специализированной, фундаментальной учебной и периодической литературы художественного профиля;

- материальная помощь художественным коллективам и объединениям персональное социальное обеспечение деятелей искусства, помощь в обновлении фондов и инструментария художественной деятельности и т.п.

Существуют различные толкования наиболее важных функций, осуществляющих музеем.

По мнению Й. Бенеш, основным является общественное значение музея, его роль в развитии общества. Отсюда главной задачей его следует считать развитие и просвещение посетителей. При этом остальные функции (эстетическая и др.) ей подчиняются.

Согласно точке зрения И. Неуступного, музей является научно-исследовательским учреждением (важнейшим является проведение музейными работниками фундаментальных исследований). Научно-исследовательской работе подчиняются функции собирания, хранения и популяризации коллекций.

Таким образом, исходя из важнейших функций в культуре, музей рассматривается как:

- коммуникативная система (по Д. Камерону);

- культурная форма (по Т.П. Калугиной);

- специфическое отношение человека к действительности, осуществляемое через наделение объектов реального мира качеством «музейности» (по З. Странскому, А. Грегоровой);

- научно-исследовательское учреждение и образовательное учреждение (по Й. Бенеш, И. Неуступному);

- механизм культурного наследования (по М.С. Кагану, З.А. Бонами, В.Ю. Дукельскому);

- рекреационное учреждение (по Д.А. Равиковичу, К. Хадсону, Ю. Ромедеру) [3].

В любом случае музей является как один из наиболее существенных, многофункциональных культурных институтов.

2. Культурно-образовательная и рекреационная работа музеев

Один из характерных признаков современного музея – его публичность. В современном мире велико значение музея как социокультурного института, ориентированного на просвещение, образование его посетителей. В конце XIX – начале XX в. происходило активное развитие исследовательской работы в области изучения музейного посетителя, что приводило к формированию нового направления в музейной деятельности – музейной социологии. Она изучает закономерности развития музея как социального института и его взаимоотношения с обществом. Основной объект изучения данной отрасли – музейная аудитория – общность людей, на которых направлено воздействие музея.

Исследование музейной аудитории началось в конце XIX – начале XX в. и в России, и за рубежом. Именно в этот период формировалась новая тенденция создания музейных экспозиций с учётом интересов и восприятия материала музейной аудиторией. Один из первых значение посетителя как потребителя музейной информации подчеркнул Б. Джилмен в 1916 г. О роли посетителя в музее говорится в трудах П. А. Флоренского, Н. Ф. Фёдорова, О. Нейрата, А. Бакушинского, И. Забелина и других.

Всплеск интереса к музейной аудитории в России произошёл в 20–30-е гг. XX в., что было связано с развитием социологических и психологических наук, изменением состава и ростом численности посетителей музея. В последующие годы партийно-идеологические установки, с одной стороны, сузили социологические исследования до изучения организованных групповых экскурсий, выработали определённые штампы в работе музея, а с другой – сформулировали типологию музейной аудитории, скоординировали и направили деятельность специалистов-экскурсоводов, методистов, отвечающих за проведение работы с посетителями.

В начале 90-х гг. XX в. в связи с произошедшими изменениями в общественной жизни страны появилась необходимость решения актуальных социальных и экономических задач, повышения эффективности музейной деятельности. В этот период изучались социально-демографические признаки, среди которых особое место отводилось образовательному фактору, как основному в отношении к музею и его деятельности.

Анализировалась активность посетителей: реальная (пришедших в музей) и потенциальная. Было установлено, что музейную аудиторию характеризует частота посещений музея (постоянная и нестабильная аудитории), направленность интересов, степень подготовленности к восприятию. Это позволило говорить о музейной культуре посетителя. Важным объектом исследований стала динамика изменения аудитории, и как следствие этого, изменение в культурно-образовательной и экспозиционной деятельности музея.

На современном этапе социологические исследования стали важным инструментом повышения эффективности музейной деятельности. Так, создание новых экспозиций невозможно без оценки восприятия аудиторией экспозиционного материала. Менеджмент и маркетинг современного музея основывается на информационно-рекламной ориентации человека в формировании мотивированного желания стать посетителем музея. Современная социология обладает хорошо разработанной универсальной методикой сбора первичной социологической информации. Обязательные условия сбора этой информации – наличие квалифицированных специалистов, объективность и беспристрастность персонала, подготовка программы исследований. Важное место в программе исследований отводится объекту и субъекту будущего исследования, выборке в группу исследования.

Сбор первичной информации можно разделить на несколько этапов:

1. Описание тактики сбора информации на основе поставленных в программе исследования задач и проблем;
2. Подготовка рабочего инструментария и непосредственный сбор информации;
3. Создание оптимальных условий для качественного сбора информации;

4. Сбор первичной информации;

5. Обработка собранной социологической информации;

Часто проведение сбора информации предваряет пилотажное исследование для уточнения методик, заявленных в программе исследований [4].

Важное место отводится социально-демографическому паспорту респондента. В музейной социологии применяются следующие методы исследований: объективные, то есть фиксация реакций посетителей музея (время осмотра, маршрут, речевые комментарии и так далее) и субъективные, то есть опросы посетителей. В музейно-социологической практике используются различные способы сбора информации:

1) наблюдение (научное наблюдение, включенное наблюдение, экспериментальное наблюдение);

2) опрос и интервью (к опросу относят и анкетирование);

3) анализ документальных источников, статистики. Новейшее средство, позволяющее учитывать мнение посетителей, – «музейный монитор» – компьютерное анкетирование при входе в музей.

В целом ряде стран (Франции, Германии, Канаде и других) существуют государственные программы изучения посетителя, издаются периодические издания, ведётся подготовка специалистов-социологов для работы в музеях. Изучением музейной аудитории и выработкой практических рекомендаций занимается и музейная педагогика. Становление музейно-педагогической мысли происходило в период, когда наблюдалось широкое движение за народное образование, что позволило по-новому взглянуть на музей, сделав его одной из составляющих процесса образования.

Понятие «музейная педагогика» было сформировано и введено в научный оборот в начале XX в. в Германии. Его разработка была связана с именами А. Лихтварка, А. Рейхвена, Г. Фройденталья. Немецкими учеными были разработаны и внедрены в практику музейно-педагогические термины, методики и специальные образовательные программы. (Так, Фройденталь впервые употребил термин «музейная педагогика» в 1931 г.). В России широко были известны труды немецких учёных, они послужили основой для самостоятельных исследований Н.И. Романова, Ф.И. Шмита, А.В. Бакушинского. Особой

популярностью пользовались идеи философа Н. Фёдорова, который видел в музее институт социальной памяти, считал что «музей образует душу». Если вначале музейная педагогика ориентировалась на работу со школьниками, то уже в 60 – 70-е гг. встал вопрос об интеграции музееведения и педагогики, переосмысливания термина с учётом современных тенденций.

Согласно общим теоретическим разработкам советских и немецких исследователей (под руководством А.М. Разгона) музейная педагогика была определена как смежная научная дисциплина, исследующая музейные формы коммуникации, характер использования музейных средств в передаче и восприятии информации с точки зрения педагогики. Данное определение задавало основное направление развития музейной педагогики на протяжении последних 30 лет. На современном этапе развития музея как социокультурного пространства расширяется понятие музейной педагогики.

Музейная педагогика – это междисциплинарная область научного знания, формирующаяся на основе музееведения, педагогики и психологии с привлечением дисциплин, соответствующих определенному музею и построенная на его основе конкретная практическая деятельность, направленная на передачу культурного опыта в условиях музейной среды. Для осуществления эффективной музейно-педагогической деятельности необходимо наличие музейного педагога, музейного зрителя и музейного предмета в музейной среде. Музейно-педагогическая деятельность обладает специфической образовательной целью и является частью социо-культурной среды.

Музейно-педагогический процесс подразумевает активность, комплексность и программность.

Основные направления музейной педагогики следующие:

1. Разработка образовательной концепции музея;
2. Изучение музейной аудитории;
3. Разработка культурных и образовательных программ и проектов для отдельных категорий музейных посетителей;
4. Создание и внедрение в практическую деятельность новых музейно- педагогических технологий на отдельные категории музейной аудитории;
5. Взаимодействие с организациями и учреждениями;

6. Изучение традиционных и разработка новых форм работы с музейной аудиторией;

7. Обобщение и изучение опыта воспитательной и образовательной деятельности музеев и совершенствование научно-методических рекомендаций;

8. Включение нематериального наследия в культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации [5].

Таким образом, на современном этапе музей становится не только научным и образовательным центром, но и культурно-досуговым центром для различных категорий музейных посетителей. Изучением музейной аудитории занимаются музейная социология и педагогика.

3. Экскурсионная работа и другие формы трансляции культурного наследия в музеях

Культурно-образовательная деятельность – это одно из ведущих и активно развивающихся направлений музейной работы. На современном этапе для музеев характерен широкий спектр форм трансляции культурно-исторического наследия. Так, специалисты-музеееды выделяют 10 базовых форм: *экскурсия, лекция, консультация, научные чтения (конференции, сессии, заседания), клуб (кружок, студия), конкурс (олимпиада, викторина), встреча с интересным человеком, концерт (вечер, театрализованное представление), праздник, историческая игра.*

При смене образовательной модели музея появляются и новые формы работы. Так, в последние десятилетия большой популярностью стали пользоваться музейные праздники: исторические, этнографические, литературные, фольклорные и другие. Музейный праздник – это комплексная форма культурно-образовательной деятельности, соответствующая специфике и профилю конкретного музея. Первая и ведущая форма культурно-образовательной деятельности музея, а также основная форма работы туристических организаций – экскурсия. История экскурсионного дела начинается в России с середины XVIII в.

Термин «*экскурсия*» вошёл в образовательный процесс в начале XIX в.: экскурсия была закреплена как форма учебно-воспитательной работы. Понятие экскурсии менялось с изменением общества, его взглядов на образовательную функцию музея. Неизменным

оставались основные признаки экскурсии. Ведущие ее признаки – наличие заранее выбранных объектов, методически обоснованного маршрута и времени проведения, а также наличие специально обученного экскурсовода и экскурсантов. В экскурсионной методике выделяют музейные и внемузейные экскурсии, имеющие собственную специфику проведения работы с аудиторией. Основные типы музейных экскурсий:

1. *Обзорная экскурсия* носит информационный, ознакомительный характер, предлагает знакомство с архитектурой и историей музейного дела;

2. *Образовательная* (тематическая, монографическая) экскурсия предлагает расширение познаний, осуществляет связь с учебной программой;

3. *Развивающие* экскурсии ставят своей задачей развивать творческое мышление, личностные качества, способность выражать свои чувства и наблюдения;

4. *Воспитательные* экскурсии способствуют формированию ценностных ориентаций личности, познавательной активности и так далее.

В начале XIX в. в Эрмитаже и других крупнейших музеях России происходило формирование российской экскурсионной школы, появлялись первые экскурсоводы. В этот период началась разработка экскурсионного метода (не потерявшего актуальность до сегодняшнего дня), включающего первичность показа, моторность, профессиональное мастерство экскурсовода. В дальнейшем разрабатывалась экскурсионная теория.

Сотрудничество теоретиков и практиков позволило выделить экскурсоведение, как новую научную дисциплину, разработать методику проведения экскурсии и пути ее совершенствования. Основа современной экскурсионной деятельности – взаимодействие музея с музейной аудиторией на диалоговом уровне, совершенствование тематики экскурсий за счёт более тесного сотрудничества методистов-экскурсоводов с экспозиционерами и музейными педагогами, расширение видов экскурсий (авторская экскурсия, экскурсия-спектакль, экскурсия-исследование и так далее), расширение связей и изучение опыта работы других музеев (публикации в журналах «Museum», «Открытый музей, изданиях отдельных музеев) [6].

4. Музеи Ставропольского края в деле сохранения и трансляции культурного наследия

В настоящее время важное значение в деле сохранения и трансляции культурного наследия на Ставрополье имеет деятельность сети краеведческих музеев во главе со Ставропольским государственным историко-культурным и природно-ландшафтным музеем-заповедником им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Пправе (СГМЗ).

Согласно концепции создания музея СГМЗ – это специфическое научное и культурное учреждение, осуществляющее выявление, учет, сбор, хранение, интерпретацию и популяризацию предметов и объектов культурного и природного наследия; институт поддержки и возрождения преемственности общественно-исторического развития и позитивных традиций, консолидации здоровых социально-культурных сил; центр многофункциональной социальной информации и рациональной организации свободного времени, посредник между объективной наукой и широкими слоями общественности в формировании и поддержании гуманитарных и естественно-научных знаний.

Сохранению культурного наследия способствуют проводимые СГМЗ мероприятия в контексте фондовой, методической и экспозиционно-выставочной работы:

- обеспечение цельности коллекций, организация и поддержание системы безопасности хранения и экспонирования музейных экспонатов;
- организация работ по консервации и реставрации музейных предметов;
- создание и участие в создании новых музеев и экспозиций;
- создание, обновление и поддержка работы стационарных экспозиций и др.

Основной целью проведения музеем охранных работ представляется сохранение уникальных природных и историко-культурных объектов и территорий, всего разнообразия растительного и животного мира, создание условий для его воспроизводства, содействие сохранению и восстановлению традиционных элементов материальной и духовной культуры местного населения, обеспечение экологической устойчивости в границах музейных территорий. Достижение этой цели должно осуществляться в процессе решения целого комплекса частных задач:

- создание, развитие и улучшение эффективности системы охраны объектов музея-заповедника;

- подбор, повышение профессионализма и квалификации кадров охранной службы с учетом специфики природных и историко-культурных объектов;

- разработка и исполнение разно срочных текущих и перспективных программ охранных мероприятий;

- выделение и развитие охранных зон объектов и территорий различных уровней, совершенствование их режимов и обеспечение их исполнения;

- создание и постоянное улучшение системы и механизмов мониторинга природной и историко-культурной среды, систематическое его осуществление [7].

Не менее важной является деятельность СГМЗ в области трансляции культурно-исторического наследия:

- 1) методика просветительской и культурно-массовой деятельности;

- 2) организация и проведение выставок (из собственных фондов, на базе помещений музея, за пределами музея);

- 3) экскурсионная работа;

- 4) лекционная деятельность;

- 5) организация и проведение культурно-массовых и общественно-политических мероприятий;

- 6) популяризация музейной деятельности и краеведческих материалов в средствах массовой информации и др.

Целью просветительской работы в музее-заповеднике является распространение природно-экологических и историко-культурных знаний, экологическое воспитание посетителей-представителей различных категорий граждан. Успешному достижению этой цели способствует создание условий для получения информации о музее-заповеднике и его компонентах, ознакомления и непосредственного осмотра природных и историко-культурных объектов.

Ряд направлений в деятельности музея направлен на достижение поставленных задач:

- 1) выделение объектов показа на территории музея-заповедника, обустройство и создание условий для их демонстрации;

2) развитие музейных учреждений и их инфраструктуры в границах компонентов музея;

3) консервация, реставрация и допустимое восстановление отдельных археологических и других историко-культурных объектов;

4) разработка и реализация перспективных комплексных просветительских и образовательно-воспитательных программ на базе музея-заповедника;

5) разработка и оформление информационных стендов на объектах и территориях музея;

6) подготовка и издание раздаточных материалов, буклетов, пособий для экскурсоводов и сотрудников развернутых путеводителей по музею-заповеднику и всем его структурным звеньям.

Достижению отмеченных целей также способствует выполнение задач НИР:

- культурно-этнографические разработки, связанные с изучением механизмов функционирования традиционных культур и их элементов в быте современного многонационального населения края;

- исследование вековых закономерностей культурного обмена, сосуществования и взаимной адаптации различных народов и этнических групп на контактных территориях;

- историко-культурное моделирование и реконструирование традиционных элементов материальной и духовной культуры;

- координация научно-исследовательской работы структурных подразделений музея-заповедника и обмен опытом с другими научными, образовательными, культурно-просветительскими учреждениями [8].

Выводы

Сохранению культурного наследия способствуют проводимые музеями мероприятия в контексте фондовой, методической и экспозиционно-выставочной работы. Не менее важной является их деятельность в области трансляции культурно-исторического наследия (методика просветительской и культурно-массовой деятельности; организация и проведение выставок; экскурсионная работа; лекционная деятельность; организация и проведение

культурно-массовых и общественно-политических мероприятий; популяризация музейной деятельности и краеведческих материалов в средствах массовой информации и др.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте понятие «Культурный институт» в непосредственном и расширительном смыслах.
2. Перечислите основные направления деятельности культурных институтов.
3. Охарактеризуйте ведущие функции культурных институтов.
4. Охарактеризуйте понятие «музейная педагогика».
5. Назовите основные направления музейной педагогики на современном этапе.
6. Перечислите методы и способы музейных социологических исследований.
7. Выявите основные этапы изучения музейной аудитории в России.
8. Перечислите базовые формы культурно-образовательной деятельности музея на современном этапе.
9. Охарактеризуйте основные типы музейных экскурсий.
10. Перечислите мероприятия, проводимые в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Пправе (СГМЗ), в контексте фондовой, методической и экспозиционно-выставочной работы, способствующие сохранению культурного наследия.
11. Перечислите и охарактеризуйте деятельность СГМЗ в области трансляции культурно-исторического наследия:

Литература

1. Теория культуры. Учебное пособие под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб.: Питер, 2010. – С. 306.
2. Институт культурный // Энциклопедический словарь по культурологии. – М., 1997. – С. 156; Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2000.
3. Теория культуры... – С. 310 – 311.
4. Музееведение. Учебное пособие для студентов / под. ред. Н.В. Мягиной. – Владимир, 2010. – С. 101 – 102.

5. Там же. – С. 103 – 104.

6. Там же. – С. 105 – 106.

7. Савенко С.Н., Данилевич В.Г., Охонько Н.А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. – Ставрополь: СКИ, 2005. – С. 123 – 124, 126 – 127. Приношу искреннюю признательность сотрудникам музея и лично директору Н.А. Охонько за возможность использования текста концепции музея в своей работе.

8. Там же. – С. 126 – 127.

V. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

План

1. Библиотека как социокультурный институт в деле сохранения и трансляции культурного наследия.
2. Особенности палеокультурной книжности как транслятора культурного наследия.
3. Особенности мануфактурной неокультурной книжности.
4. Индустриальная неокультурная книжность
5. Сохранение, изучение и популяризация культурного наследия в публичных библиотеках.
6. Архивы в деле сохранения и трансляции культурного наследия.

1. Библиотека как социокультурный институт в деле сохранения и трансляции культурного наследия

Библиотека – социокультурный институт, одной из важнейших задач которого является – сохранение и трансляция историко-культурного наследия. Библиотеки являются хранителями, приемниками исторической, научной и культурной памяти, посредниками в ее передаче последующим поколениям и способствуют пробуждению интереса населения к истории народа, родному языку, природе, архитектуре, литературе.

Библиотека это информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам, может быть самостоятельным учреждением или структурным подразделением предприятия, учреждения, организации.

Общедоступная библиотека – библиотека, которая предоставляет возможность пользования ее фондом и услугами юридическим лицам независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности и гражданам без ограничений по уровню образования, специальности, отношению к религии.

Библиотечный фонд – совокупность документов различного назначения и статуса, организационно и функционально связанных между собой, подлежащих учету, комплектованию,

хранению и использованию в целях библиотечного обслуживания населения.

Национальный библиотечный фонд – часть библиотечного фонда, имеющая особое историческое, научное, культурное значение, предназначенная для постоянного хранения и общественного использования и являющаяся культурным достоянием народов Российской Федерации [1].

Библиотеки могут быть учреждены органами государственной власти всех уровней, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами.

В соответствии с порядком учреждения и формами собственности выделяются следующие основные *виды библиотек*:

1) государственные библиотеки, учрежденные органами государственной власти, в том числе:

- федеральные библиотеки;
- библиотеки субъектов Российской Федерации;
- библиотеки министерств и иных федеральных органов исполнительной власти;

2) муниципальные библиотеки, учрежденные органами местного самоуправления;

в) библиотеки Российской академии наук, других академий, научно-исследовательских институтов, образовательных учреждений;

г) библиотеки предприятий, учреждений, организаций;

д) библиотеки общественных объединений;

е) частные библиотеки;

ж) библиотеки, учрежденные иностранными юридическими и физическими лицами, а также международными организациями в соответствии с международными договорами Российской Федерации [2].

2. Особенности палеокультурной книжности как транслятора культурного наследия

Историко-культурное наследие имеет огромное значение в нравственной и духовной жизни общества. Оно учит видеть красоту, ценить и уважать труд древних мастеров, помогает глубже узнать историю. Памятники, созданные на протяжении веков, свидетельствуют о великой мудрости и творческой одаренности

народа. Обязанность каждого гражданина – сохранить, изучить и использовать богатый опыт культурного наследия для дальнейшего процветания и развития общества, духовной культуры страны.

Исследователь исторического пути развития способов трансляции научных знаний, прежде всего, сталкивается с проблемой возникновения письменности. Ведь без этого средства выражения и закрепления мысли и речи не было самого научного знания как такового. «Изобретение алфавитного письма было тем великим шагом, который привел человечество от варварства к цивилизации» [3]. Обычно письмо определяют как графическую фиксацию речи при помощи условных знаков с целью сохранения содержания речи на длительный срок. В этом смысле мы вправе говорить о письме как о записанной речи. Письменная речь позволяет обратиться к отсутствующему собеседнику (читателю), независимо от того, насколько отдален он от пишущего во времени и пространстве. Предпосылки возникновения письма складывались в течение длительного времени, когда в процессе развития языка формировались его основной словарный фонд, структура, грамматический строй, отразивший возросшую способность человека к абстрактному мышлению. Однажды возникнув, письмо стало оказывать обратное воздействие на язык, придавая ему большую ему большую стабильность и оформленность.

Первобытный человек весь свой жизненный и духовный опыт хранил в памяти и передавал его потомкам устно или личным примером. Но по мере того как представления человека об окружающем мире расширялись, а его производственный опыт обогащался, устный способ передачи знаний постепенно становился недостаточным. Все большее значение приобретала письмо с его двумя основными функциями – коммуникативной, т.е. касающейся общения и передачи знаний, и мнемонической, способствующей запоминанию.

Первобытные типы письма. Первые шаги на пути создания письма были сделаны человечеством еще на низшей стадии варварства, 20-30 тысяч лет назад. Уже в эту эпоху речь не могла служить единственным средством общения, что способствовало возникновению разных примитивных типов и систем письма [4].

Первым в эволюции трансляции знаний было *предметное письмо*. Для передачи сведений первобытный человек широко

использовал различные предметы, которые символизировали определенные понятия и даже выражали определенные мысли. Например, в качестве объявления войны одно племя посылало другому стрелу или меч. Зеленая ветка обычно означала предложение мира. Иногда, таким образом, удавалось выразить довольно сложную мысль. Греческий историк Геродот (484-425 гг. до н.э.) в своей «Истории» свидетельствует о своеобразном дипломатическом документе, переданном персидскому царю Дарию от скифов. «Посланием» были: птица, мышь, лягушка, и пять стрел. Расшифровывался этот ультиматум так: «Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскочите в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами» [5].

Одновременно, на первобытной ступени развития разных народов, в различных регионах появляются собственные – «региональные» типы письма: узелковое письмо у южно-американских индейцев и славян, «палочное» письмо у аборигенов Австралии и Новой Зеландии, «ракушечное» письмо в Африке. На протяжении тысячелетий человек опробовал различные способы фиксации и передачи информации. Основным недостатком первобытных типов письма было то, что они с трудом могли быть поняты и часто нуждались в толкователе, «дешифровщике». Кроме того, примитивность и консервативность подобного письма препятствовали выражению всего богатства понятий, доступных человеческому мышлению и языку.

Нынешняя, привычная нам система письма развилась не из предметного, а из *пиктографического* – *рисуночного*, которое также широко использовалось в древности для передачи сведений и знаний. Слово пиктография составлено из латинского *pictus* (нарисованный) и греческий *grapho* (писать). Первобытный человек не только рисовал картинки, но и вырезал или выцарапывал их на камне, дереве или кости. Латинское слово *scribere*, немецкое *schreiben*, английское *write* ныне означают писать, но первоначальное их значение было вырезать. Рисуночное письмо – пиктография не требует от воспринимающего какой-то особой грамотности. Более того, она может быть одинаково понятна людям, говорящим на совершенно различных языках. Ввиду конкретности выражения мыслей, простоты и наглядности рисуночное письмо употребляется как

средство передачи информации и в наше время. Например, оно широко применяется в литературе для детей дошкольного возраста, в торговой рекламе, на сайтах в Интернет.

По мере усложнения человеческого мышления совершенствовалась и система трансляции знаний. Пиктограмму сменяет логограмма, она отличается и от пиктограммы и от буквы. Для нее необязательно внешнее сходство с символизируемым предметом. Но она не имеет отношения и к фонетическому, звуковому составу слова, отражая лишь его смысловую, семантическую сторону. *Логографическое письмо* используется и в настоящее время.

Логографическими знаками являются цифры, обозначения химических элементов, алгебраические символы, многие дорожные знаки. Полезные качества логограммы человечество будет использовать на всем протяжении своего существования. Главное ее качество – краткость: один знак заменяет целое слово, подчас весьма длинное. Сам факт совершенно независимого изобретения пиктографических и логографических систем письма в разных частях мира доказывает, что оно тесно связано с определенным уровнем развития общественного производства, государственности и культуры.

Переход к *фонетическому письму* был совершен на Древнем Востоке [6]. Современная европейская культура познакомилась с миром Древнего Востока сравнительно недавно. До 20-х годов XIX в. Ученые еще не умели читать древнеегипетские и вавилонские письмена. Если китайское иероглифическое письмо употребляется и сегодня почти в том же виде, что и тысячи лет назад, то египетские иероглифы и шумерскую клинопись мало кто мог разобрать уже в I в. до н.э. Название «иероглиф» присвоили египетским знакам древние греки, на языке которых это слово означало «священные знаки». Именно египтянам принадлежит изобретение исторического значения – фонетическое письмо. Иероглиф сначала изображал слово, затем часть звуков, обозначающих начало слова. С развитием языка, некоторые слова с двумя согласными стали односложными, а изображающие их иероглифы – буквами [7].

Если египтяне в развитии фонетической системы письма остановились на полпути, то заслуга создания распространения первого подлинного алфавита как чисто буквенной-звуковой системы

принадлежит древним финикийцам. Финикийская система письма содержала 22 знака-буквы, каждая из которых выражала определенный звук [8]. Финикийцы были народом исключительно высокого уровня развития. Торговля и ремесленное производство требовали адекватного ведения коммерческой документации, удобной, легкой системы письма. Будучи народом-мореплавателем, они не только изобрели фонетическое письмо, но и способствовали его интенсивному распространению, сделав его международным средством в торговых отношениях.

Первыми в Европе алфавит у финикийцев переняли греки. Это произошло в XI в. до н.э. Согласно одному из мифов, алфавит в Грецию привез финикийский купец Кадм, высадившийся на острове Ферос. Именно там были обнаружены древнейшие памятники греческой письменности. Многозначительно и само имя этого мифического купца: на языке финикийцев «кадмос» означает «восток» По-гречески слово «книга» звучит как «библион». Крупнейшим торговым городом Финикии был город Библа. Первоначально греки, как и финикийцы читали справа налево. Позднее направление письма изменяется слева направо. Дополненный и приспособленный к выражению звуков индоевропейских языков, греческий алфавит начал триумфальное шествие по Европе. В VII в. до н.э. его переняли и переработали в Италии предшественники римской культуры – этруски. Так возник латинский алфавит. На Западе, в рамках Западно-Римской империи, сложилась традиция пользоваться латинскими буквами, а на Востоке греческий алфавит лег в основу целого ряда письма. В IX в. н.э. сформировались два славянских алфавита – глаголица и кириллица [9].

Таким образом, в Европе и на Ближнем Востоке палео-культурная книжность существовала более 3,5 тысяч лет. Это время можно поделить на три периода:

– *древнейшие цивилизации (III тыс. – I тыс. до н.э.)* – Древний Египет, Месопотамия, Крит;

– *античность (VIII в. до н.э. – V в. н.э.)*, совпадающая с эллино-римской цивилизацией;

– *средневековые (V–XIV вв.)*.

Особенности палеокультурной книжности видятся в следующих моментах:

1. *Обожествление Слова*, характерное для археокультуры, переносится на Книгу, Священное писание, Библию. Книжное

слово становится гарантом истинности и незыблемости (что написано пером, не вырубишь топором). Отсюда – обычай клясться на книге (Библии, Конституции). Христианство, ислам, иудаизм – это религии Писания, где священные книги – основа конфессии. В средние века сложилась своеобразная иерархия книжных жанров по признаку святости. Наиболее почитаемой была литургическая, т.е. используемая в богослужении литература (Служебники, Требники, Часословы, Минеи, Триоди и т.п.) и каноническое Священное писание (Ветхий и Новый Завет); ниже рангом шли жития святых (агиография), церковная учебная литература (катехизисы), поучения отцов церкви, а в самом низу – светская (мирская) литература.

2. *Произошла социальная дифференциация населения по принципу: грамотный – неграмотный.* Овладение грамотой считалось немаловажным личным достижением, поэтому школа стала форпостом письменности. Если у бесписьменных народов социализация молодежи начиналась с освоения производственных умений и навыков, то цивилизованные общества приобщали учеников, прежде всего к счету, чтению, письму. Социальный престиж и карьера индивида зависят теперь не столько от его силы, ума, сообразительности, выносливости, сколько от школьной выучки, от доступа к знаниям. Человек стал зависеть от документированного культурного наследия, хотя не может освоить даже сотую его долю. У члена дописьменного общества такой зависимости нет.

Заметим кстати, что в Древней Греции грамотные рабы пользовались некоторыми привилегиями: они занимали государственные должности, приобщались к литературному труду (вспомним легендарного Эзопа). В Риме рабы допускались в публичные библиотеки, использовались для переписывания книг (рабы – «библиографы»).

3. *Выделились социальные группы людей, занятых умственным, так сказать, «интеллигентским» трудом, и следовательно, использующих письмо как профессиональный инструмент.* В Древнем Египте и Китае авторитет людей письменной культуры был особенно высок. Трудно удержаться от соблазна процитировать древнеегипетское «Прославление писцов», относящееся к концу II тыс. до н.э. (перевод А. Ахматовой).

Мудрые писцы не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы,
Не оставляли после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.
Книга лучше расписного надгробья
И прочнее стены.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспомнить его
Устами тех, кто передает это в устах других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Особенно разнообразной, хотя и не очень многочисленной, была интеллигенция демократических полисов Древней Греции. Помимо жречества, профессионалами умственного труда были учителя, зодчие, врачи, землемеры, деятели искусства, писатели, философы.

4. *Обретение книжностью статуса общепризнанного коммуникационного канала для передачи основных культурных смыслов происходило не без конкуренции со стороны словесности.* Отказывались от письменного изложения своих учений Пифагор, Сократ, Будда, Христос. Правда, если бы прилежные ученики не записывали их слов, мы бы не узнали даже имен этих великих учителей человечества. Вот как, по словам Платона, его наставник Сократ объяснял свою позицию (см. диалог «Федон»): люди, черпающие мудрость из письменных источников, «будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Культуру классической Эллады иногда называют ораторской, т.е. ориентированной на устное слово и слуховое его восприятие. Искусство устной речи считалось необходимым не

только для ораторов и поэтов, но и для политиков, историков, философов, которые специально изучали риторику. Тем не менее, господство письменного слова установилось в Древней Греции на рубеже V–IV вв. до н.э. [10].

5. *Письменная коммуникация, несмотря на сдержанность и скепсис некоторых мудрецов и пророков, вызвала преобразование всех областей духовного творчества:* мифологическое язычество вытеснили мировые религии Писания; анонимный фольклор потеснила авторская литература, которая стала авторской только благодаря письменности; предпочтение получили классические философские учения, законспектированные усердными учениками, и не софистический дискуссии; наука же просто невозможна на базе только устной коммуникации. Рукописная ОКС положила начало документированной социальной памяти; начинается написание человеческой истории; античные истории Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 до н.э.), Фукидид (ок. 460–400 до н.э.), Ксенофонт (ок. 430–355 до н.э.) оставили после себя исторические произведения высокой научной ценности. Позже к ним присоединились римские историки Тит Ливий (59 до н.э. 17 н.э.), Тацит (58–117), Гай Светоний (ок. 70 – ок. 140) и др.

6. *Письменность стала орудием просвещения и распространения знаний, в том числе тайных, эзотерических.* По свидетельству Плутарха, Александр Македонский сильно гневался на просветительскую деятельность Аристотеля и выговаривал своему учителю: «Ты поступил неправильно, опубликовав те учения, которые предназначались только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются всеобщим достоянием? Я хотел бы не столько могуществом превосходить других людей, сколько знаниями о высших предметах». Конечно, о «просветительной функции» средневековой рукописной книги в условиях массовой неграмотности населения (более 90 % в XV в.), можно говорить лишь условно.

7. *В античную эпоху происходит формирование книжного дела как социально-коммуникационного института, включающего:* а) изготовителей (переписчиков) манускриптов; б) торговых людей, содержащих книжные лавки; в) библиотеки разных типов, в том числе крупнейшую в палеокультуре научную библиотеку в Александрии (700 тысяч свитков до пожара в I в. до н.э.). С Александрийской

библиотекой некоторое время соперничала Пергамская библиотека, насчитывавшая в лучшие свои годы до 200 тысяч рукописей.

Убедительным свидетельством расцвета книжной культуры во времена античности является феномен библиофильства. История библиофильства, которая продолжается и в наши дни, есть история книжной культуры в «человеческом измерении».

Крушение Римской империи в V веке сопровождалось разрушением античной книжности, которая не нужна была торжествующему варварству. Не только у феодалов книга стала невиданной редкостью, но и духовенство не всегда владело грамотой. Однако благодаря документированию значительная часть культурного наследия античности, затаившаяся в монастырских библиотеках, дошла до эпохи Возрождения, и европейским гуманистам было что «возрождать» и возвращать в европейскую культуру после «темных веков» Средневековья.

8. *Средневековая социальная коммуникация преимущественно представляла собой устную микрокоммуникацию.* Население проживало в обособленных деревнях и небольших городах, где не было необходимости в переписке. Для особо важных поручений использовались гонцы, которые заучивали послание наизусть. Главным источником знания для неграмотной массы была церковь, а также слухи, которые переносили торговцы, бродячие театры, цирки и трубадуры. В большинстве селений не было ни календаря, ни часов. Язык делился на множество диалектов, причем диалектические различия ощущались на расстоянии 70–100 км. Известно, что в XIV веке лондонские купцы, потерпевшие кораблекрушение у северных берегов Англии, были заключены в тюрьму как иностранные шпионы. Правда, грамотная элита использовала латынь в качестве языка международного общения.

В средневековой палеокультуре не было истории – ее заменяли рыцарские романы, не было географии – ее заменяли рассказы прохожих людей, не было науки – ее заменяло Священное писание. Но отсутствие достоверных фактов мало кого беспокоило. Земная жизнь рассматривалась католической церковью как временное пристанище на тернистом пути к спасению, а знать судьбу людей может только Бог. Поэтому никаких коммуникационных потребностей никто не испытывал.

Однако с XII века началось духовное движение, которое проявилось в организации университетов, крупнейшими среди которых были Болонский и парижская Сорбонна. Между 1300 и 1500 годами в Европе было учреждено более 50 новых университетов, которые стали центрами письменной культуры. Помимо церкви и зарождавшейся науки, в письменной коммуникации нуждались: королевская бюрократия, судопроизводство, купечество, расширявшее международную торговлю. Неграмотность постепенно изживалась. В XIV веке европейцы освоили производство бумаги и изобрели очки. Назревала Бифуркация письменного канала, которая разрешилась в середине XV века изобретением книгопечатания [11].

Устная коммуникация, не документированная социальная память обладают естественными механизмами, предохраняющими их от переполнения. Избыточные сообщения не воспринимаются, а неактуальные знания забываются. Письменная культура не обладает такими защитными средствами, она провоцирует бесконечный рост документных фондов и как следствие – информационный кризис.

В условиях бесписьменного общества человек знал только то, что требуется ему для текущей жизнедеятельности, не больше и не меньше; в книжных культурах ему приходится осваивать много устаревших знаний, изложенных в авторитетных трудах мыслителей прошлого. Большая часть этих знаний никогда в будущем не понадобится. В результате индивидуальная и общественная память становится кладбищем знаний, предрассудков, суждений часто несовместимых друг с другом. Утрачивается цельность и законченность мировоззрения, свойственные дописьменным обществам, и растет противоречивость, напряженность, дезорганизованность цивилизованных сообществ.

Существуют несоответствия и противоречия между нормами и требованиями, вычитанными из книг, и смыслами, поступающими по каналу непосредственной микрокоммуникации. В итоге образованный человек начинает страдать раздвоением личности и муками совести; неграмотный же варвар всегда действует согласно впитанной с детства традиции, не испытывая никаких сомнений и переживаний.

В мировой классической литературе не раз обсуждались тяготы цивилизации; достаточно вспомнить образы Дон Кихота и Санчо Пансы, Пьера Безухова и Платона Каратаева. Мануфактурная коммуникационная система не смягчила проблемы, унаследованные от письменной культуры, а скорее ужесточила их [12].

3. Особенности мануфактурной некультурной книжности

Палеокультурная рукописная книга – представитель первого поколения книжности, когда в роли книги выступали папирусные свитки, а со II в. до н.э. – пергамен (нем. «пергамент»); мануфактурная книга относится ко второму поколению книжности, начало которому положило изобретение в Европе печатного станка в середине XV века. Обратим внимание на терминологическую тонкость. До появления печатных изданий «книгами» именовались манускрипты, допустим, сочинения Аристотеля, и было известно, что Аристотель – автор 400 книг и 1000 трактатов. После изобретения книгопечатания потребовалось отличать произведения письменности от произведений печати. В настоящее время книга понимается как бумажный документ, прошедший редакционно-издательскую обработку и тиражированный для общественного пользования типографскими средствами. Манускрипт, написанный на бумаге, сброшюрованный и переплетенный в форме кодекса, – это рукопись, а не книга в современном ее понимании.

Мощным импульсом для распространения книгопечатания в Европе явилась эпоха Возрождения с ее гуманистическими идеалами и жадой знаний. Но справедлив и обратный тезис: книгопечатание послужило толчком для зарождения культуры Возрождения. Не случайно в XV веке «Божественная комедия» Данте издавалась 15 раз, стихи Петрарки 31 раз, «Декамерон» Боккаччо 11 раз. Без книгопечатания вряд бы состоялась церковная Реформация. Переводы «Библии» на немецкий язык, выполненные М. Лютером, издавались при его жизни (1483–1546) не много, не мало 430 раз! Попутно лютеровская «Библия», благодаря ее распространенности, послужила фундаментом для формирования немецкого литературного языка.

Изобретение книгопечатания имело громадное значение для становления неокультуры, поскольку это была технология,

которая послужила примером массового производства. Причем, – и это главное, – массового производства в области просвещения, литературы, науки. Честь именоваться «родиной книгопечатания» оспаривают голландцы, бельгийцы, итальянцы, французы, немцы. Чаша весов склоняется в пользу немца Иоганна Гуттенберга (1394 или 1399–1468) из города Майнца, и большинство книговедов согласны с немецкой хроникой, где было записано в 1474 г.: «Замечательное искусство книгопечатания было изобретено в Майнце. Это искусство искусств, наука наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила вызволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир». Однако точной даты замечательного изобретения нет. Первые книги, отпечатанные Гуттенбергом, относятся к 1445 г.

Вторая половина XV века – время триумфального шествия новой технологии книжного производства по странам и городам Западной Европы. В течение 50 лет было основано более 1100 типографий, выпустивших в общей сложности 35–45 тысяч названий первопечатных книг тиражом около 20 млн. экземпляров. Сохранилось от них лишь несколько процентов – порядка 200 тысяч. Книги, вышедшие в свет ранее 1 января 1501 года, называются инкунабулы (кунабулум – *лат.* колыбель; дословно «в колыбели»), они являются объектом пристального научного исследования со стороны специальной книговедческой дисциплины – инкунабуловедения. Разумеется, все инкунабулы, так же как палеотипы (книги, изданные в 1501–1550 гг.) являются большой культурно-исторической ценностью и гордостью их владельцев.

Характерные черты мануфактурной книжной культуры, господствовавшей в XVI–XVIII вв., видятся в следующем:

1. *Мануфактурные книги количественно и качественно отличались от манускриптов.* За первые 50 лет книгопечатания европейцы получили в свое распоряжение больше книг, чем за две тысячи лет книжного рукописания. В XVI веке выпущено более 242 тысяч названий, в XVII веке – 972 тысячи, в XVIII веке – около 2 млн. названий; тиражи возросли с 200–300 экз. в XV веке до 1000–1200 в XVII веке. Хотя полиграфическая техника оставалась мануфактурной (печатный стан и словолитная форма Гуттенберга сохранились в типографиях до конца XVIII в.) облик книги изменился неузнаваемо: книги, к оформлению которых привлекались лучшие художники того

времени, стали подлинными произведениями искусства. Совершенствовались технологические приемы набора, качество иллюстраций, титульных листов, обложки. Появились книгоиздательские фирмы, поддерживавшие высокие художественные и научные стандарты своей продукции. Мировой известностью пользуются четыре фирмы, которые основали итальянец Альд Мануций, французы Анри Этьенн и Кристоф Плантен, голландец Лодевейк Эльзевир. При этом дешевизна и доступность книги постепенно росли, что означало демократизацию книжного рынка.

2. *Манускрипты предназначались для чтения вслух неграмотной аудитории, печатные книги рассчитывались на молчаливое чтение «про себя».* Соответственно изменилось оформление текста: появились названия, разбивка на главы и разделы, спуски, поля, пробелы между словами, красочные иллюстрации. Изменился литературный язык и стиль изложения, которые приспособлялись к восприятию зрением, а не слухом. Книгу стали рассматривать не как пособие для устной речи, а как непосредственный источник знания, что вызвало следующие изменения:

- появились понятия оригинальности, ценности, новизны содержания;

- возникло авторское право и понятие «плагиат» (в XVIII в.);

- выработались литературные жанры и стили изложения, нормы литературного языка;

- образовалась читательская массовая совокупность, состоящая из незнакомых друг с другом людей, имеющих общие взгляды и интересы (по оценке М.А. Барга, доля грамотных возросла с 10% в XV в. до 25% в XVII в.);

- тиражированные в сотнях экземпляров книги начали «жить своей жизнью», независимо от автора или переписчика. Они превратились в завершенные и целостные элементы овеществленной и долговременной социальной памяти.

3. *Мануфактурная книжность послужила почвой для нормирования и распространения светских литературных языков.* Но этого мало. В XVII и XVIII веках, которые по праву считаются временем торжества рационализма, становления науки и светского просвещения (заметим еще раз: все это стало возможным благодаря книгопечатанию!) появилась идея лингвопроектирования, вызвавшая к жизни многочисленные проекты искусственных языков.

Критический разум «гениев XVII века» быстро распознал несовершенство естественных языков, явившихся результатом неконтролируемого и случайного развития. Был сделан вывод о необходимости построения логически выверенного языка, который мог бы послужить для непротиворечивой и однозначной записи научных истин. Идею «философской грамматики» высказал в 1623 г. Ф. Бэкон; в 1629 г. проблемы проектирования всеобщего языка обсуждал Р. Декарт, в 1661 г. проект универсального языка предложил Н. Ньютон, наконец, Г.В. Лейбниц довольно серьезно разрабатывал философский язык в виде математической модели, где всякое рассуждение сводилось к вычислениям. Идея универсального философского лексикона оказалась утопичной, но стремление ученых к логичности, системности, однозначности языка нашло свое выражение в научной символике (особенно – в математике, символической логике, химии) и в терминологии точных и естественных наук, которые стали складываться в XVII–XVIII вв.

4. Свойственная документам сущностная ценностно-ориентационная функция стала использоваться для достижения социально-прагматических целей:

1. Печатная книга с самого начала сделалась орудием светского просвещения. Только половина инкунабул относилась к религиозной тематике (гораздо меньше, чем в потоках средневековых манускриптов), четверть – к художественной литературе, 10% – к юриспруденции, прочие – к другим отраслям знания. В XVII в. не менее 2/3 книг были светскими по содержанию, и эта тенденция усилилась в «просвещенном» XVIII веке. Надо заметить, что многие издатели и типографы рассматривали свою деятельность как форму борьбы с невежеством и церковным обскурантизмом;

2. Короли и власти нового времени стали использовать печать для пропаганды своих идей и привлечения сторонников: Генрих VIII и его премьер-министр Томас Кромвель издавали памфлеты для утверждения англиканской церкви; Ришелье прибегал к услугам периодической печати;

3. Во времена революционных ситуаций в Нидерландах, Англии, Германии, Франции публицистические памфлеты,

прокламации, воззвания, издаваемые многотысячными тиражами, революционизировали «третье сословие» и крестьянство.

С XVI века сначала церковные, а затем и светские власти начали ожесточенную борьбу с еретическим вольномыслием. В 1564 г. Ватикан издал «Индекс запрещенных книг», который, постоянно пополняясь, действовал вплоть до XX века; была мобилизована инквизиция. Неблагонадежные книги изымали из библиотек, книжных лавок и публично предавались сожжению. Иногда вместе с книгами сжигали их авторов и издателей (вспомним Джордано Бруно). Цензура, судебные преследования, варварское уничтожение литературы и другие акты коммуникационного насилия стали неизменными спутниками книжной культуры с XVI века до XX века.

5. Переход от рукописания к книгопечатанию углубил и расширил дифференциацию книжного дела; возник ряд специализированных социальных институтов, в том числе: книгоиздательский (редакционная подготовка + полиграфическое размножение документов), книготорговый, библиотечный и библиографический. Началось формирование овеществленной социальной памяти.

Основные изменения в библиотечном деле состояли в следующем: в результате религиозных войн сильно пострадали монастырские библиотеки; на основе конфискованных фондов монастырских библиотек и частных книжных собраний стали возникать городские библиотеки; выполнявшие функции одновременно публичных и университетских; в школах (особенно активно – в Германии) начали организовываться школьные библиотеки; открывались для публики личные книжные собрания королей и дворцовой знати, стремившихся стяжать славу просвещенных и щедрых властителей. Таким образом складывались структуры национальных библиотечных систем, свойственных западной цивилизации.

Если библиотечное дело возникло еще в пору рукописной ОКС, то именно мануфактурная книжность вызвала к жизни библиографию – вторичный уровень документной коммуникационной системы (см. 4.3.1). По словам К.Р. Симона, «с распространением книгопечатания закончилась предыстория библиографии и началась ее история». Действительно, именно с этого времени появилась книготорговая, отраслевая (юридическая и медицинская – прежде

всего), национальная библиография, отражающая публикации представителей данной страны (в Германии, Англии, Италии, Франции, Испании, Польше), наконец, универсальная международная библиография, представленная таким величественным памятником европейского Возрождения как «Всеобщая библиотека» К. Геснера (1515 –1565). В «Библиотеку» Геснера включены более 15 тысяч книг, принадлежащих почти 5 тысячам авторов. Большая часть описаний снабжена подробными аннотациями, оглавлениями и выдержками. Геснеру удалось подвести итоги развития письменной и мануфактурной книжности в Европе с античности до середины XVI в. Ничего подобного ни один библиограф после Геснера сделать не мог. Правда, не обошлось без курьезов. Будучи несколько старомодным, Геснер признавал в качестве литературных только греческий, латинский и древнееврейский языки и игнорировал «варварские» французский и итальянский. В связи с этим в кратких заметках о Данте и Боккаччо упущены их главные произведения.

6. *Помимо библиографии, о созревании книжной культуры свидетельствует зарождение словарно-справочного дела.* Если библиографический указатель есть «книга об известных книгах», то энциклопедия (справочник, словарь) – это «книга о том, что мы знаем». В XVII и XVIII вв. в Англии и во Франции публикуется целый ряд словарей, лексиконов, энциклопедий, пользующихся широким спросом. Высшим достижением, одной из духовных вершин «века Просвещения» – XVIII столетия, бесспорно, является знаменитая «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел». Включающая более 60 тысяч статей семнадцатитомная Энциклопедия была подготовлена и выпущена в свет в 1751–1766 гг. Осуществить в крайне неблагоприятных условиях это колоссальное по объему издание стало возможным только благодаря неиссякаемой энергии, таланту, поразительной работоспособности и организаторским дарованиям Дени Дидро (1713–1784), с начала и до конца остававшегося главным идейным вдохновителем и исполнителем всего дела. Известна историческая роль Энциклопедии Д. Дидро в идеологической подготовке Великой французской революции 1789–1794 гг.

7. *В XVII – начале XVIII века в европейской культуре лидером становится естествознание.* В это время жили и творили Г. Галилей (1564–1642), Р. Декарт (1596–1650), Б. Паскаль (1623–1662), У. Гарвей

(1578–1657), Г.В. Лейбниц (1646–1716), Х. Гюйгенс (1629–1695), И. Ньютон (1642–1727), Л. Эйлер (1707–1783), семья математиков Бернулли и многие другие выдающиеся ученые. Этот период Джон Бернал (1901–1971), основоположник современного науковедения, называл «научной революцией». В результате этой революции образовалась научная коммуникация. Непосредственным откликом на эту потребность стал «Журнал ученых», первый номер которого вышел в свет в Париже в январе европейское научное сообщество, кровно заинтересованное в оперативной и полной 1665 г. Задачей этого журнала, как и подобных ему периодических изданий в Англии, Германии, Нидерландах, было не информирование о новых теориях, открытиях, событиях научной жизни, а сообщение о книгах, в которых об этом говорилось. Другими словами, это были «журналы о книгах», т.е. библиографические, точнее – реферативные (о книгах сообщалось посредством их рефератов) издания.

Дидро в своей Энциклопедии дал следующее определение: «Журнал – периодическое издание, содержащее извлечения из вновь напечатанных книг, с отчетом об открытиях, ежедневно делаемых в науках и искусствах... Он был изобретен для тех, кто слишком занят или слишком ленив для того, чтобы читать книги целиком. Это – способ удовлетворять свою любознательность и стать ученым с малым трудом». Прошло не менее 150 лет пока, наряду с реферативными научными журналами, без обращения к которым не обходится никакая научная работа, появилась современная научная периодика.

8. *Свидетельством зрелости второго поколения книжной культуры могут служить* не только формирование национальных документальных систем (ДОКС) с развитым книжным производством и распределением (контур обобществления) и совокупностью разных библиотек и библиографических служб (контур обработки, хранения, распространения), но и *развитие библиофильства*, сопровождаемого библиофильской библиографией, а также формирование теории книговедения и библиографии.

Термин «книговедение» (Bücherkunde) впервые ввел в научный оборот австриец Михаэль Денис (1729–1800), в труде «Введение в книговедение» (Вена, 1777–1778), где он отнес к книговедению историю рукописной и печатной книги, типографское дело, библиотековедение и каталогизацию.

Основоположником библиографической науки, получившей в наше время название «библиографоведение» считается Нэ де ля Рошель (1751–1837), опубликовавший в 1779 г. «Рассуждения о библиографической науке». В своих «Рассуждениях...» Нэ пишет: «Библиография есть описание мира письменности и того, что его составляет, подобно тому, как география – описание земного шара; но открытия в области земного шара когда-нибудь найдут свою границу, открытия же в области письменности никогда не будут иметь границы и изучение библиографии станет тем необходимым, чем большее развитие получают искусства и науки». Известно, что во время Великой Французской революции, когда возникла проблема сохранить и упорядочить книжные собрания, реквизированные республиканцами, был издан декрет, предписывающий читать учебный курс «библиографии» в главных городах всех департаментов [13].

3. Индустриальная некультурная книжность

XIX век – время торжества капитализма в Западной Европе, которое сопровождалось тремя важными для социальной коммуникации явлениями: а) благодаря индустриализации материального производства, резко увеличиваются производственные мощности и производительность труда; б) происходит становление наций – многомиллионных полиэтнических сообществ, нуждающихся в средствах консолидации; в) возрастает образованность и просвещенность городского населения, предъявляющего растущий спрос на культурные развлечения, знания информацию. Войны и революции XX века превратили средства массовой коммуникации в средство управления народными массами. На этом экономическом, социально-культурном, политическом фоне в Западной Европе и в России происходило формирование индустриальной общественной коммуникационной системы, которая соответствует третьему поколению книжности и создает предпосылки для становления грядущей мультимедийной ОКС информационного общества. Характерные особенности индустриальной книжной культуры, господствовавшей в XIX – первой половине XX века, видятся в следующем:

В первой половине XIX века произошла, можно сказать, промышленная революция в полиграфии. Книгопечатание

включает три полиграфических процесса: изготовление печатной формы, печатание тиража, выполнение брошюровочно-переплетных работ. Мануфактурная типография базируется на ручном труде печатника, который использует печатный станок, установку для отливки букв, собственную сноровку и мастерство. Индустриальное производство основано на механизации всех полиграфических процессов, сводя к минимуму участие в них типографских работников. В этом состоит принципиальное отличие индустриального книгопечатания от мануфактурного.

В начале XIX века (1803 г.) первую печатную машину (не станок, а именно машину!) сконструировал Фридрих Кёниг (1774–1833). В 1814 году ее использовали в Англии, где он тогда жил, для печатания газеты «Таймс». В 1817 г. Кёниг вернулся на родину в Германию, где основал фабрику печатных машин. Первая русская печатная машина, построенная в 1829 г., была установлена в редакции газеты «Северная пчела». В 1830-х годах в Америке появились тигельные машины, специально приспособленные для печати бланков, обложек, иллюстраций. В 1860 г. Вильям Буллок построил ротационную машину, печатающую на обеих сторонах бумажного полотна и особенно удобную для выпуска газет. В 1866 г. эту машину снабдили резальными и фальцевальными аппаратами. В 1884 г. в США была изобретена строкоотливная наборная машина, названная линотип, а в 1897 г. появилась буквоотливная наборная машина – монотип, облегчившая корректуру и верстку. Короче говоря, в XIX веке бурными темпами развивалось полиграфическое машиностроение – основа индустриального книгопечатания.

Параллельно шло техническое перевооружение бумагоделательного производства. В 1799 г. француз Луи Робер построил первую бумагоделательную машину; в 60-е годы научились делать качественную бумагу из древесины, что значительно удешевило производство и расширило его масштабы. Появилась еще одна отрасль промышленности – целлюлозно-бумажная.

Таким образом, в первой половине XIX века сложились материально-технические возможности для интенсификации книжного производства. Стремительно возрастает выпуск книг. Например, в Англии в начале века выпускалось около 300 названий книг в год; 1828 г. – 1242 книги; 1857 г. – 5218 книг; 1897 г. – 7516 книг; 1914 г. – 11537 книг (рост за столетие в 35 раз). В США темпы еще выше: там

выпуск книг возрос со 120 названий в 1823 году до 13470 названий в 1910 году, т.е. более чем в 100 раз!

Что касается России, то здесь динамика книгопечатания имела следующий вид. Начало книгопечатания – 1550-е гг., когда было отпечатано несколько книг в так называемой «анонимной московской типографии»; в 1564 г. – выход в свет первой датированной книги – «Апостол» Ивана Федорова (ок. 1510–1583), русского и украинского первопечатника. В XVI веке в Москве было отпечатано около 15 книг.

В XVII веке было выпущено более 500 книг, в том числе светские сочинения С. Полоцкого, «Соборное уложение» (1649), «Учение и хитрость ратного строения»,

«Три чина присяг» и др. При этом продолжалось интенсивное рукописание книг, особенно книг с красочными иллюстрациями; старообрядцы вообще не признавали типографские издания священными. По сути дела до 1708 г., когда был введен гражданский шрифт, русская коммуникационная культура находилась в состоянии палеокультурной книжности.

Мануфактурная неокультурная книжность началась в России с Петра I и характеризовалась следующими статистическими данными:

1698–1725 – около 600 изданий

1726–1740 – 175 изданий

1741–1760 – 620 изданий

1760–1800 – 7860 изданий

1801–1855 – 35000 изданий

Всего в XVIII веке было опубликовано около 10 тысяч сочинений гражданской печати, из которых более трети составляли произведения изящной словесности и еще треть – научная светская литература. В первой половине XIX века издавалось порядка 250 названий ежегодно в 1801–1815 гг. и более 1000 в 1836–1855 гг. При этом отставание от «мастерской мира», бурно капитализирующейся Великобритании, составляло 5 раз, зато Североамериканские Соединенные штаты Россия опережала в 2 раза.

Индустриальная неокультурная книжность пришла в Россию с Александровскими реформами. Благодаря использованию полиграфической техники, ежегодный выпуск книжной продукции в России стал быстро нарастать: с 1500 названий в 1856–1860 гг.

до 12 тысяч названий в 1896–1900 гг. В целом во II половине XIX века было опубликовано 250 тысяч книг. В 1906–1915 гг. после смягчения цензурных ограничений ежегодный выпуск книг увеличился с 24 тысяч до 34 тысяч в год. Известны порядка 20 частных издательств, выпускавших около 100 названий ежегодно, в их числе – издательство И.Д. Сытина – более 800 книг и издательство «Посредник» – 270 книг. По числам названий и тиражам Россия заняла первое место в мире. До 1905 г. тираж 20–30 тыс. экземпляров был редкостью, теперь обычными стали тиражи 50–100 тысяч. С 1814 г. по 1913 г. выпуск книг в России увеличился с 234 до 34 тысяч названий, т.е. в 140 раз! Всего в 1901–1916 гг. вышло в свет 383 тысячи изданий.

Надо напомнить, что Советский Союз сохранял статус мирового лидера книжного производства. В 1918–1930 гг. было издано около 200 тысяч книг; 1931–1940 – 760 тысяч; 1941–1953 – 350 тысяч книг. С 1960 года в СССР ежегодно стабильно издавалось около 80 тысяч книг и брошюр; максимальное значение – 84 тысячи в 1985 году. Всего за 1918–1988 гг. советские издательства выпустили в свет 3,9 млн. печатных единиц общим тиражом 70,6 млрд. экз. Интересная деталь: в 1988 г. в фондах государственных библиотек насчитывалось около 6 млрд. единиц хранения. Это значит, что примерно 60 млрд. книг прошли через руки советских людей, не считая дореволюционных изданий. Конечно, много книг утрачено во время войн, революций, стихийных бедствий, цензурного библиоцида, но все-таки совокупный фонд личных библиотек советских людей поистине колоссален!

Мощности машинного полиграфического и бумажного производства позволяют, наряду с расширением книгоиздания, обеспечить невиданный рост журнально-газетной продукции. Благодаря этим мощностям произошла бифуркация III: выделение из книжного коммуникационного канала прессы – нового, нетрадиционного коммуникационного канала. Пресса – первый из каналов массовой коммуникации, к которому в XX веке присоединятся кино, радио, телевидение. На базе вновь открытого канала быстро формируется новый социально-коммуникационный институт – институт журналистики, который появляется в третьем поколении книжности, являясь производным от традиционного для книжной культуры социального института «литература».

Правда, периодические издания появились отнюдь не в XIX веке, а намного раньше.

Юлий Цезарь ввел практику оповещения населения о военных событиях, государственных назначениях, пожарах, увеселениях и пр. посредством записей, которые делались на восковых досках и переписывались заинтересованными лицами. Газета как вид документа появилась в XVI в. в Венеции, Риме, Вене, где шустрые «писатели новостей» составляли рукописные сводки сообщений о придворной жизни, торговле, событиях в городах, чудесных и интересных явлениях. Когда в 1493 г. в Риме было опубликовано письмо Колумба об открытии западного пути в Индию, оно сразу же было распространено по другим городам Европы. Такие рукописные «новости» покупались за мелкую монету «газету», поэтому за ними закрепилось имя «газета».

Печатные газеты появились в начале XVII века сначала в Германии (*Zeitung* – 1609), затем в Англии (*Weekly News* – 1622), во Франции (*La Gasette* – 1631). Газеты были рассчитаны на купцов и богатых горожан; они содержали сведения о торговых путях, ценах, ходе торговли, внутренней жизни стран, межгосударственных отношениях. Французская «*La Gasette*», созданная при участии Ришелье, публиковала политические новости.

С начала XVIII в. в Германии, Англии, Франции стали выходить ежедневные газеты, которые готовились профессионалами-газетчиками. Их влияние особенно возросло во время Великой французской революции (вспомним газету Робеспьера «Защитник Конституции» или газету Марата «Друг народа»). Но их количество, тиражи и общественное признание не идут ни в какое сравнение с соответствующими параметрами газетной индустрии середины и конца XIX века.

Стремительный рост газетного бизнеса характерен для США. Начиная с 1850 года здесь действовал своеобразный «закон удвоения», при котором за каждое десятилетие количество выходящих в стране газет удваивалось: если в 1850 г их выходило 2521, то в 1860 – 4051, в 1870 – 5871, в 1880 – 10132, в 1890 – 18536. Аналогично росли тиражи в 1850 г. разовый тираж всех газет был 5,1 миллиона, в 1860 – 13,7 млн., в 1870 – 20,8 млн., в 1880 – 31,8 млн., в 1890 – 69,1 млн., в 1900 – 113,3 млн.

В журналистике США еще в первой половине XIX в. обозначились два направления:

а). Повествовательная журналистика, преследовавшая познавательные, эстетические, воспитательные цели, предлагая своим читателям не только факты, а их осмысление и оценку;

б). Информационная журналистика, видевшая назначение газеты в том, чтобы дать оперативное, полное и объективное сообщение о реальных фактах, предоставляя их осмысление читателям. В течение XIX века повествовательное направление преобразовалось в «желтую» прессу, ориентированную на невзыскательные вкусы малообразованной массы; здесь был спрос на сенсации, рекламу, фото и карикатуры, развлекательные публикации вплоть до сплетен. Информационная журналистика обращалась к солидной и образованной публике, предлагая ей правдивую и этически выдержанную картину реальной жизни (например, газета «Нью-Йорк тайме»).

Если в Средние века местом обмена информации между жителями прихода была церковь, то с XIX века источником новостей сделалась газета. Коммуникантами, формирующими общественное мнение, стали не проповедники и ораторы, а редакции газет и журналов.

Журнал – более поздний вид периодического издания, чем газета. Первым журналом считается французский «Журнал ученых» (1665), представлявший собой сборник рефератов книг и далекий от современных представлений о журнале как виде издания. К концу XIX века на Западе получили наибольшее распространение иллюстрированные журналы, рассчитанные на массовую аудиторию. В 60-е гг. XX века тиражи такого рода изданий составляли около 8 млн. экз. в США и около 1 млн. во Франции и Великобритании. Лишь немного отставали от них журналы для женщин. На третьем месте были влиятельные политические журналы, выходившие тиражами от 3 млн. до 100 тысяч. Кроме того, на журнальном рынке пользовались спросом научно-популярные, литературные, спортивные, сатирико-юмористические журналы. Численность журналов в США в это время приближалось к 10 тысячам названий, в западно-европейских странах и Японии – около 5 тысяч.

В самодержавной России начало периодики связано не с инициативой частных лиц, а с повелением властей. Как известно, Петр I приказал начать выпуск газет в виде так называемых «петровских ведомостей» (январь 1703); с 1728 г. первая русская газета стала выходить в свет регулярно под названием «Санкт-Петербургские ведомости». Обеспечивала ее выпуск Академия наук. Под эгидой Академии с 1728 по 1742 г. публиковали первый русский журнал «Исторические, генеалогические и географические примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям», где печатались статьи познавательного и научного характера, а также поэтические произведения. В 1755–1765 гг. та же Академия наук взяла на себя издание второго русского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», адресованные «всякому, какого бы кто звания или понятия не был». В 1756 г. стала выходить вторая русская газета – «Московские ведомости», издаваемая Московским университетом.

Таким образом в XVIII веке в России было всего две газеты. Что касается журналов, то здесь, опять-таки благодаря личному участию просвещенной Екатерины II, начиная с 1769 г., замечается оживление. В этом году, в числе новых 8 журналов появился первый толстый литературно-сатирический журнал «Трутенъ», издаваемый Н.И. Новиковым (1744–1818).

Индустриальная книжность – период завершения коммерциализации и профессионализации социально-коммуникационных институтов.

Занятия литературой и журналистикой в мануфактурной ОКС вплоть до 30-х годов XX века считались любительским «служением музам», благородным безсеребренничеством. А.С. Пушкин писал в одном из своих писем: «Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности. До сих пор она рассматривалась только как занятие изящности и аристократическое... Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе, авторы сами поощряли перепечатывание и искали в нем удовлетворение тщеславия». Великий русский поэт стал первым в России профессиональным литератором. Свои сомнения и аргументы за и против он еще в сентябре 1824 г. изложил в знаменитом «Разговоре книгопродавца с поэтом», который появился

в печати в качестве предисловия к первой части «Евгения Онегина». В роли книгопродавца здесь выступает известный книгоиздатель и книготорговец А.Ф. Смирдин (1795–1857), который впервые в русской литературе стал платить авторский гонорар. Так, Пушкину он платил по 10 рублей за каждую стихотворную строку, за «Бориса Годунова» заплатил 10 тысяч рублей, за «Евгения Онегина» – 12 тысяч рублей.

Во второй половине XIX века литераторы и художники все больше превращаются в служащих по найму, подобно другим специалистам. В условиях массовой коммуникации зависимость «вольных художников» от денежного мешка обнаружилась в полной мере. Отсюда – трагическая тема проданного за деньги таланта, которая была пророчески предсказана Н.В. Гоголем в его «Портрете» и часто звучала в произведениях зарубежных и отечественных авторов.

Символами становления нации являются не только национальные языки (см. выше), но и такие проявления зрелости книжной культуры, как формирование национальных библиотек и национальной библиографии. Национальные библиотеки – крупнейшие книгохранилища страны, осуществляющие исчерпывающий сбор и вечное хранение отечественных произведений письменности и печати; таким образом они символизируют достижения национальной культуры.

Хронологически первой библиотекой национального достоинства считается Национальная библиотека Франции, учрежденная во время Великой французской революции (1789 г.) на базе национализированной королевской библиотеки. Крупнейшими национальными библиотеками считаются: образованная в 1972 г. Британская библиотека (ранее – Библиотека Британского музея, основанного в 1753 г.); Немецкая государственная библиотека, ведущая свою историю с 1661 г. и Немецкая библиотека (Дойтче Бюхерай), созданная в 1912 г. в Лейпциге; Национальная библиотека Италии, основанная в 1747 г. во Флоренции; Национальная испанская библиотека (1712 г.). В качестве национальной библиотеки США выступает Библиотека Конгресса, учрежденная в 1800 г. в виде правительственной библиотеки.

В России в XVIII веке функции национального книгохранилища выполняла *Библиотека Академии наук* (основана в 1714 г.), которая с

1783 г. получает обязательный экземпляр всех отечественных изданий. С 1814 г. российской национальной библиотекой стала *Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге*, имеющая наиболее полное собрание литературы о России (фонд «россика»). В Советском Союзе с 1925 г. национальной библиотекой была *Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина*, учрежденная на базе библиотеки Румянцевского музея (основан в 1861 г.). В настоящее время в России имеются две библиотеки национального значения: *Российская национальная библиотека* (бывшая Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина) в Петербурге и *Российская государственная библиотека* (бывшая Библиотека имени В.И. Ленина) в Москве.

Национальные библиотеки возглавляют библиотечные сети своих стран. Они располагают многомиллионными фондами отечественной и иностранной литературы, являются центрами книгообмена, каталогизации, международного абонементов, осуществляют международное сотрудничество.

Национальная библиография также служит национальным символом. В наполеоновской Франции, в кайзеровской Германии и в царской России XIX в. библиографический учет отечественной книжной продукции осуществлялся государственными ведомствами с целью цензурного контроля. Другой стороной, заинтересованной в оперативной и полной библиографической информации о выходящих в свет изданиях, оказались книготорговцы, которые организовывали свои библиографические издания. При этом символическая и культурно-историческая функции национальной библиографии, естественно, выпадали из виду. Учрежденные национальные библиотеки часто брали на себя обязанности библиографического центра национального значения, но эта забота не была для них главной и определяющей.

Успешное решение национально-библиографической проблемы было найдено в России, где в 1907 г. была образована Книжная палата, начавшая выпуск «Книжной летописи», учитывающей на основе обязательного экземпляра всю книгоиздательскую продукцию Российской империи. В советское время была организована государственная библиографическая система во главе с Всесоюзной книжной палатой. Помимо «Книжной летописи», издаваемой в виде еженедельных

бюллетеней (52 номера в год), с 1926 г. издается «Летопись журнальный статей», с 1931 г. – «Картографическая летопись» и «Нотная летопись», с 1934 г. – «Летопись изоизданий», с 1935 г. – «Летопись рецензий», с 1936 г. – «Летопись газетных статей».

Один раз в несколько лет публикуется «Летопись периодических и продолжающихся изданий», которая сообщает о новых журналах, сборниках, газетах, бюллетенях, трудах и т.п. Кроме того, Книжная палата была ответственна за подготовку и выпуск кумулятивных указателей «Ежегодник книги в СССР», издавала печатные каталожные карточки для библиотек, вела государственную статистику печати, хранило Архив печати СССР. В систему государственной библиографии входили республиканские книжные палаты. Столь разветвленной, мощной, хорошо продуманной и четко организованной системы национальной библиографии нет ни в одной стране. Можно сказать, что задача общегосударственного текущего библиографического учета не только книг, но и журнально-газетных публикаций была успешно решена на зависть библиографам других стран.

Несмотря на усилия Книжной палаты и крупнейших библиотек страны, не удалось создать национальный репертуар книжной продукции, т.е. ретроспективный библиографический указатель продукции русского книгопечатания. Точнее, имеются лишь его фрагменты, например, «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800» и др. Это очень трудоемкая и архисложная задача остается не решенной и в других странах.

Образование национальных библиотек и органов национальной библиографии по сути дела является венцом библиотечно-библиографической системы в условиях книжной культуры, завершением ее структуры. Однако создание хорошо задуманной системы учреждений еще не означает полного преодоления коммуникационных барьеров, свойственных документной коммуникации. По-прежнему, хотя и в несколько смягченном виде, тревожит ученых информационный кризис «мы не знаем, что мы знаем», остается противоречие между текущими потоками литературы и индивидуальными возможностями восприятия их отдельными читателями.

Лозунг Всемирной парижской выставки 1900 г. звучал так: «От общества производства – к обществу потребления». Экономика индустриальных стран в начале XX века была озабочена не «хлебом насущным», а предоставлением товаров и услуг, делающих жизнь людей комфортабельнее, разнообразнее, интереснее. Основными потребителями этих товаров и услуг стали городская буржуазия и рабочие, которые располагали определенными денежными средствами и досуговым временем. Культурные требования потребителей этого рода были не высоки, ибо не высок был уровень их образованности, интеллектуального и эстетического развития. Их привлекали незамысловатые развлечения и игры, компенсирующие монотонность труда и повседневной жизни за счет красивых иллюзий и мифов. Но зато это был массовый спрос, на который стало ориентироваться массовое производство, это была массовая аудитория, представляющая собой массового реципиента для средств массовой коммуникации.

Средства массовой коммуникации, стремясь удовлетворить платежеспособный спрос массовых аудиторий, пошли не по пути просвещения, одухотворения, облагораживания этих аудиторий, а по пути предоставления им вульгаризированных и примитивизированных культурных смыслов, которые получили название массовой культуры. Подчеркнем, что средства массовой коммуникации – пресса, кино, радиовещание, телевидение, – это не средства массовой культуры, это средства подлинной культуры, но они могут быть вульгаризированы и примитивизированы корыстными коммуникантами.

Внешние, поверхностные отличия массовой культуры от возвышенной и возвышающей Культуры с большой буквы видятся в легкой доступности, приобретаемости, а не выстраданности, тиражируемости, связи с техникой, но не это главное. Главный порок массовой культуры заключается в ориентированности на обывательские интересы, в утрате нравственного, эстетического, познавательного потенциала подлинных культурных ценностей.

Первым «посланником» массовой культуры стала газета. Не случайно на рубеже веков разовые тиражи отдельных газет достигали 60–100 тысяч экземпляров. Этот коммерческий успех вызвал неоднозначную реакцию у европейских интеллектуалов. Н.С. Гумилев делил людей на «читателей книг» и «читателей

газет», отдавая безусловное предпочтение первым. М.И. Цветаева называла читателей газет «жевателями мастик» и «глотателями пустот», а газету – «экземой»; Герман Гессе окрестил эту эпоху «фельетонной» («Игра в бисер»).

Средства массовой коммуникации проявили себя как мощное орудие управления людьми: реклама, пропаганда, паблик рилейшнз, информационные технологии стали предметом профессиональных занятий. Более того, эти средства стали оружием информационных войн.

Информационная война – использование тенденциозно подобранных сообщений для воздействия на массовую аудиторию в своей стране или в других странах. Если информационная война ведется в социальном пространстве своей страны, она представляет собой коммуникационное управление в форме Гум; если она перенесена на территорию другой страны, ее можно квалифицировать как МуМ. Тенденциозность заключается не только в искажении (полуправде) или заведомой ложности распространяемых средствами массовой информации смыслов, но и в расчетливом выборе последовательности сообщений, их увязке с другими событиями. «Война смыслов» – это один, так сказать, «гуманитарный» плацдарм информационных войн, изначально им присущий. С появлением электронной коммуникации появился другой – «технический» плацдарм: возможность вносить помехи в радиосвязь, выводить из строя компьютерные сети, парализовать системы управления; здесь главными «воюющими сторонами» становятся логико-математические и программные средства.

XIX и XX век – время появления социальных прикладных дисциплин, предметом которых стали различные коммуникационные явления. В их числе: палеография, книговедение, библиографоведение, библиотековедение, теория массовой коммуникации, теория журналистики и др. [14].

4. Сохранение, изучение и популяризация культурного наследия в публичных библиотеках

В наше время системы письма достигли совершенства. Однако и совершенство не знает предела. Человечество продолжает искать наиболее удобные способы графического выражения мысли и знаний. Так, в связи с бурным ускорением темпов жизни в новое

время, на базе фонетического письма были придуманы различные системы стенографии (скорописи). Известны попытки создания международного письма, связанного не с фонетической, а со смысловой, семантической структурой языка. Не изучен еще вопрос, какое влияние будут иметь на развитие письма новые эффективные средства массовой коммуникации и компьютеризации. Пока человечество ничем не в состоянии заменить алфавит, верно служащий ему уже в течение тысячелетий.

Вместе с развитием системы письменности эволюционировали носители письма. В глубокой древности использовались камень и дерево, кость, кожа, ткань, черепки, глиняные таблички (клинопись), бамбук. Наибольшей популярностью в древности пользовался папирус. Тростник с берегов Нила стал самым используемым материалом для изготовления «бумаги».

К величайшим историческим заслугам китайского народа перед мировой культурой относятся два изобретения, открывшие новую эпоху в развитии книги, а значит и знания. Речь идет об удобном и дешевом писчем материале – бумаге и о механическом способе воспроизводства книг – печати. Историки предполагают, что бумага появляется в III в. до н.э. Изобретение бумаги создало экономические и технические предпосылки для второго замечательного открытия – печати. Сам принцип получения множества оттисков с одного оригинала (клише) был известен очень давно и практиковался отнюдь не только в Китае, но нигде, включая средневековую Европу, не догадывались использовать его для изготовления книг. В Китае появляются первые энциклопедии и периодика. Первая газета «Дзин Бао» («Столичные ведомости») начинает издаваться в VII в. н.э., намного раньше чем в Европе.

Опыт трансляции знаний в античном обществе. Античный мир, в первую очередь греческое и римское государственные образования дали культуре человечества очень многое. В сущности, вся современная европейская культура выросла на этой почве. В Древней Греции и Древнем Риме процветали науки: математика, астрономия, медицина, география, история. Принципы римского права легли в основу законодательства многих европейских стран.

Античное общество было гораздо грамотнее, чем общество Древнего Востока. И хотя школы были открыты только для

свободных граждан, но знания распространялись во всех слоях общества, расширяли кругозор, пробуждали духовные интересы и потребности.

Человек античного мира вступает в принципиально иную стадию развития – в стадию развития своего рассудка, своего рационализма, своего мышления. Вместо того, чтобы просто воспринимать мысли, осенявшие его в божественном откровении, человек мыслит сам, в результате чего зарождаются формы собственных мыслей и логических форм. Возникает потребность в развитии науки, в восприятии ее как совокупности знаний и как процесса получения нового знания. Не случайно само слово «библиотека» зародилось в античной Греции. Появление библиотеки в значении, близком к современному, обусловлено появлением определенного типа библиотеки мусейона.

Мусейоном греки называли обитель муз. Сама идея создания мусейона принадлежит афинянину Аристоклу по прозвищу Платон (427-347 гг. до н. э.), который, в свою очередь, заимствовал ее у пифагорийцев, живших на территории современной Италии. Мусейон в понимании древних греков представлял собой некое сообщество людей, объединявшихся на единой религиозно-этической основе. Это было одновременно и культовое учреждение, и научно-исследовательский, и образовательный центр. Наряду с библиотекой в нем имелись собрания карт, различные модели инструментов для научных опытов.

Античная библиотека является библиотекой, которую можно рассматривать и как общедоступную (для читателей из определенных слоев общества), и как учреждение, служащее науке. При этом библиотека выполняет функцию скриптория и с этого времени становится учреждением, которое может сделать копию имеющегося в ее фонде документа и берет на себя обязательства по изготовлению копий, гарантирующих подлинность текстов.

Самой крупной библиотекой античного мира была Александрийская библиотека – библиотека Александрийского мусейона, которую нередко называют крупнейшей публичной библиотекой эллинистического мира. В ней впервые была реализована система каталогизации и расстановки книг, созданная выдающимся ученым и поэтом Калимахом (ок. 310-240 гг. до н. э.). Александрийская

библиотека, как наиболее богатая по составу фондов, влекла к себе читателей из многих частей эллинистического мира. Они приезжали туда работать со свитками и получать копии интересующих их работ. Эта библиотека стала самым значимым скрипторием античного мира. В разные годы в библиотеке работали Архимед, «Коперник античности» – Аристарх Самосский, медик Герофил Халкедонский, астрономы Гиппарх и Клавдий Птолемей, математик Евклид и другие выдающиеся деятели науки того времени. Пергамское царство, существовавшее в III – II вв. до н. э., было государством, игравшим важнейшую роль в жизни всех эллинистических государств. Оно было своего рода «научным центром» того времени. Возникло оно в 283 г. до н. э. на территории области Миссия в северо-западной части Малой Азии, в долине реки Каика. Столицей его стал город Пергам. Огромная по своим фондам Пергамская библиотека, созданная царем Эвменом II (197-160 гг. до н. э.), соперничала с Александрийской библиотекой.

Первая библиотека в Риме была открыта уже после смерти Цезаря, примерно между 39 и 28 гг. до н. э. одним из его ближайших приближенных – Азинием Поллионом. Именно в Риме сильнее всего активизируется работа по выполнению библиотекой функции скриптория, ибо здесь начинает буквально процветать деятельность по переписке и переплету книг. Растущая потребность в знаниях способствовала появлению новых профессий: редактора, иллюстратора, книготорговца, издателя. Книги становятся предметами коллекционирования. Во времена Перикла многие просвещенные афинские граждане имеют свои собственные книжные собрания. Школы и «Академии» собирают собственные библиотеки. Особенно была знаменита библиотека при школе Пифагора. Книжные лавки становятся местом встреч книголюбов, писателей, ученых. Спрос на книгу являлся отражением растущей потребности в обществе к приобретению знаний. Культ образованности инициировал развитие системы образования, наук, литературы.

Книга как средство трансляции знаний в эпоху средневековья.

Центрами книжной культуры в раннем средневековье стали монастыри. Первым таким центром был знаменитый монастырь Вивариум, основанный римским патрицием и сенатором Кассиодором (ок. 485 – ок. 580 гг.) Скрипторий (мастерская по переписыванию книг) и библиотека стали обязательной частью

любого средневекового монастыря. Переписывание церковных книг приравнивалось к апостольскому подвигу. Не каждому монаху позволялось братья за такое богоугодное дело. Следует уточнить, что еще в раннем средневековье, инициатива в книгоиздательском деле не всегда принадлежала церкви. Светские власти понимали, что грамотные люди способны выполнять административные, дипломатические функции. Светскому обществу нужны были знания, а значит и книги – по юриспруденции, истории, географии, точным и прикладным наукам. Быстрый рост городских школ и университетов способствовали выходу книгоиздательского дела за пределы церковного влияния.

Значительную роль в переписывании и распространении книг стали играть университеты. Книга становится товаром, возникает книжный рынок. Переписывание книг становится прибыльным делом. Основным писчим материалом в средневековье служил пергамент. С XIII в. изготовление пергамента переходит от монастырей к городским ремесленникам. Инструментом для письма, как и в античности, служило птичье перо. Пользовались и металлическими перьями, но редко, так как они были слишком жесткими. Эластичные стальные перья были изобретены лишь в конце XVIII в. Чернила изготавливали из черного ореха (дубовый нарост), сульфата меди и гуммиарабика. Густые черные чернила средневековья были по качеству выше античных, их было труднее смыть. Широко применялись цветные чернила.

В эпоху Возрождения распространение гуманистических идеалов личности, жажда новых знаний заставляли многое менять в системе образования, в книжном деле. В университетах богословие постепенно уступало место точным наукам, медицине, правоведению. Нужны были учебники в больших количествах, комментированные тексты, точнейшим образом выверенные и унифицированные. Назрела общественная потребность в массовом размножении книг печатным способом. Изобретение и массовое распространение книгопечатания стало поистине информационной революцией в период средневековья [15].

«Замечательное искусство книгопечатания было изобретено в Майнце. Это искусство искусств, наука наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила вызволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир», – писал уже в 1474 г. в

своей хронике монах и теолог Вернер Ролевинк [16]. Первых гуманистов обычно называли поколением книгопечатников. Гуманистическая направленность книгоиздательского дела заключалась не только в характере издаваемых книг, но и в труде типографа, требовавшем знаний не только в области филологии, но и во многих других науках. Типограф должен был найти рукописи, сверить несколько текстов, унифицировать грамматику, очистить подлинный текст от позднейших наслоений и ошибок переписчиков.

Массовое издание научной литературы уничтожило привилегированность знаний. Типографская продукция, изготовленная на бумажном носителе, была значительно дешевле рукописных книг, изготовленных из пергамента. Но, в деятельности книгопечатников были и большие трудности. Необходимо было решить множество технических проблем, нужен был немалый капитал для организации книгопечатных мастерских. Некоторыми видными библиофилами, смотревшими на книгу как на уникальное творение искусства, печатная книга была принята без восторга. Тиражирование книги механическими средствами казалось опошлением самой сути этого искусства. Стремительное развитие печати вызвало к жизни цензуру на печатные издания, инициатором которой явилась церковь.

С появлением книгопечатания были увековечены и получили распространение выдающиеся произведения национальных литератур, стали доступны сокровища античной науки и литературы: Геродота, Эсхила, Софокла, Еврипида, Платона, Цезаря, Тита Ливия и многих других. Эпоха Возрождения возвеличила возможности человеческого разума, а стремление к познанию обозначила как одно из достоинств человека. Расцвет научного знания в эпоху Нового времени стал возможен, во многом благодаря усовершенствованиям системы трансляции и передачи знаний. Эпоха первого печатника Гуттенберга открыла новые возможности для системного формирования научного знания и его массовой популяризации.

Компьютеризация науки и ее социальные последствия.

Отрезки времени между значительными вехами в истории развития технологий становятся все короче. К моменту, как печатные станки Гуттенберга сделали книги общедоступными, письменность существовала уже около 4,5 тыс. лет. Книгопечатание едва успело

отпраздновать 500-летний юбилей, как у него появился серьезный соперник в виде электронного текста.

А.И. Ракитов, ссылаясь на Робертсона, иллюстрирует схему увеличения объема и инструментария информации и знаний как сменяющие друг друга пять информационных революций. Первую он связывает с появлением языка, вторую с изобретением письменности, третью с книгопечатанием, четвертую с созданием электронных средств информации, пятую с изобретением микропроцессорных средств и особых машиночитаемых носителей [17].

В конце XX в. наиболее развитые страны начали переход от индустриального к постиндустриальному, информационному типу общества. Для последнего характерны повсеместное внедрение научно- и информационно емких технологий, постоянная минимизация энергетических, сырьевых, транспортных и других материальных затрат, бережное отношение к экологической среде, бурный рост индустрии знания, в которую перемещается все больше и больше людей и ресурса. Уже сейчас, например, в развитых странах система образования превратилась в самую обширную отрасль человеческой деятельности. Если же добавить к ней область научных исследований и технических разработок, сферу телекоммуникаций и компьютерной деятельности, библиотеки и книгопечатание, средства массовой информации и т.п., то окажется, что в этой индустрии знания производится более половины национального продукта высокоразвитых обществ.

Печатные материалы хотя и вмещали в себя всю накопленную информацию, но требовали для своего хранения все больше и больше места. Найти необходимые сведения среди миллионов томов книжной информации становилось все труднее. Человеческая жизнь требовала не только сохранения накопленных в результате научной деятельности знаний, но и сохранение и переработку информации. С появлением электронно-вычислительных машин были предприняты попытки переложить большую часть рутинной работы по сбору и обработке информации на «железные плечи». В наши дни, когда персональные ЭВМ есть практически в каждом доме, можно с уверенностью сказать, что компьютеры захватили и удерживают пальму первенства в работе с информацией. Сначала ЭВМ

выполняли только рутинные счетные и поисковые операции, далее программы для ЭВМ становились все более сложными, их логика работы стала приближаться к работе человеческого мозга.

Прогресс в сфере компьютерной техники, все более широкое ее использование в различных областях жизнедеятельности общества, формирование новых научных дисциплин, связанных с автоматизированной переработкой информации, способствуют осмыслению новых проблем, касающихся человеческого знания, роли знания в жизни общества, видов знания и способов его существования, – словом, вопросов, касающихся того, что может быть названо эпистемологическим контекстом компьютерной революции.

Компьютерные технологии коренным образом изменили традиционную деятельность библиотек. В начале 1970-х начинается новый этап в развитии взаимодействия научных библиотек Европы и Российской Федерации. Это связано с созданием в 1971 г. Европейской лиги научных (исследовательских) библиотек (*Ligue de bibliothèques europeens de recherche*). Задачей Лиги, в состав которой вошли библиотеки, обладающие коллекциями исторических ценных книжных фондов (национальные, университетские, крупные городские и др.), изначально стало достижение максимального доступа к документам, то есть к фондам библиотек Европы путем использования как традиционных форм и методов работы, так и новейших технологий. Исходной точкой в ориентации на кооперацию стало восприятие всего фонда европейских библиотек, как общеевропейского культурного достояния, была поставлена цель сохранить его для нынешнего и будущих поколений. В силу этого Лига изначально была нацелена на принятие мер по обеспечению сохранности этих фондов и устранению опасности разрушения фондов национальной и общеевропейской значимости.

Дистанционный доступ пользователей к фондам библиотек активизирует процесс их использования и одновременно защищает оригинал и сохраняет его. К концу XX в. традиционная библиотека не потеряла своего значения уже в силу того, что пока еще остался нерешенным вопрос о сохранности документов в электронной форме на CD-ROM. Кроме того, стало очевидным, что традиционная библиотека, нацеленная на обеспечение сохранности документов в бумажной форме, сохраняет свое значение по отношению к

определенному типу библиотек, ориентированных изначально на постоянное, то есть вечное хранение документов.

В начале XXI в. практически все библиотеки субъектов Российской Федерации автоматизированы, имеют локальные вычислительные сети и подключены к международной электронной сети Интернет. Почти все библиотеки формируют собственные информационные ресурсы в виде электронных каталогов, полнотекстовых коллекций, различных тематических и мультимедийных баз данных. В совокупности объем электронных ресурсов библиотек составляет на сегодня уже более 10 млн.

Качественные динамические процессы общественного развития на современном этапе формируют новую информационную парадигму развития цивилизации, генерации информационного общества как социокультурного феномена.

Информационное общество и соответствующая ему информационная культура радикально изменяют материальное производство, мировоззрение, быт, образование, систему коммуникаций. Глобально изменяется духовное производство – производство знаний.

Информационная технология, как продукт информационной культуры, поистине революционно трансформирует все средства информации и опосредованно оказывает влияние на социогенез, постепенно меняя систему ценностей и представления людей о самом человеке, смысле его бытия и предназначения [18].

В соответствии с современным подходом к проблеме межнациональных отношений библиотеки сосредоточены на поиске реальных путей воздействия книги, чтения, информации на сферу межнациональных отношений. При этом учитывается следующее:

1. Исходным считается положение о том, что абсолютными являются общечеловеческие ценности. С этим связаны следующие методологические принципы:

а) приоритет общечеловеческих ценностей перед всеми остальными;

б) культурные ценности любого народа вне зависимости от его численности и древности равноценны;

в) отношение к читателю в системе «библиотека – пользователь» должно строиться как к субъекту социального действия.

2. Существует прямая диалектическая зависимость культуры межнационального общения от степени правовой, политической, экологической культуры личности, ее общечеловеческой культуры, степени освоения гуманистических норм и правил общения и духовности. В этой связи ведущими психолого-педагогическими принципами в работе с читателями становятся следующие:

- формирование положительной установки на национальные культуры через глубокое усвоение ценностей родной культуры;
- интегрирование знаний о родной культуре в систему знаний и представлений о культуре других наций и народностей;
- внедрение общечеловеческих этических норм через систему переживаний;
- изучение и удовлетворение потребностей в чтении на родном языке.

В силу специфики своей деятельности библиотека является одним из центров решения проблем, связанных с межнациональными отношениями. Научиться жить вместе – веление времени и один из императивов глобализации. Она диктует правила взаимодействия, основанные на понимании и сближении разных культур. Библиотека, как хранилище культурного наследия многих веков и народов, позволяет всем активно включаться в процесс интеграции, раскрывая границы, казавшиеся непреодолимыми [19].

Публичные библиотеки способствуют сохранению, изучению и популяризации культурного наследия страны в целом и определенного региона в частности, используя для этого различные формы и методы библиотечной работы: традиционные методы, инновации, информационные технологии. Широкое использование компьютерных технологий в деятельности библиотек позволяет разнообразить и совершенствовать пропаганду культурного наследия.

Работа по сохранению, исследованию и популяризации культуры прошлого в публичных библиотеках области ведется постоянно и по разным направлениям. Одними из приоритетных направлений культурной политики являются областные и региональные целевые программы.

Принципы формирования общероссийского свода книжных памятников:

1. Поэтапность.

2. Кооперация и координация трудовых и информационных ресурсов.

3. Сетевое взаимодействие.

Изучение истории библиотечного дела как составляющей историко-культурного наследия значительно обогащает представление человека об определенном этапе исторического развития. По-разному, но одинаково трудно и интересно складывалась судьба первых послевоенных библиотек-хранительниц культурного наследия. В этом плане ведется изучение истории послевоенных библиотек. Продолжается работа, связанная с присвоением библиотекам имен писателей-классиков и популяризацией творчества писателей, имена которых уже носят библиотеки. Реализуются долгосрочные проекты развития именных библиотек, предусматривающие их модернизацию, охватывающие основные инновационные направления деятельности. Всегда заметным мероприятием становится открытие мемориальных досок на зданиях библиотек. Ведется работа по созданию Музеев истории библиотек.

Важным культурным наследием являются книги. В фондах многих публичных библиотек хранятся редкие и ценные рукописные и печатные книги. На базе этих собраний проводится исследовательская работа, а также мероприятия по ознакомлению с данными уникальными документами (просмотр, выставки и др.).

Разнообразна традиционная культура наших народов: художественные промыслы, фольклор, бытовые традиции, ритуалы и т.д. Интересна и почитаема эта культура как в целом народов России, так и определенного региона. В работе с этим направлением используются различные формы: оформляются уголки быта и краеведения, выставки старинной бытовой утвари, декоративно-прикладного искусства (вязание из пуха, иконы и картины, выполненные в технике ручной вышивки, резьба по дереву, тряпичные куклы и т.д.), фестивали, фольклорные посиделки, клубы и т.д.

Они позволяют изучить истоки возникновения народных традиций и обрядов, прикоснуться к историческому прошлому народов.

Библиотеки собирают, хранят и популяризуют материалы, связанные с жизнью и творчеством своих знаменитых земляков.

Их жизнь и творчество активно пропагандируется: проводятся циклы мероприятий, презентаций, создаются мини-музеи и т.д.

Работа по сохранению, изучению и распространению культурного наследия остается главным направлением в деятельности публичных библиотек. Она становится более целенаправленной и разнообразной.

Публичные библиотеки – важное звено в сохранении и возрождении культурного наследия народов с помощью книги, общения, поисковой деятельности и развития собственного творчества. Здесь собираются фонды документов, воссоздается история, культура, традиции этносов. Библиотеки не просто дают читателям информацию, но и влияют на читательское мировоззрение, на понятия и значение истории народа.

5. Архивы в деле сохранения и трансляции культурного наследия

Архивное дело как деятельность по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных документов обеспечивает возможности использования исторического опыта для принятия обоснованных управленческих решений, определения политических, экономических, социальных и иных приоритетов, формирования прогнозов развития Ставропольского края.

При длительном хранении и многократном использовании документы приобретают значительные дефекты, способствующие потере их информации. Одним из способов защиты документов от повреждений является их картонирование. Дальнейшее картонирование дел позволит обеспечить их сохранность и предотвратить утрату документов [20].

В настоящее время архивы хранят архивные документы и предотвращают их утрату (утрата архивных документов, содержащих в том числе информацию социально-правового характера, может лишить граждан возможности получить необходимую информацию об их трудовом стаже, награждениях, реабилитации и др.). Поэтому архивы комплектуются и современными документами, принимаемыми на постоянное хранение от органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц и граждан.

В Ставропольском крае особенно важна деятельность по сохранению культурного наследия двух государственных архивов: ГКАУ «ГАСК» и ГКАУ «ГАНИСК».

Государственное казенное архивное учреждение «Государственный архив Ставропольского края» (ГКАУ «ГАСК») образован в мае 1921 г., как Ставропольский губернский центральный исторический архив) располагает ценной источниковой базой для изучения истории Ставрополя и Северного Кавказа с конца XVIII века. Это один из крупнейших архивов на Северном Кавказе, содержит более 1 млн. ед. хр., 4744 фондов и 9 коллекций [21]. В фондах местных государственных учреждений, суда, прокуратуры, полицейских и военных управлений, культурно-просветительных, научных, земских, сословных, общественных организаций отражена история заселения и освоения территории Ставропольской губернии (до 24 июля 1822 года – Кавказской губернии; до 2 мая 1847 года – Кавказской области) с начала XVIII века.

Наиболее полные комплексы архивных источников составляют фонды Канцелярии Ставропольского губернатора, Ставропольского губернского правления, Ставропольской духовной консистории, Ставропольской казенной палаты, Ставропольского городничего, Ставропольской палаты государственных имуществ.

Также особый интерес представляют документы из личных фондов историка Кавказского линейного казачьего войска этнографа И.Д. Попко, секретаря Ставропольского губернского статистического комитета краеведа И.В. Бентковского, доктора исторических наук В.А. Романовского, доктора филологических наук лермонтоведа А.В. Попова, доктора биологических наук А.И. Лопырина и др.

К числу особо ценных документов относятся: жалованная грамота Павла I дербетовским армянам, герб князей Багратионов и родовое древо полковника князя Александра Ивановича Багратиона, грамота дворянке поручице Прасковье Ивановне Пущиной для составления дворянской родословной книги и родовое древо Пущиных, официальные донесения и переписка о пребывании на Кавказе и гибели на дуэли М.Ю. Лермонтова, коллекция чертежей и рисунков знаменитых зодчих Кавминвод архитекторов Джузеппе и Джованни Бернардацци и др.

В фондах архива хранится более 50 тыс. ед. фотодокументов, отражающих наиболее значимые события в жизни края с конца XIX века (альбом видов Кавказских Минеральных Вод фотографа Г.И. Раева; коллекция видов Кавказских гор члена-корреспондента Ставропольского губернского статистического комитета исследователя природы Н.Я. Динника; панорамные снимки г. Ставрополя; фото-свидетельства о пребывании на Ставрополье видных политических деятелей, ученых, космонавтов и др.

Научно-справочная библиотека архива насчитывает более 19443 томов печатных изданий⁴, в том числе 110 книжных памятников 1721 – 1830 гг. Здесь же хранятся рукописные книги конца XVIII в. и старопечатные издания [22].

В числе услуг, предоставляемых архивом – исполнение запросов:

1) «связанных с социальной защитой граждан, предусматривающей их пенсионное обеспечение, а также получение льгот и компенсаций в соответствии с законодательством Российской Федерации, в том числе о подтверждении трудового стажа и размера заработной платы, награждении государственными и ведомственными наградами, присвоении почетных званий»;

2) «о лицах, пострадавших от массовых репрессий»;

3) «о реабилитации»;

4) «предоставление архивной информации по документам и копий документов органам государственной власти и местного самоуправления в целях осуществления ими своих полномочий»;

5) «выдачу архивных документов во временное пользование организациям-фондообразователям для служебных целей»;

6) «осуществление организационно-методической помощи в организации документов в делопроизводстве, работе архивов организаций – источников комплектования ГКАУ «ГАСК».

Кроме сохранения документов и других письменных источников ГАСК реализует ряд проектов, связанных с трансляцией исторического наследия.

В этих целях развивается сотрудничество архивной службы Ставропольского края со средствами массовой информации. При

⁴Сведения на 3 февраля 2015 г.

этом решается важная задача популяризации архивных документов. Сотрудничество с телекомпанией «СТВ» с сентября 2014 г. позволило реализовать проект по подготовке телепередач «Связь времен». Проект реализуется на базе Государственного архива Ставропольского края, одного из крупнейших архивов Юга России, в котором хранятся документы с XVIII века до наших дней.

Тематика сюжетов связана с историей края – темой особенно востребованной в наше время. Программа интересна как широкому кругу зрителей, так и историкам (много положительных откликов зрителей). Для архивистов передача важна тем, что с помощью нее удастся показать роль архивов в сохранении источниковой базы для изучения истории края.

Также, важной следует считать работу архива, способствующую составлению биографических справок и генеалогий. Для этого исполняются соответствующие запросы граждан по поиску нужных документов [23].

Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГКАУ «ГАНИСК») является государственным казенным архивным учреждением. Это некоммерческая организация – финансируется за счет средств бюджета Ставропольского края. Учреждение относится к введению комитета Ставропольского края по делам архивов (осуществляет функции и полномочия учредителя архива), и является самостоятельным юридическим лицом.

История государственного казенного архивного учреждения «Государственный архив новейшей истории Ставропольского края» состоит из двух этапов: период (1936 – 1991 гг.) функционирования партийного архива и этап интеграции в систему Государственной архивной службы края после 1991 года (в 1991 г. бывший партийный архив был преобразован в Ставропольский краевой центр документации новейшей истории и вошел в состав Государственной архивной службы края, архивный фонд крайкома КПСС был включен в состав Архивного фонда Российской Федерации). Окончательное название ГКАУ «ГАНИСК» архив получил 17.11.2010 г. в связи с постановлением Правительства Ставропольского края.

Архив содержит 4141 фонд, 764162 ед. хр. – 1920 – 2012 гг., фотодокументы – 2769 ед. хр., видеофонограммы – 6 ед. хр. (по состоянию на 01.01.2013 г.).

В ГКАУ «ГАНИСК» хранится комплекс документов органов, организаций, учреждений КПСС и ВЛКСМ, краевого штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., современных политических партий, профсоюзных, общественных организаций, избирательных комиссий, государственных учреждений и предприятий и др.

Документы фондов архива многоаспектны и не ограничиваются рамками политической истории. Для материалов, созданных партийными органами, характерен высокий уровень анализа и обобщения. Сюда же относятся документы различных учреждений, организаций и предприятий.

Основными задачами в деятельности архива являются: организация хранения, комплектование, учет и использование документов Архивного фонда Ставропольского края, других архивных документов в целях полноценного сохранения и динамичного роста информационного потенциала для повышения качества услуг в области архивного дела и расширения доступа пользователей к архивным информационным ресурсам.

При этом в деятельность архива входит обеспечение доступа пользователя к секретным делам, делам, содержащим конфиденциальную информацию, а также базам с учетом ограничений, установленных законодательством Российской Федерации.

Также важно проведение экспертизы ценности и описание фотодокументов, поступающих от граждан. Кроме упорядочения и приема материалов учреждений и предприятий продолжается пополнение коллекции документов личного происхождения по локальной истории Ставропольского края.

Важнейшей задачей архива является трансляция культурно-исторического наследия. Для этого ежегодно проводится ряд мероприятий в целях патриотического воспитания детей и молодежи в Ставропольском крае, введения в научный оборот и информирования граждан о достоверных событиях и фактах прошлого Ставропольского края, противодействия попыткам фальсификации истории и др. В частности в 2014 г. здесь были подготовлены 3 стационарных и 1 виртуальная выставки – «Ставрополье спортивное» (к открытию XXII зимних Олимпийских игр) (56 экспонатов) – выставка экспонировалась в

фойе архива (в феврале-июне 2014 г.) и размещена на сайте архива в разделе «Фотогалерея»; «к 100-летию со дня рождения Ю.В. Андропова» и «Ю.В. Андропову посвящается...» – выставки экспонировались в фойе архива и были размещены на сайте архива в разделе «Фотогалерея»; «Ученическим производственным бригадам – 60 лет» – фото-отчет выставки выложен на сайте архива в разделе «Фотогалерея».

Также, были проведены 3 обзорных экскурсии и прочитаны 6 лекций: «Спортивные достижения Ставрополя», «Документы рассказывают...» для учащихся колледжа связи г. Ставрополя, МБОУ лицей № 10, № 14, студентов факультета истории, философии и искусств гуманитарного института ФГАОУ ВПО «СКФУ» [24].

Деятельность архивов, направленная на трансляцию историко-культурного наследия, кроме выше отмеченных, включает подготовку и проведение выставок документов (с использованием документов на бумажной основе, кино-фото-фоно-документов).

Решение актуальных задач государственной политики в области архивного дела требует реализации в ближайшее время специального комплекса мероприятий по улучшению условий хранения документов, для обеспечения безопасности архивного фонда Ставропольского края. Результатом реализации программы станет создание благоприятных условий для деятельности государственных архивов Ставрополя, сохранение исторического наследия области, улучшение условий сохранности и безопасности архивного фонда Ставропольского края.

Выводы

Главным направлением в деятельности публичных библиотек остается работа по сохранению, изучению и распространению культурного наследия. Такая деятельность становится более целенаправленной и разнообразной. Публичные библиотеки – важное звено в сохранении и возрождении культурного наследия народов с помощью книги, общения, поисковой деятельности и развития собственного творчества.

Архивное дело как деятельность по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных документов обеспечивает возможности использования исторического опыта для принятия

обоснованных управленческих решений, определения политических, экономических, социальных и иных приоритетов и др. Важнейшей задачей архивов также является трансляция культурно-исторического наследия (подготовка выставок, проведение экскурсий, выступление с лекциями и др.).

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризовать понятие «Библиотека как социокультурный институт».
2. Охарактеризовать задачи национального библиотечного фонда.
3. Перечислить виды библиотек.
4. Охарактеризовать особенности палеокультурной книжности как транслятора культурного наследия.
5. Охарактеризовать особенности мануфактурной некультурной книжности.
6. Охарактеризовать особенности индустриальной некультурной книжности.
7. Охарактеризовать книгу как транслятор историко-культурного наследия.
8. Охарактеризовать особенности сохранения, изучения и популяризации культурного наследия в публичных библиотеках.
9. Охарактеризовать особенности воздействия книги и чтения на сферу межнациональных отношений.
10. Охарактеризовать значение архивов в деле сохранения и трансляции культурного наследия.

Литература

1. Гагина Е.С. Основные направления развития системы финансирования учреждений культуры [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.scienceforum.ru/2014/541/2962/> (дата обращения: 22.11.2015 г.)
2. Федеральный закон N 78-ФЗ от 29.12.1994 "О библиотечном деле"(в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 N 122-ФЗ, от 26.06.2007 N 118-ФЗ, от 23.07.2008 N 160-ФЗ, от 27.10.2008 N 183-ФЗ, от 03.06.2009 N 119-ФЗ, от 27.12.2009 N 370-ФЗ) [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2012 г.)
3. Тейлор Э. Первобытная культура. – М., 1939. – С. 182.

4. Богатырева Е.Н. Историческое развитие способов трансляции научных знаний (от рукописных изданий до современного компьютера). Компьютеризация науки и ее социальные последствия // Темы философии науки. Учебное пособие по программе канд. минимума «История и философия науки». – Саратов: «Саратовский источник», 2010. С. 248–249.

5. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. – М., 1982. – С. 34.

6. Богатырева Е.Н. Указ. соч. – С. 250 – 255.

7. Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. – М., 1988. – С. 13.

8. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. – М., 1965. – С. 34.

9. Богатырева Е.Н. Указ. соч. – С. 250 – 252.

10. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – С. 159 – 161. (461 с.).

11. Там же. – С. 160.

12. Там же. – С. 160.

13. Там же. – С. 160 – 161.

14. Там же. – С. 161.

15. Богатырева Е.Н. Указ. соч. – С. 255.

16. Владимиров Л.И. Указ. соч. – С. 97.

17. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Проблемы информатизации. 1993. № 3 С. 11.

18. Богатырева Е.Н. Указ. соч. – С. 258 – 259.

19. Булычева А.А. Роль библиотек в сохранении историко-культурного наследия и культурных традиций мордовского народа (на примере республики Мордовия) // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Культура как предмет междисциплинарных исследований», посвященной памяти первого д-ра Института искусств и культуры ТГУ профессора Ю.В. Петрова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 12 – 14.

20. Об утверждении государственной программы «Развитие культуры и туризма в Брянской области» (2014 – 2010 годы) [Электронный ресурс] (Режим доступа): <http://docs.entd.ru/document/974030583> (дата обращения 22.11.2015 г.)

21. Комитет Ставропольского края по делам архивов. Официальный сайт [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.stavkomarchiv.ru/archives/gau-gask/o-gaske/> (дата обращения 28.11.2015 г.)

22. Сайт Государственного архива Ставропольского края [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.stavarhiv.ru> (дата обращения 28.11.2015 г.)

23. Государственное казенное архивное учреждение «Государственный архив Ставропольского края» [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.stavregion.ru/govder/committees/comarch/gask> (дата обращения 28.11.2015 г.)

24. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://ganisk.ru/about-the-archive/> (дата обращения 28.11.2015 г.)

VI. АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

План

1. Археологическое наследие. Виды археологических памятников.
2. Законодательство, регламентирующее выявление и изучение объектов археологического наследия.
3. Археологическое наследие в пространстве диалога с современностью.
4. Основные практики актуализации археологического наследия.
5. Сохранение археологического наследия в Северо-Кавказском регионе.

1. Археологическое наследие. Виды археологических памятников

Под *археологическим наследием* следует понимать любые исторические остатки полностью или частично скрытые в земле, извлеченные из нее, а также обнаруженные под водой (включая бытовые предметы, произведения искусства, письменные источники, архитектурные сооружения, предметы религиозного культа и иные артефакты). Такое восприятие понятия «Археологическое наследие» является общепринятым на уровне археологической науки и институтов охраны наследия.

Основой выделения *археологических объектов* из других видов памятников является совокупность признаков: а) значительный возраст; б) происхождение из раскопок; в) выраженная предметность / ландшафтность.

Археологическое наследие составляют археологические памятники. Их разнообразие описано в нескольких различных классификациях. В основе наиболее известной типологической схемы заложено противопоставление – жилище живых и жилище мертвых, позволяющее выделить в совокупности археологических памятников отдельные виды поселений и погребальных сооружений [1].

К другим видам относятся комплексы производственных сооружений и памятники духовной жизни. Они выявляются на территории поселений (ремесленные мастерские, храмы, алтари), но могут находиться и за их пределами: остатки горных выработок, оросительные системы, каменоломни, капища, каменные изваяния, наскальные изображения и т. п.).

Поселения. Этим понятием обозначаются любые остатки более или менее продолжительной жизни древних людей на одном месте. В зависимости от времени, к которому относятся поселения, и от их устройства они могут подразделяться на более узкие группы. По устройству поселения можно подразделять на неукрепленные и укрепленные. К первым относятся *стоянки* и *селища*.

Стоянками называются места жизни и деятельности первобытных людей: палеолитические стоянки, пещерные стоянки, неолитические стоянки, **Селищами** называют неукрепленные поселения более поздних эпох, включая средневековье.

К укрепленным поселениям относятся *городища*. Главной отличительной особенностью городищ являются остатки ограждавших их валов, стен, рвов и иных фортификационных сооружений.

Для Северного Кавказа характерны и *поселения смешанного характера*. Например, античные города Северного Причерноморья имели укрепленную часть – акрополь и неукрепленную. Некоторые городища Северного Кавказа периода средневековья, также, состояли из укрепленной части – цитадели и неукрепленного поселения за стенами.

Стоянки. Большинство палеолитических поселений – это стоянки: Кударо – пещера в Южной Осетии со слоями ашельской эпохи; стоянка Треугольная на Кубани; Ахштырь в Причерноморье и др. Для ранних стоянок понятие стоянка вполне соответствует своему содержанию. Люди еще не умели строить долговременные капитальные жилища.

Погребальные сооружения. Древние кладбища (некрополи или могильники), если они принадлежали представителям оседлой культуры, всегда соседствуют с поселениями. Когда изучаются памятники подвижных (кочевых) культур часто бывает – могильники существуют, а следов поселения нет. Это происходит

по разным причинам. Родовые кладбища кочевников часто расположены в определенных местах, чаще всего в районе зимников. У них были легкие жилища типа юрт, которые при перемещениях быстро сворачивались, поэтому следов от жизнедеятельности на данном месте, как правило, не сохраняется.

Погребальные сооружения делятся на ряд видов. Их формы разнообразны: грунтовые могилы, курганы, дольмены, склепы, мавзолеи и др.

Менгиры (бретон. мен – камень; hig – длинный) – это высокие (до 3 – 4 м) каменные стелы, иногда украшенные какими-либо узорами и изображениями. Ставились в определенных местах по определенным причинам. Являлись указателями дорог, предупреждением о запретной (табуированной) территории или границе между двумя частными территориями и т.д.

Кромлехи (бретон. – krom – круг; lech – камень) – это круговые ограды из крупных камней. Как правило, возводились вокруг грунтовых захоронений в период раннего железного века (Луговой могильник кобанской культуры и др.). Они связаны с соляной символикой – круг является магической защитой.

Кенотафы (греч. kenotaphion – пустая могила). При раскопках курганного могильника случается, что курган, имеющий все признаки намогильного сооружения, не содержит в себе следов погребения. Считается, что кенотафы сооружались тогда, когда представитель того или иного рода погибал или умирал вдали от родины и похоронить его на родовом кладбище было невозможно.

Гробницы, мавзолеи, склепы – это надгробные сооружения, которые строились для знатных лиц, занимавших особое социальное положение (античные гробницы и склепы, золотоордынские мавзолеи и др.).

Памятники производственной деятельности. Следы производственной деятельности древних людей могут находиться за пределами поселений. К их числу относятся древние выработки – места добычи полезных ископаемых. Уже в неолитическую эпоху кремль добывался в специально вырытых шахтах. Камень для строительства античных городов – в каменоломнях; медная руда, свинец, сурьма и иные материалы в горных выработках.

В ряде районов археологи нашли остатки древних оросительных систем, относящихся к античному времени и к средневековью.

Клады. Во все времена люди стремились спрятать наиболее ценные для них предметы, закапывая их в землю или помещая в тайники. В связи с гибелью хозяина или по другим причинам, они оказались «не востребованными». Поэтому иногда случайно обнаруживаются такие «захоронения», например, клад золотых вещей III в. до н.э., найденный в начале XX в. у с. Казинка.

Архитектурные памятники. Сюда относятся сооружения бытового, культового, фортификационного назначения и др. Изучение архитектурных памятников лежит на стыке между археологией и искусствоведением.

Изобразительные памятники делятся на два больших класса: фигуративные и абстрактные. К первым относятся изображения в которых распознаются образы реальной действительности (люди, животные, растения и др.) и персонажи мифологии, эпоса, фольклора (кентавр, дракон, грифон и др.). Вторые представляют собой знаки, орнаменты, и узоры, не имеющие прямых прототипов в объектах реального мира. Встречаются орнаментальные мотивы с использованием стилизованных или схематичных изображений реальных объектов («растительный» орнамент, звериный стиль).

Фигуративные изображения могут быть плоскими (фрески, граффити, пещерная живопись, петроглифы, гравировки на металле, кости, роге, роспись и рисунки, на керамике и других материалах), рельефными и объемными (настенные рельефы, художественное литье и чеканка, резьба, изваяния, скульптура, мелкая пластика). Абстрактные изображения – орнаменты и знаки – разнообразны по технике исполнения.

Каменные изваяния. На Северном Кавказе зафиксированы антропоморфные стелы эпохи ранней бронзы, оленные камни предскифского времени, статуарные изображения людей скифского времени и изваяния эпохи средневековья (аланские, раннетюркские и половецкие). Для фигуры человека характерно определенное положение рук – они согнуты в локтях и сложены на груди или на животе. Часто в руке помещен сосуд. Также, изображалось оружие.

Петроглифы (лат. petros – камень; glifos – знак). Это рисунки или изображения знаков на скалах.

Подводные памятники. В силу разных обстоятельств некоторые археологические памятники оказались под водой (кварталы или целые города, утонувшие корабли). Такие памятники античного времени открыты в прибрежных водах Таманского полуострова; средневековые – у побережья Каспийского моря. Корабли разных эпох обнаружены на дне Черного моря [2].

2. Законодательство, регламентирующее выявление и изучение объектов археологического наследия

В настоящее время памятники археологии относятся к одному из видов объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). В то же время в законодательстве постоянно приходится вводить отдельные пункты, касающиеся объектов археологического наследия, что косвенно свидетельствует об их нетождественности другим объектам культурного наследия [3].

В Законе РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «*Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации*» (далее Закон об ОКН) особо выделяются «*объекты археологического наследия*» (ОАН) [4]. Это характеризует их как они объекты культурного наследия особого рода. ОАН и связанные с ними предметы материальной культуры следует отнести к отдельной категории. В сравнении с другими «памятниками истории и культуры», *археологические памятники* также являются отдельными объектами, ансамблями и достопримечательными местами. Однако, объектам археологического наследия присущ ряд особенностей, отличающих их от других объектов культурного наследия. В частности, все памятники археологии по историко-культурной ценности причислены к объектам федерального значения и одновременно считаются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В связи с этим, статус объекта культурного наследия они получают сразу со дня их обнаружения.

При сравнении памятников археологии с памятниками истории и культуры выявляются присущие первым отличительные признаки.

Первым отличительным признаком следует считать неполное соответствие положения объекта археологического наследия

описанию в Законе объектов культурного наследия. Здесь Закон четко трактует, что объекты культурного наследия являются недвижимым имуществом [5]. Однако, согласно Закону *«объектами археологического наследия могут быть как недвижимые, так и движимые культурные ценности»*. Данное несоответствие позволяет выделить их в совершенно особую группу памятников истории и культуры. Следует отметить, что движимые и недвижимые культурные ценности, взаимосвязаны. Находки артефактов, относящихся к движимым археологическим ценностям, происходят, чаще всего, в процессе раскопок недвижимых объектов археологического наследия.

Ко второму признаку относится возможность изъятия артефакта из комплекса памятника (например, из слоя поселения). Декоративно-прикладные изделия, памятники живописи и скульптуры – неотъемлемы. Они неразрывно связаны с памятником истории и культуры и остаются в нём. В отличие от первых, для *движимых объектов археологического наследия характерно изъятие их из раскопа*.

Обязанностью археолога является передача на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации всех обнаруженных культурных ценностей (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в течение трех лет со дня выполнения археологических работ. В данном случае, объекты археологического наследия, в отличие от других объектов культурного наследия, имеют законодательное закрепление посредством музеефикации движимых культурных ценностей.

К третьему признаку относится различия в отношении к сохранению памятника в местах расположения. В процессе выявления новых «памятников истории и культуры» проводится комплекс целенаправленных работ. Их основная цель – охрана и сохранение памятников в местах их расположения. В отличие от первых, на объектах археологического наследия проведение спасательных археологических полевых работ (с полным или частичным изъятием археологических находок из раскопов) допускается только в исключительных случаях. Обычно памятник исследуется полностью (он не сохраняется).

Четвертый признак – разница в экономической ценности. Уровень экономической ценности объектов археологического наследия часто бывает значительно ниже ценности других культурных памятников. Принято признавать археологическими ценностями любые свидетельства существования прошлых культур, поскольку они являются носителями информации научного и исторического характера. В данном случае, они представляют интерес только для исследователей, дополняя картину событий далекого прошлого. Ценности как произведения искусства они не представляют.

Пятым признаком является уровень специализированности археологов, допускающихся к работам. «Полевыми археологическими исследованиями (раскопки и разведки) имеют право заниматься только специализированные научные и научно-реставрационные учреждения, высшие учебные заведения, музеи и государственные органы охраны памятников истории и культуры (только в научных, охранных и учетных целях)». При этом работами по выявлению и изучению объектов археологического наследия можно заниматься только *на основании выдаваемого сроком не более, чем на один год разрешения (открытого листа)* на право проведения определенного вида таких работ.

Открытый лист получает не учреждение, а конкретный исследователь, обладающий соответствующей подготовкой и квалификацией. Отчет об археологических полевых работах и вся полевая документация в течение трех лет со дня окончания срока действия открытого листа подлежат передаче на хранение в Архивный фонд РФ согласно Федеральному закону от 22 октября 2004 года №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [6].

Шестой признак связан с государственной собственностью на археологические памятники. Согласно пункту 3 статьи 49 Закона об ОКН утверждается об исключительном праве собственности государства на памятники археологии [7]. В пункте 1 статьи 50 закреплена невозможность отчуждения объекта археологического наследия из государственной собственности [8]. Кроме этого, в Закон внесены ограничения на оборот земельных участков или участков водного объекта, в пределах которых находятся памятники археологии. По земельному кодексу РФ (далее ЗК РФ) они не предоставляются в частную собственность [9].

В качестве специфического признака следует отметить раздельность использования в гражданском обороте памятника археологии и земельного участка или участка водного объекта, в пределах которого он располагается [10]. Но такие земельные участки или участки водного объекта в границах объекта археологического наследия согласно статье 99 ЗК РФ, все-таки, причислены к землям историко-культурного назначения [11].

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации".

Как уже было отмечено данный «Федеральный закон регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

(В ред. Федерального закона от 22.08.2004 N 122-ФЗ).

Порядок проведения работ по сохранению объектов археологического наследия, выдачи разрешений на проведение указанных работ устанавливается статьей 45.1 настоящего Федерального закона»⁵.

Статья 45.1. *Порядок проведения археологических полевых работ* (введена Федеральным законом от 23.07.2013 N 245-ФЗ).

«1. Работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов (далее – археологические полевые работы), проводятся на основании выдаваемого сроком *не более чем на один год разрешения (открытого листа)*.

Поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания могут производиться исключительно в составе археологических полевых работ.

2. *Разрешение (открытый лист)* – документ, выдаваемый федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук и подтверждающий право на проведение одного из видов археологических полевых работ, указанных в пункте 7 настоящей статьи.

3. Порядок выдачи разрешений (открытых листов), приостановления и прекращения их действия устанавливается Правительством Российской Федерации.

4. *Разрешения (открытые листы)* выдаются физическим лицам – гражданам Российской Федерации, обладающим научными и практическими познаниями, необходимыми для проведения археологических полевых работ и подготовки научного отчета о выполненных археологических полевых работах, и состоящим в трудовых отношениях с юридическими лицами, уставными целями деятельности которых являются проведение археологических полевых работ, и (или) связанные с проведением археологических полевых работ научные исследования, и (или) выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций, и (или) подготовка кадров высшей квалификации по соответствующей специальности.

⁵ Дополнения к Федеральному закону от 25.06.2002 № 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации".

5. Решение о выдаче *разрешения (открытого листа)* или об отказе в его выдаче принимается *федеральным органом охраны объектов культурного наследия с учетом заключения Российской академии наук* о целесообразности проведения археологических полевых работ определенного вида в соответствии с заявленными целями, задачами, объемом и методами исследования. В случае выдачи разрешения (открытого листа) лицу, осуществлявшему археологические полевые работы на основании ранее выданного разрешения (открытого листа), новое разрешение выдается при условии принятия на хранение в Архивный фонд Российской академии наук научного отчета о выполненных археологических полевых работах.

6. Физическое лицо, получившее *разрешение (открытый лист)*, обязано не позднее чем за пять рабочих дней до начала проведения археологических полевых работ представить в региональный орган охраны объектов культурного наследия, орган местного самоуправления муниципального образования, на территориях которых планируется проведение археологических полевых работ, *уведомление в письменной форме о проведении археологических полевых работ* с указанием срока и места их проведения, а также копию разрешения (открытого листа).

(В ред. Федерального закона от 22.10.2014 N 315-ФЗ)

6.1. Физические и юридические лица, проводящие археологические полевые работы, имеют право доступа к объектам археологического наследия, археологические полевые работы на которых предусмотрены разрешением (открытым листом) на проведение археологических полевых работ. Физическим и юридическим лицам, проводящим археологические полевые работы, в целях проведения указанных работ собственниками и (или) пользователями земельных участков, в границах которых расположены объекты археологического наследия, должен быть обеспечен доступ к земельным участкам, участкам водных объектов, участкам лесного фонда, на территорию, определенную разрешением (открытым листом) на проведение археологических полевых работ».

(П. 6.1 введен Федеральным законом от 22.10.2014 N 315-ФЗ)

7. *Виды археологических полевых работ:*

«1) *археологические разведки* – проведение на поверхности земли или под водой научных исследований объектов

археологического наследия без осуществления земляных работ либо с осуществлением локальных земляных работ с общей площадью раскопов не более 20 квадратных метров на каждом объекте археологического наследия с исследованием культурного слоя путем заложения шурфов или без такового, в том числе с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов, в целях выявления объектов археологического наследия, уточнения сведений о них или планирования мероприятий по обеспечению их сохранности;

2) *археологические раскопки* – проведение на поверхности земли, в земле или под водой научных исследований объектов археологического наследия посредством земляных и связанных с ними работ, в том числе с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов, в целях изучения и сохранения объектов археологического наследия;

3) *археологические наблюдения* – проведение научных исследований объектов археологического наследия на поврежденных участках территорий объектов археологического наследия в целях выявления на них археологических предметов и сохранившихся участков культурного слоя и (или) исследуемых методами археологических раскопок конструктивных составляющих объектов археологического наследия».

8. *Лабораторная обработка и научный анализ собранного материала (камеральная обработка)* являются неотъемлемой частью археологических полевых работ.

9. *Спасательные археологические полевые работы* – проведение методами научных исследований объектов археологического наследия работ по сохранению объектов археологического наследия с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов в целях их сохранения и получения научных знаний.

10. Порядок проведения археологических полевых работ, методы научных исследований объектов археологического наследия, состав и структура научного отчета о выполненных археологических полевых работах, требования к профессиональным знаниям и навыкам исследователя *определяются Российской академией наук* при осуществлении научной регламентации археологических полевых работ.

11. В случае обнаружения при проведении археологических полевых работ объектов археологического наследия, физическое лицо, получившее *разрешение (открытый лист)*, обязано в течение десяти рабочих дней со дня выявления данного объекта *письменно проинформировать* об этом региональный орган охраны объектов культурного наследия и направить в указанный орган описание обнаруженного объекта археологического наследия, текстовое и графическое описания местоположения границ указанного объекта, а также перечень географических координат характерных точек этих границ.

(В ред. Федерального закона от 22.10.2014 N 315-ФЗ)

12. В случае, если в результате проведения археологических полевых работ изменились учетные данные объекта археологического наследия (площадь объекта, предмет охраны и другие данные), физическое лицо, получившее разрешение (открытый лист), *обязано в течение тридцати рабочих дней со дня завершения археологических полевых работ письменно проинформировать* об этих изменениях орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в сфере охраны объектов культурного наследия.

13. Исполнитель археологических полевых работ – физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) *обязаны передать* в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, *все изъятые археологические предметы* (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

13.1. *Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры и культурного наследия, обязан обеспечить прием всех изъятых при проведении археологических полевых работ археологических предметов на постоянное*

хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

(п. 13.1 введен Федеральным законом от 22.10.2014 N 315-ФЗ).

14. *Научный отчет* о выполненных археологических полевых работах является основным документом, представляющим результаты проведения археологических полевых работ в соответствии с выданным разрешением (открытым листом).

В научном отчете о выполненных археологических полевых работах в текстовом, графическом, фотографическом и иных видах должны быть представлены полные данные о выявленных и (или) об исследованных объектах археологического наследия и археологических предметах.

15. *Научный отчет* о выполненных археологических полевых работах в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) *подлежит передаче* исполнителем археологических полевых работ *на хранение в Архивный фонд Российской академии наук* как составную часть Архивного фонда Российской Федерации» [12].

3. Археологическое наследие в пространстве диалога с современностью

В современный период снижается глубина освоения культурного наследия, характерно формирование поверхностности, клиповости, интерпассивности, эгоизма и презентизма восприятия массового зрителя (который оказывается под давлением потребительских стандартов массовой культуры, инновационности и информационной перегруженности постиндустриальной эпохи). Одновременно стираются культурные различия и исчезают целые культуры.

С этим связана особая актуальность проблематики поиска социально-культурных практик, которые позволяют перевести в регистр культурно-гуманитарного диалога (позволяет актуализировать культурное наследие на уровне «личных институтов культуры») формирующиеся мультикультурные взаимодействия.

Особенно остро данные вопросы стоят в области археологического наследия. Трансляция в СМИ, кино, посредством популярной литературы кладоискательских сюжетов, либо использование классических музейных экспозиций, не приводят к постижению археологического наследия на уровне культурного

диалога и внутреннего освоения. Хотя наблюдается достаточно широкий интерес к археологическому наследию, но не происходит его актуализация.

В современной России нельзя допустить равнодушия в восприятии археологического наследия. Для настоящего времени характерен процесс разрушения и уничтожения грабителями и мародерами археологических памятников (размер ущерба – сотни объектов в год). Особенности их расположения усложняют защиту. Кроме сил правоохранительных органов для охраны памятников нужно привлекать местное население. В данном случае вопрос актуализации археологического наследия оказывается неразрывно связан с задачей элементарного сохранения археологического культурного фонда России.

Значимость археологического наследия в современной культуре соотносится как с уровнем его восприятия в массовом сознании, так и особенностями трактовки на институциональном уровне.

1. Осмысление археологических памятников как *пространства архаичных культур* (их опыт ценен для осознания и решения проблем постиндустриального общества). В настоящее время в данном контексте использование археологического наследия будет означать диалог между рационализмом и первобытно-интуитивным сознанием, функциональным и ритуальным отношением к миру и к себе, техномиром и миром гармонии с природой, между динамикой современности и статикой архаики, между, наконец, мировоззренческим хаосом и мировоззренческим космосом.

Этот ракурс позволяет выделить *три направления практик актуализации археологического наследия*: 1) *новые религиозные движения*; 2) *движение исторической реконструкции*; 3) *современная художественная культура* (например, «неоархаика» – феномен современного искусства Сибири). В данном случае на уровень культурного диалога, субъект – субъектного общения с археологическим наследием выходят не все социально-культурные практики, распространенные в рамках данных течений.

2. Прочтение археологического наследия как *мест этнонациональной и региональной культурной памяти*. Приоритет в коммеморативной интерпретации археологического наследия сегодня задается национальным или этническим фактором. Учитывая, что любая этнонационалистическая модель прошлого строится на

утверждении о необычайной древности (если не исконности) своей этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности, ценность археологических памятников в контексте формирования современных этногенетических мифов представляется достаточно высокой. Также археологическое наследие может быть встроено в контекст осмысления исторической уникальности региональных культур.

3. Интерпретация археологического наследия как ландшафтной среды обитания современных обществ и как пространства предметных форм, интересных актуальной культуре в силу своей инаковости.

При рассмотрении первого аспекта, следует опираться на понимание культуры как уникальной формы бытия человека в конкретных культурно-географических условиях. Встраивание себя в контекст места, понимание себя из него, отторжение или принятие места – все эти формы диалога с пространственно-культурной средой могут быть сосредоточены вокруг археологических памятников.

Наличие археологических памятников в большинстве регионов России, их значительный возраст, выраженность их отдельных категорий в ландшафте способны стать основой для формирования на уровне региональных культур и мировоззрения «местного» человека ощущения «обжитости», «освоенности» места, «эффекта присутствия» и рождения «нравственного отношения к среде».

Не менее перспективно рассматривать диалогичность археологического наследия как предметной памяти культуры. Ценность взаимодействия с археологической вещью в пространстве постиндустриального общества выражена в свете такой проблематики как индивидуальность / стандартность вещей, их историчность (преемственность) / пустота (оторванность), их антропность / техничность и т.д. Также через обращение к археологическому наследию может осмысляться значимая сегодня проблема отражения человека в вещах, вопросы предметности, пространственности его памяти [13].

4. Основные практики актуализации археологического наследия

С.Ю. Каменским выделено четыре основания, на которых выстраиваются практики актуализации археологического наследия.

Первым основанием являются предложенные автором – стратегия актуализации и критерии оценки социально-культурных практик взаимодействия с наследием.

Исходя из них, практики актуализации автор выстраивает как практики: а) внутреннего эмоционально-личностного освоения иной культуры через «сопереживание», «постижение жизни жизнью» (В. Дильтей); б) проблематизации наследия, его современной интерпретации, культурного диалога с ним; в) развития исследовательской инициативы, гармонизации личности, опирающиеся на личный опыт человека и способные превратить его из объекта воздействия (контролируемого, отстраненного, просвещаемого) в субъекта действия (самостоятельного, участвующего, общающегося) [14].

Значимую роль в этом контексте играют также: акцент на подлинность объектов культурного наследия; естественность среды их освоения; снижение информационной нагрузки на личность.

Вторым основанием является использование моделей восприятия исторических артефактов – в первую очередь *эстетической* и *предметно-экзотичной*. Выделяется еще одна модель восприятия – *«приключенческая»*, характерная именно для археологических памятников. Она заключается в их осмыслении через призму загадочных, детективных исследований, сенсационных открытий, что обеспечивает им значительное внимание современной массовой культуры. Аргументом актуализирующего потенциала такой модели выступает понимание атмосферы тайны, поиска, открытия как эффективного эмоционального фона, сопровождающего и оживляющего процесс налаживания диалога с культурами далекого прошлого. Приключение может быть использовано как механизм перехода от отстраненного, отчужденного познания к включенному переживанию.

Третьим основанием выступает интерпретация археологических памятников как подлинных мест истории. Его *первый аспект* связан с осмыслением их значения как символов коллективной и региональной памяти. *Второй* – с представлениями о наличии у обжитых на протяжении столетий и тысячелетий мест специфической атмосферы, которая, безусловно, оказывает влияние на их восприятие.

Четвертым основанием является использование тенденций и потребностей, актуализированных в постиндустриальном обществе. «Практики заботы» (защита природного и культурного наследия, спасение вымирающих видов животных, пожертвование денег на гуманитарную помощь и др.), получающие сегодня широкое распространение, могут быть эффективно сопряжены с деятельностью по освоению и охране археологического наследия.

С учетом этих оснований и критериев оценки социально-культурных практик взаимодействия с памятниками культуры выделяются *семь направлений практик актуализации археологического наследия.*

Под *социально-культурными практиками* понимается культурная деятельность индивидуального субъекта и социальных групп по сохранению, созданию и освоению культурных ценностей.

1) *Практики, построенные на возможностях экспериментальной археологии и исторического моделирования.* Их эффективность основывается на процессуальности, интерактивности, включении «горячей» оптики участников.

Специфика этих практик актуализации археологического наследия заключается в том, что в них фактически воспроизводится механизм трансляции культуры, характерный для традиционных социумов. В этом случае человек не смотрит на прошлое отстраненным взглядом, но повторяет его в себе, ощущая его как настоящее и живое. При этом диалог происходит внутри физически воспринимаемых трудовых и обрядовых практик, позволяющих записать полученные ощущения и понимание на телесном уровне. В то же время экспериментальная археология, являясь в современном обществе именно некой практикой, временным опытом, позволяет осмыслить это прошлое в себе в диалоге с настоящим, что и является главной целью актуализации.

При условии долгосрочного проживания в археологических экспериментальных парках реализуется также психотерапевтический эффект этой практики. Он выражается в гармонизации личности в результате комплексного воздействия на нее ряда природных, трудовых, социальных, игровых и творческих импульсов – что получило обоснование в рамках метода этнотерапии М. Гауснера и З. Кочовой.

Экспериментальная археология эффективно соотносится и с приключенческим ракурсом восприятия археологических объектов, а также вполне соответствует установкам современного массового посетителя.

2) *Практики «экспедиционного», «глубокого» туризма*, которые реализуются через участие в полевых археологических исследованиях, и, прежде всего, в раскопках археологических памятников.

Их актуализирующие возможности выражаются в следующих тезисах: 1) срабатывает эффект атмосферы исторического места; 2) включается поисково-исследовательское, герменевтическое сознание; 3) активизируется культурная мифологема «кладоискательства», «выкапывания», обнаружения, возникает эмоциональная напряженность первооткрытия; 4) происходит погружение человека в природную среду, которая помогает воссоздать ощущение иной культуры.

Процесс раскопок включает «телесное» мышление, когда мысль, эмоции передвигаются за инструментом (лопатой, совком и др.) от одного найденного предмета к другому, производя реконструкции жизни тех, кому принадлежали найденные вещи и остатки объектов. Это приключенческое, захватывающее, разворачивающееся включение в диалог с прошлым через систему материальных ключей, их толкования, когда процесс углубления в археологический слой как бы дублируется эмоциональным и интеллектуальным погружением в исторический материал.

Участие в раскопках активизирует ценностно-смысловое сознание и подталкивает задуматься о том, что останется в вещах от нас самих, как этот набор артефактов выразит наши тревоги, мечты, достижения, неудачи. Что вообще остаётся от человека после его ухода.

3) *Практики посещения музейных экспозиций, выстроенных исходя из задач актуализации археологического наследия.*

Систематические и тематические экспозиции классического археологического музея имеют низкую актуализирующую эффективность. Предлагаются три направления трансформации музейных археологических экспозиций.

Создание *бинарных экспозиций* и *экспозиций-диалогов* позволяет перевести рассказ о прошлом в диалог с ним с помощью

вопросов, значимых для настоящего и будущего, дают возможность сравнивать сами способы осмысления прошлого, а в итоге и современности в их историческом и социально-культурном разнообразии.

Организация *экспозиций-травелогов*, преодолевающих статичность показа и тем самым адаптированных под особенности восприятия современного музейного посетителя. Основным принципом археологической экспозиции-травелога является двухмерность движения зрителя. Темой для подобной экспозиции может выступать описание поисков и исследований отдельных знаковых археологических памятников или даже археологических культур. Поскольку последние могут рассматриваться как одновременное перемещение в материальной (полевые экспедиции, камеральные работы) и духовной среде (движение мысли исследователя), то и в самой экспозиции вполне могут быть представлены травелоги обоих этих путешествий. насыщение выставочного пространства текстами разной стилистики, сменяющимися друг друга в хронологической последовательности реального путешествия в прошлое, позволит не только удержать внимание зрителя, но и вовлечь его непосредственно в ход исторического «расследования».

Разработка *«эмоционально-интуитивных»* археологических экспозиций, реализующих углубленное созерцание, сосредоточенное погружение, интуитивное постижение подлинных предметов иной культуры. В этом восприятии артефакт на время перестает быть «документом», «историческим, художественным свидетельством об эпохе», превращаясь в самоценный «живой» организм, обладающий собственным энергетическим потенциалом. Такие экспозиции предполагают, с одной стороны, широкое использование аудиовизуальных технологий, а с другой – уменьшение количества артефактов в выставочном пространстве с увеличением времени их осмотра. Предложенная практика может рассматриваться как одновременно терапевтический и исторический опыт (мифологизация и одухотворение вещей в архаичных обществах) в клиповом пространстве современной массовой культуры.

4). *Разнообразные общественные практики в виде акций, программ, конкурсов, посвященных сохранению памятников,*

публичному обсуждению их ценности. Как один из вариантов подобных программ предлагается проведение в субъектах РФ общественных конкурсов на тему, которую можно, например, обозначить как «7 археологических чудес ...». Этот проект мог бы стать началом вовлечения местного населения в процесс изучения, освоения и интерпретации археологического наследия. Значимыми могут стать и общественно-благотворительные программы, посвященные спасению и охране памятников археологии.

5). *Коммеморативные практики.* К ним относится, например, деятельность по обоснованию и празднованию памятных дат, связанных с археологическими памятниками.

6). *Различные художественные практики,* построенные на диалоге со структурными и содержательными особенностями наследия архаических культур, представленных в памятниках археологии.

7). *Визуально-виртуальные практики,* связанные со зрелищной интерактивной презентацией археологического наследия в сети Интернет. К ним обносятся компьютерные анимированные реконструкции археологических памятников и исторических процессов. Они дают возможность широкого доступа к наследию и позволяют создать пространство образов, способных не только передать знания о прошлом, но и погрузить человека в состояние исторической «внутринаходимости», сформировать объемное «живое» ощущение прошлого.

При продуктивности каждого из предложенных типов практик они ориентированы на разные стили, форматы презентации и освоения наследия, способны охватить разные целевые группы культурных потребителей современности.

При всей эффективности предложенных практик существует серьезная проблема, связанная с их внедрением. Она заключается в том, что деятельность многих современных институтов культурного наследия, а также научно-исследовательских учреждений построена на парадигме памяти-преемственности, а не культурного диалога. Несмотря на то, что диалогичный подход не только не отрицает значимости памяти, но более того включает ее в себя на новом более продуктивном уровне, в реальной практике это создает определенное культурное сопротивление новым подходам в области работы с наследием.

В связи с этим принципиально важной оказывается трансформация исторического сознания современного общества, которая не может произойти только через обоснование существующих и внедрение новых диалогичных практик. Для этого потребуются более серьезные изменения, которые должны начаться с принятия на уровне идеологии институтов культуры и мировоззренческих установок общества в целом диалогичной философии прошлого как основного способа его анализа и восприятия.

Таким образом, вырисовывается перспектива дальнейшего исследования поставленной в диссертации проблематики. Она связана с разработкой тематики актуализации на уровне культурной политики, комплексных программ в области управления наследием.

Также актуальным направлением будущих исследований является проблематика интерпретации отдельных археологических памятников и культур в контексте диалога с современностью и разработке технологий их включения в действующие региональные и общероссийские социально-культурные проекты. Среди других аспектов рассматриваемого феномена, затронутых, но не рассмотренных специально в диссертации, можно особо выделить проблему актуализации археологического наследия художественными средствами и исследование его восприятия российским обществом [15].

5. Сохранение археологического наследия в Северо-Кавказском регионе

Во всех субъектах Северо-Кавказского региона большое внимание уделяется сохранению археологического наследия. В каждой республике Северного Кавказа создана соответствующая структура, деятельность которой направлена на выполнение отмеченной задачи.

Например, в Республике Северная Осетия – Алания охраной памятников занимается структурное подразделение Министерства культуры – Управление по охране культурного наследия республики РСО-А (подчиняется заместителю Министра культуры). В республике несколько специализированных организаций различных форм собственности занимается раскопной деятельностью.

В Чеченской республике функции сохранения историко-культурного наследия возложены на Комитет по охране памятников в составе Министерства культуры. В данном регионе археологическими раскопками занимается Центр археологических исследований при Академии наук Чеченской республики.

В Республике Ингушетия функционирует отдел по охране памятников (подчиняется Министерству культуры). Здесь задача научных исследований в области археологии выполняется Археологическим центром им. Е.И. Крупнова (при Правительстве республики Ингушетия).

В Республике Кабардино-Балкария вопросами охраны археологических памятников, также, занимается Отдел по охране памятников при Министерстве культуры РКБ.

В Ставропольском крае охраной памятников, в том числе археологических, занимается Управление Ставропольского края по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия (подчиняется Губернатору СК).

В Государственный список памятников истории и культуры Ставропольского края включено 3058 объектов культурного наследия⁶, из которых: 70 – федерального значения, 2015 – регионального значения, 937 – выявленные объекты. В их число входят 664 памятника археологии [16].

Содействием в деле сохранения археологических памятников и их исследованием на Ставрополье занимается Управление археологии и научно-исследовательских работ «Наследие» государственного унитарного предприятия (ГУП) СтавКрайИмущество⁷.

«Наследие» осуществляет следующие мероприятия:

«- проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере охраны, использования и изучения историко-культурного наследия;

- проведение работы по выявлению объектов культурного (археологического) наследия;

- проведение работ по определению границ территории объектов культурного (археологического) наследия;

⁶ Данные на 2009 г.

⁷ Сведения А.А. Калмыкова.

- разработку проектов зон охраны объектов культурного (археологического) наследия;
- разработку проектов обеспечения сохранности объектов культурного наследия;
- разработку планов проведения спасательных археологических полевых работ, включающих оценку воздействия проводимых работ на объекты археологического наследия;
- проведение историко-культурной экспертизы, в том числе, следующих объектов:
 - проектов зон охраны объекта культурного наследия;
 - проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного (археологического) наследия;
 - документации, за исключением научных отчетов о выполненных археологических полевых работах, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона № 73-ФЗ;
 - проведение исследований, в том числе историко-культурных, необходимых для исполнения полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов охраны объектов культурного наследия;
 - проведение археологических полевых работ (археологические разведки, археологические раскопки, археологические наблюдения), спасательные археологические работы;
 - содействие в организации проведения полевых практик;
 - содействие в подготовке и проведении мероприятий по популяризации объектов археологического наследия;
 - установление и поддерживание научных связей с учебными заведениями, научными организациями края, федеральными и местными органами охраны культурного наследия по проблемам историко-культурного и археологического наследия;
 - оказание консультационных услуг по вопросам своей компетенции» [17].

Также археологическими раскопками занимаются: Северо-Кавказский федеральный университет и Ставропольский

государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Пправе.

Охрана памятников является одной из важнейших задач сети краеведческих музеев во главе со Ставропольским государственным историко-культурным и природно-ландшафтным музеем-заповедником им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Пправе.

К последнему относится археологический природный музей-заповедник Татарское городище, расположенный на южной окраине г. Ставрополь. В 1960 г. этот памятник был поставлен на государственный учет как археологический памятник республиканского значения.

В 1991 г. решением Ставропольского крайисполкома территория Татарского городища была отнесена к землям историко-культурного и природного назначения с установлением заповедного режима.

В 1992 г. на базе городища создается музей-заповедник, вошедший в структуру Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.

В 1993 г. указом Президента Российской Федерации Татарское городище объявлено памятником федерального значения.

С созданием музея-заповедника началось комплексное научное изучение Татарского городища. Был выявлен и исследован ряд могильников раннего железного века, а также исследовались слои поселений и фортификация. Вместе с археологами изучением территории городища занимались ученые естественно-географического факультета Ставропольского государственного университета (в настоящее время – СКФУ). В результате комплексных, археологических, ландшафтных, ботанических и зоологических исследований были получены важные сведения об уникальности данной территории. В 90-е гг. прошлого века над памятником нависла угроза полной деградации и даже уничтожения, в связи с разрастанием Ставрополя и его пригородов.

Основная идея создания археологического и природного музея-заповедника на базе Татарского городища – сохранение уникального археологического памятника и окружающей его уникальной природы.

Деятельность музея-заповедника разнообразна. В нее входит охрана природно-археологического комплекса, научно-

исследовательская и музейно-просветительская работа. В связи с этим, его территория разделена на две зоны: заповедную и музейно-рекреационную.

В заповедной зоне создаются условия для самовоспроизводства природы. Поэтому доступ туда людей ограничен, а всякая деятельность, включая охоту, сбор ягод, грибов и любое нарушение естественного состояния природы запрещены. Строгое соблюдение заповедного режима необходимо не только для сохранения ландшафта, но и для оценки ущерба, наносимого человеком природе, путем сравнения ее с заповедными эталонами.

Музейно-рекреационная зона открыта для посетителей и предназначена для просветительской работы в сочетании с культурным отдыхом людей среди природы. Это единственный в крае музей под открытым небом, в котором сосредоточены наиболее интересные объекты археологического комплекса – насыщенный культурный слой, остатки фортификационных сооружений, цитадель, могильники, зольник, древние дороги и более тридцати достопримечательностей природы – скалы, гроты, живописные камни, родники, водопады, редкие растения и животные [18].

Выводы

Значимость археологического наследия в современной культуре соотносится как с уровнем его восприятия в массовом сознании, так и особенностями трактовки на институциональном уровне:

1. Осмысление археологических памятников как *пространства архаичных культур*. Этот ракурс позволяет выделить *три направления практик актуализации археологического наследия*:

1) *новые религиозные движения*; 2) *движение исторической реконструкции*; 3) *современная художественная культура*. В данном случае на уровень культурного диалога, субъект – субъектного общения с археологическим наследием выходят не все социально-культурные практики, распространенные в рамках данных течений;

2. Прочтение археологического наследия как *мест этнонациональной и региональной культурной памяти*. Археологическое наследие может быть встроено в контекст осмысления исторической уникальности региональных культур;

3. Интерпретация археологического наследия как *ландшафтной среды обитания современных обществ и как пространства*

предметных форм, интересных актуальной культуре в силу своей инаковости.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризовать понятие «Археологическое наследие».
2. Перечислить и охарактеризовать виды археологических памятников.
3. Охарактеризовать трактовки понятий в Законе РФ от 25 июня 2002 г. «Объекты археологического наследия» и «Объекты культурного наследия».
4. Охарактеризовать значение открытого листа при проведении археологических работ и объяснить порядок его выдачи.
5. Перечислить и охарактеризовать виды археологических полевых работ.
6. Объяснить значение научного отчета о выполненных археологических работах. Отметить, когда и куда он должен быть передан на хранение.
7. Перечислить и охарактеризовать основания, на которых выстраиваются практики актуализации археологического наследия.
8. Охарактеризовать основные направления практик актуализации археологического наследия.
9. Охарактеризовать особенности сохранения археологического наследия в Северокавказском регионе.
10. Охарактеризовать деятельность по исследованию археологических памятников различных учреждений Ставропольского края.

Литература

1. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 5 – 12; Прокопенко Ю.А. Культурно-исторические источники о Северном Кавказе как отражение ментальности. Учеб. пособие. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 58–60.
2. Мартынов А.И., Шер Я.А. Указ. соч. – С. 5 – 1.
3. Шухободский А.Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 4. – С. 136 – 137.
4. Закон РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

- Российской Федерации // Свод Законов (СЗ) РФ. – 2002, № 26. – Ст. 2519. – Ст. 3
5. Там же. Ст. 3
6. Закон РФ от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2006, № 43. – Ст. 4169.
7. Закон РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации... – Ст. 49.
8. Там же. – Ст. 50.
9. Земельный Кодекс Российской Федерации // Российская газета. – 2001. – № 211-212, 30 октября. – Ст. 27.
10. Закон РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации... – Ст. 49.
11. Земельный Кодекс Российской Федерации... – Ст. 99.
12. Объекты историко-культурного наследия Карелии [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://monuments.karelia.ru/zakonadatelstvo/> (дата обращения 13.11.2015 г.).
14. Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках. Авт. дис. ... канд. культурологии. – Екатеринбург, 2009. – С. 3, 15 – 17.
15. Там же. – С. 15 – 20.
16. Министерство культуры Ставропольского края [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.mincultsk.ru/> (дата обращения 28.11.2015 г.)
17. СтавКрайИмущество ГУП Ставропольского края [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://gupski.ru/uslugi/arheologicheskie-raboty/> (дата обращения 04.12.2015 г.).
18. Годзевич Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В., Кудрявцев А.А. Встречи с прошлым и настоящим. Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику Татарское городище. – Ставрополь, 1999. – С. 3 – 6.

VII. ПРИРОДНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ТУРИЗМЕ НА СТАВРОПОЛЬЕ

План

1. Социокультурные институции туризма.
2. Культурно-исторические рекреационные ресурсы: сущность, классификация и этапы оценивания.
3. Памятники истории культуры и их разновидности в туризме.
4. Культурное наследие – часть туристско-рекреационного потенциала территории.
5. Природное и культурное наследие в туризме.
6. Культурное наследие – часть туристско-рекреационного потенциала Ставропольского края.

1. Социокультурные институции туризма

Институт, как особая социокультурная форма, обеспечивает функционирование индустрии туризма. Институциональные формы, составляющие подсистему туризма, опираются на определенные формы собственности, коллективы и организации сферы услуг, деятельность государственных комитетов и т.д. *К понятию институт также относится ряд «блоков» целенаправленной деятельности, поддерживающих общественную жизнь* [1]. Туризм составляют такие «блоки», как праздники, карнавалы и маскарады, фестивали, ритуалы, конференции и т.д.

Для институтов, образующих сферу туризма, характерен *ряд функций, свойственных всем социальным институтам культуры.* В числе фундаментальных следует отметить следующие:

- регулирование деятельности членов общества;
- создание возможностей для культурной деятельности того или иного характера;
- инкультурация и социализация индивидов;
- обеспечение культурной интеграции, устойчивости всего социокультурного организма;
- консервация культурно-значимых регламентов, феноменов, форм культурной деятельности, их сохранение и репродуцирование [2].

Формированию институциональной структуры современного туризма способствует преобладание одной функции над другой. По мнению Н.С. Сиченко, в институциональной структуре туризма выделяются четыре группы институтов: *экономика; государство; образование, наследие* [3].

Также выделяются *три уровня институционализации*. Речь идет о непосредственно *объектах туризма* (гостиницы, объекты общественного питания, турфирмы и т.д.); *объектах, тесно интегрированных в систему «туризм»* (основная функция – музеификация – музеи, заповедные места, парки природы и т.д.); *объектах, вовлеченных в туристскую деятельность* (усадеб, культовые сооружения и др.).

Первую группу составляет ряд институциональных форм индустрии гостеприимства (индивидуальных и коллективных средств размещения и питания), индустрии перевозок, туроператоров и туристских агентств, аттракционы (туристско-экскурсионных и иных организаций досуга и развлечений), МІСЕ-индустрии⁸, туристских информационных и гостевых центров и других, естественно необходимых туристу как человеку (банки, салоны красоты, прачечные и др.).

Группа институтов государства состоит из институтов, объединенных регулятивной функцией. Это ряд законодательных и исполнительных органов государства.

Группа образовательных институтов объединена функцией подготовки кадров для индустрии туризма. Это система из высших и средних профессиональных заведений, исследовательских институтов, различных курсов и семинаров.

Группа «наследие» реализует функцию его накопления и сохранения, а также трансляцию, передачу культурного наследия другим поколениям. Сюда включен ряд объектов и институциональных форм культуры. К *объектам культуры* относится совокупность культовых сооружений (храмов, церквей, соборов), усадеб, дворцов и дворцово-парковых комплексов, объектов научно-технического прогресса, военно-патриотических памятников.

⁸ МІСЕ – аббревиатура английского термина, отражающего в целом структуру индустрии встреч: деловых, инсентив-туризма, конференций, выставок и др.

Ряд институциональных форм, относящихся к данной группе (выставки, этнографические и фольклорные фестивали, праздники, исторические реконструкции и др.) объединены одной идеей и креативной составляющей. Группа способствует реализации творческого потенциала личности и привлечению максимального числа участников и зрителей.

Для всех институтов характерно взаимодействие друг с другом и выполнение функций, относящихся как к культуре, так и разным сферам социальной регуляции [4].

2. Культурно-исторические рекреационные ресурсы: сущность, классификация и этапы оценивания

В комплексе рекреационных ресурсов особое место занимают культурно-исторические ресурсы, представляющие собой наследие прошлых эпох общественного развития. Они служат предпосылкой для организации культурно-познавательных видов рекреационных занятий, на этой основе оптимизируют рекреационную деятельность в целом, выполняя достаточно серьезные воспитательные функции, образуемые культурно-историческими объектами пространства в известной мере определяют локализацию рекреационных потоков и направления экскурсионных маршрутов.

Как уже было отмечено, культурно-исторические объекты подразделяются на материальные и духовные. Материальные охватывают совокупность средств производства и других материальных ценностей общества на каждой исторической стадии его развития, а духовные – совокупность достижений общества в образовании, науке, искусстве, литературе, в организации государственной и общественной жизни, в труде и быте.

Среди культурно-исторических объектов ведущая роль принадлежит памятникам истории и культуры, которые отличаются наибольшей привлекательностью и на этой основе служат главным средством удовлетворения потребностей познавательно-культурной рекреации. В зависимости от их основных признаков *памятники истории и культуры подразделяются на пять основных видов: истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, документальные памятники.*

Памятники истории. К ним могут быть отнесены здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с

важнейшими историческими событиями в жизни народа, а также с развитием науки и техники, культуры и быта народов, с жизнью выдающихся людей государства.

Памятники археологии. Это городища, курганы, остатки древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов.

Памятники градостроительства и архитектуры. Для них наиболее характерны следующие объекты: архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов, сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, пригородные ландшафты.

Памятники искусства. К ним относятся произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусства.

Документальные памятники. Это акты органов государственной власти и управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания.

К культурно-историческим предпосылкам рекреационной отрасли можно отнести и другие объекты, связанные с историей, культурой и современной деятельностью людей: **оригинальные предприятия промышленности, сельского хозяйства, транспорта, театры, научные и образовательные учреждения, спортивные сооружения, ботанические сады, зоопарки, этнографические и фольклорные достопримечательности, кустарные промыслы, народные обычаи, праздничные обряды** и т.д.

Все объекты, используемые в познавательной-культурной рекреации, подразделяются на 2 группы – **движимые** и **недвижимые**.

К **первой группе** относятся памятники искусства, археологические находки, минералогические, ботанические и зоологические коллекции, документальные памятники и другие

вещи, предметы и документы, которые можно легко перемещать. Потребление рекреационных ресурсов этой группы связано с помещением музеев, библиотек и архивов, где они обычно концентрируются.

Вторую группу составляют памятники истории, градостроительства и архитектуры, археологии и монументального искусства и другие сооружения, в том числе и те памятники искусства, которые составляют неотъемлемую часть архитектуры. С позиций познавательно-культурной рекреации важно то обстоятельство, что объекты этой группы представляют собой самостоятельные одиночные или групповые образования.

Анализ огромного количества разнородных объектов, составляющих культурно-исторические рекреационные ресурсы, с позиций рекреационной отрасли хозяйства должен включать *их учет, характеристику и типологию*. При учете и характеристике культурно-исторических объектов надо указать название объекта, его место положение, маркировку, обладателя, литературные и прочие источники по объекту, схему местоположения и дать краткую характеристику объекта.

Следующим, более важным этапом оценки культурно-исторических объектов, является их типология по рекреационной значимости. За основу типологии принимается информационная сущность культурно-исторических объектов: *уникальность, типичность среди объектов данного вида, познавательное и воспитательное значение, аттрактивность* (внешняя привлекательность).

Информативность культурно-исторических объектов для рекреационных целей может быть измерена количеством затраченного необходимого времени на их осмотр. Для определения времени осмотра объекта необходима классификация объекта по основанию, которое бы отражало продолжительность осмотра. Можно выбрать 2 классификационных признака: степень организации объекта для показа и место положения экскурсантов по отношению к объекту осмотра.

По степени организации объекты подразделяются на специально организованные и неорганизованные для показа. Организованные объекты требуют больше времени осмотра, так как они являются целью осмотра и составляют основу экскурсии. Неорганизованные

объекты служат сопутствующим экскурсии общим планом, фоном, который охватывается одним взглядом без детального рассмотрения.

По месту положения экскурсантов *объекты подразделяются на интерьерные* (внутренний осмотр объекта) и *экстерьерные* (внешний осмотр объекта). Суммарное время осмотра экстерьерных объектов всегда больше времени осмотра интерьерных объектов (пожалуй, лишь за исключением музеев и некоторых других хранилищ исторических ценностей) [5].

3. Памятники истории культуры и их разновидности в туризме

Памятники культовой архитектуры. Это наиболее древние памятники, которые дошли до нашего времени. Это церкви и монастыри различных конфессий (религий): православные храмы, католические соборы, лютеранские кирхи, еврейские синагоги, буддистские пагоды и мусульманские мечети.

Для ознакомления туристов с этой группой памятников используется целый ряд различных по своим целям и длительности маршрутов: экскурсионные поездки, религиозные туры и поездки паломников.

Экскурсионные поездки – знакомство с монастырями как объектами русской культуры с их художественными достоинствами.

Религиозный тур – экскурсия верующих людей, которые посещают святые места, поклоняются местным святым, могут принимать участие в богослужениях. При этом экскурсантов знакомят с историей монастыря, со священнослужителями, прославившими обитель своими деяниями, с архитектурой и другими художественными достоинствами данного культурного комплекса.

Паломничество – путешествие верующих к святым местам, вызванное представлением о том, что в таких местах молитва более действенна. Религиозные люди, совершая паломничество в святые места, пребывают там несколько дней, в течение которых живут в монастыре, где поклоняются святым мощам, совершают вместе с монахами богослужение, при этом они питаются в монастырской трапезной, помогают монахам в работах по хозяйству или строительству.

При посещении святых мест огромную роль играет сохранение исторического ландшафта. С этой целью предполагается организация рекреационных природно-исторических монастырских парков, включающих территории монастырей и прилегающих окрестностей.

В монастырском парке должны быть возрождены традиционные формы хозяйствования: занятие экологически чистым сельским хозяйством, заготовка грибов, ягод, лекарственных растений, приготовление пищи по старинным рецептам монастырской кухни, развитие народных промыслов и сувениров. Для детей предусматривается организация воскресных школ и художественных мастерских по изготовлению разных иконостасов, изразцов, окладов икон, иконописи, золотому шитью и пр.

Памятники светской архитектуры включают в себя городскую застройку – гражданскую и промышленную, а также загородные дворцово-парковые ансамбли. Из наиболее древних сооружений до наших дней сохранились кремли и боярские палаты. Городская архитектура обычно представлена дворцовыми сооружениями, зданиями административного назначения (присутственные места, торговые ряды, дворянские и купеческие собрания, дома губернаторов), зданиями театров, библиотек, университетов и больниц, которые зачастую строились на средства меценатов по проектам знаменитых зодчих. Со времени образования ямской гоньбы по дорогам для царственных особ возводились почтовые станции и путевые дворцы, которые в настоящее время вошли в черту городов или стоят вдоль старых трактов. К промышленной архитектуре относятся здания фабрик и заводов, рудники, каменоломни и другие сооружения. Загородная архитектура представлена усадьбами и дворцово-парковыми ансамблями, такими как, например, Петродворец и Павловск в окрестностях Санкт-Петербурга, Архангельское и другие в Подмосковье.

Археологические памятники. Как уже отмечалось, к археологическим памятникам относят селища, курганы, наскальные рисунки, земляные валы, древние каменоломни, рудники, а также останки древних цивилизаций и раскопки самых ранних периодов. Археологические памятники представляют интерес для специалистов – историков и археологов. Туристов в основном привлекают наскальные рисунки, осмотр вскрытых археологических пластов, а также археологические экспозиции.

Этнографические памятники, вовлекаемые в туристское наследие, представлены двумя видами. Это либо музейные экспозиции в краеведческих музеях, музеях народного быта и деревянного зодчества, либо существующие поселения, сохранившие особенности традиционных форм хозяйствования, культурной жизни и обрядов, присущих данной местности.

Музейные экспозиции содержат коллекции народных костюмов, предметов крестьянского быта и народного творчества, характерных для населения определенных регионов. Они знакомят туристов с историческим прошлым.

В каждой местности на протяжении исторического развития складывается свой особый архитектурный стиль. Связанный с национальными и природными особенностями края. Они располагают образцами жилой застройки, хозяйственных служб (мельницы, амбары и т.д.) и культовых сооружений. Сюда экспонаты свезены из различных районов области, и в музее они находятся в природных условиях, близких к реальным. Деревянное зодчество, кроме того, представлено отдельными объектами в городах и деревнях.

Интересный этнографический материал представляют места расселения малых народов. Так можно познакомиться со своеобразной культурой, разнообразными формами жилищ (чумы, вигвамы, сакли и др.), обрядами, традициями.

Этнографические памятники относят к культурному наследию по следующим критериям: *уникальность; своеобразие этнокультурных и социокультурных условий; компактное проживание малочисленных народов старожильческого населения*, где традиционные уклады, обычаи и формы природопользования сохранены наиболее полно.

Народные промыслы исторически являются древнейшими видами искусства. Их корни лежат в крестьянском быту, народных ремеслах. Некоторые виды художественных промыслов зародились в церковном искусстве и в дворянской помещичьей культуре. В крестьянском быту берут свое начало ручное узорное вязание, ткачество и вышивка. С деревенскими ремеслами связаны: кузнечное дело, плотницкая резьба по дереву, набойка на тканях, многие виды гончарного дела. С течением времени,

возникая в отдельных селах, эти ремесла, распространяясь по целым районам, превращались в промыслы.

В городах зародились те виды народных промыслов, которые находили спрос у привилегированных заказчиков: холмогорская резьба по кости, великоустюжское черненное серебро. В помещичьих мастерских развивались особо изысканные виды вышивки – мастерская белая гладь или нижегородские гипюры.

Ремесла традиционно также представлены в монастырях: кузнечное дело, столярное, плотницкое – в мужских, там же иконопись и ювелирное дело. В женских занимались художественной вышивкой, создавали вышитые иконы, пелены, воздух (покрывало) и пр.

Роль народных промыслов в культурном потенциале туризма чрезвычайно велика. Центры народного искусства – это не только объекты познавательного туризма, но и основа сувенирной промышленности.

В историко-культурный потенциал входит вся социокультурная среда с традициями и обычаями, особенностями бытовой и хозяйственной деятельности. Туристы, посещая ту или иную страну, воспринимают культурные комплексы в целом.

В культурные комплексы составной частью входит и природа: в городах это и парки и скверы, зеленые насаждения во дворах и на улицах; в сельской местности – приусадебные участки; в старинных усадьбах и монастырях – ландшафтные рукотворные пейзажные парки и сады. Нарушение исторического ландшафта негативно влияет на аттрактивность культурного объекта.

Существует множество форм включения культурно-исторических ресурсов в систему рекреационного туристского обслуживания. Наиболее распространенная форма – *организация музеев и экскурсионно-исторических маршрутов*. Аттрактивность культурных комплексов определяется их художественной исторической ценностью, модой и доступностью по отношению к местам спроса.

Оценка культурных комплексов для рекреационных целей производится двумя основными методами:

1) ранжированием культурных комплексов по их месту в мировой и отечественной культуре. Производится экспертным путем: устанавливаются объекты мирового, федерального, регионального и местного значения;

2) необходимым и достаточным временем для осмотра. Этот метод позволяет сравнивать различные территории по перспективности историко-культурного потенциала для туризма.

Для культурных комплексов, также как и для природных, важными характеристиками являются надежность и емкость.

Надежность культурных комплексов обуславливается двумя факторами: *устойчивостью к рекреационным нагрузкам* и *стабильностью его соответствия ценностным критериям, сформировавшимся у населения.*

Фактор устойчивости к рекреационным нагрузкам определяет, какой поток туристов может выдержать данный культурный комплекс. Это особенно важно для музеев, где необходимо поддерживать определенный литературно-влажностный режим для сохранения экспонатов. Остро стоит вопрос о применении современных технических средств для повышения устойчивости культурных комплексов к рекреационным нагрузкам и о регулировании потоков экскурсантов.

Стабильность соответствия культурного комплекса ценностным критериям связан с долговременностью интереса туристов к данному культурному объекту. Сохраняется стабильность их интереса к объектам мирового наследия (египетским пирамидам, античной архитектуре Афин, архитектурным и историко-культурным памятникам Парижа, Санкт-Петербурга и пр.).

Емкость культурного комплекса определяется продолжительностью периода, в течение которого туристы могут воспринимать содержащуюся в нем информацию и зависит от двух факторов: аттрактивности объекта осмотра и психофизиологических возможностей человека, которые отличаются значительной индивидуальностью и имеют определенный предел.

4. Культурное наследие – часть туристско-рекреационного потенциала территории

Одним из возможных способов повышения эффективности использования потенциала культурного наследия в туристском освоении может стать *создание территориальных образований* (культурно-исторические территории, национальные или рекреационные парки, представляющие собой целостную экономическую структуру), где в комплексе сочетались бы

культурно-исторические объекты, культурные ландшафты, умения ремесленников, поваров, а также национальные праздники, традиции. Деятельность этих территориальных структур должна быть направлена на сохранение, возрождение, туристское освоение памятников и их естественной среды, воссоздание традиционного природопользования, циклов обыденной жизни и всего бытового уклада с одновременным органическим вхождением в современные хозяйственные и социальные процессы. Экономическая деятельность в данном случае является важной частью комплексного процесса, включающего сохранение и использование туристско-рекреационного потенциала культурного наследия.

Туристское освоение культурного наследия имеет не только экономическое значение, но и воспитательное. Экскурсионный туризм является специфическим средством духовного самообогащения личности, эстетического наслаждения, экологического просвещения, патриотического воспитания поколений. Поэтому возрождение экскурсионного туризма, школьного туризма является государственной задачей и приоритетным направлением развития туризма в России.

Основные принципы рекреационного освоения природного и исторического наследия.

Памятники истории и культуры и окружающий их ландшафт являются национальным достоянием. Современное освоение территорий требует особо бережного подхода по принципу: сохрани – восстанови – не навреди. Любой регион содержит следующие виды уникальных исторических территорий: древние малые города с богатым историческим прошлым, усадебные и дворцово-парковые комплексы; монастырские комплексы.

Организация уникальных исторических территорий предполагает сочетание возрождения и развития традиционных форм деятельности, сформировавших исторически эти территории, с инновационными видами – туризмом, сельскохозяйственным и промышленным производством. Новые виды деятельности должны дополнять, но не подавлять сложившиеся природные, хозяйственные и социокультурные процессы. В основе современного освоения уникальных исторических территорий должны быть положены исторический, экологический и ландшафтный принципы.

Малые города, как правило, в центральных частях сохранили архитектурный облик прошлых веков – комплексы гражданской застройки в сочетании с более ранними культовыми сооружениями. Неповторимость их колорита и придает разнообразие природных ландшафтов, среди которых они расположены.

Многие малые города находятся в окружении известных памятников истории и культуры, а также ценных природных объектов, удаленных от города на расстояние от 5 до 20 км. Это обуславливает возможность создания в городах туристских центров, организующих деятельность местной рекреационной сети.

Развитие необходимой туристской инфраструктуры не должно разрушать исторический архитектурный облик города. Каждый вновь создаваемый объект должен вписываться в сложившийся городской ансамбль по этажности, архитектурному стилю, интерьерному оформлению. Должны учитываться национальные, региональные особенности и традиции данной территории. Необходимо, чтобы каждый создаваемый туристский центр имел свой неповторимый облик. Исключается применение типовых архитектурных проектов для объектов туристской инфраструктуры в границах уникальных исторических территорий.

Чтобы вдохнуть жизнь в умирающие культурные центры, существовавшие в русской усадьбе, в последнее время группой специалистов Российского международного фонда культуры была выдвинута концепция *освоения уникальных исторических территорий как особой формы организации культурного ландшафта*. Эта перспективная концепция предполагает полифункциональное использование усадебных комплексов: научное, просветительское, туристско-экскурсионное и хозяйственное. Просветительская деятельность может включать, помимо создания музеев, организацию лицеев, постоянно действующих семинаров, посвященных изучению творчества выдающихся деятелей истории и культуры, с именами которых связаны конкретные усадьбы. Культурная деятельность в усадьбе должна охватывать как местное население, так и туристов. Необходимо, чтобы она осуществлялась в традициях дворянской усадьбы, для которой было типично широкое общение хозяев усадьбы с соседями и друзьями.

Возможно создание литературно-музыкальных салонов, постановка любительских спектаклей, проведение балов, организация фестивалей, посвященных памятным датам, приглашение в усадьбу известных писателей, художников, артистов, которым предоставлялся бы творческий отдых в усадьбе, сопровождающийся встречами с местным населением и туристами.

Хозяйственная деятельность должна получить самое широкое развитие. Она может иметь два основных направления: возрождение художественных промыслов и ремесел и сельскохозяйственное производство.

Первое сводится к воссозданию художественных школ и народного творчества, знакомству местного населения и туристов с различными формами традиционного производства образцов художественных ремесел и обучению старинным технологиям.

Второе определяется созданием сельскохозяйственных комплексов по производству экологически чистых продуктов на основе традиционных (исторически выверенных) и новейших технологий.

Сельскохозяйственная деятельность должна быть разнообразной: садоводство, огородничество, животноводство, пчеловодство, цветоводство, оранжерейное хозяйство, т.е. все те виды, которые имеют корни в традиционной культуре хозяйствования дворянской усадьбы. Важное место отводится также заготовке лесных ягод и грибов, изготовлению солений, варений и напитков по старинным рецептам. При значительных лесных угодьях возможны лицензированные охота и рыболовство.

Дворянский особняк или дворцовый ансамбль целесообразно использовать только как «живой» музей с широкой культурной программой, являющийся местом общения интеллигенции. Все старые хозяйственные постройки усадьбы следует восстановить в соответствии с их первоначальной функцией и историческим обликом, а необходимые новые объекты инфраструктуры строить в гармоничном архитектурном единстве с приусадебным ансамблем. Особое значение имеет восстановление исторического природного ландшафта.

Монастырский природно-исторический парк включает сооружения монастыря и прилегающие окрестности непосредственно входящие в границы уникальной исторической

территории. В большинство сохранившихся в настоящее время монастырей возвращаются церкви и начинают функционировать. В них возрождается традиционное монастырское хозяйство. Вместе с тем монастыри остаются уникальными памятниками истории и культуры, поэтому они привлекают паломников и любителей историко-познавательного туризма. Основная деятельность монастырей должна быть направлена на возрождение духовно-нравственной культуры народа [6].

5. Природное и культурное наследие в туризме

Совокупность природных и антропогенных объектов, и порождаемых ими факторов вакационного, оздоровительного, культурного и иного свойства, способных вызвать туристский интерес является *туристскими ресурсами – национальным наследием* государств – участников СНГ. Так записано в Рекомендательном законодательном акте «Об основных принципах сотрудничества государств – участников СНГ в области туризма», 1994 г. Эту формулировку можно расширить на все страны мира.

Ведущую роль в координации и стандартизации культурной и туристской деятельности во всем мире принадлежит ЮНЕСКО и ВТО. Особого внимания заслуживают *конвенции и рекомендации ЮНЕСКО* по охране культурного наследия, которые послужили основой для приоритетного развития культурного туризма во всем мире после того, как в рамках Всемирной конференции по политике в области культуры была принята рекомендация по вопросу о культурном туризме.

Конвенция по охране Всемирного культурного природного наследия была принята на XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г., вступила в силу 17 декабря 1975 г. Основная ее цель – привлечение сил мирового сообщества для сохранения уникальных объектов культуры и природы. В 1975 г. Конвенцию ратифицировало 21 государство. За 25 лет ее существования к ней присоединились еще 137 государств, и в настоящее время общее число государств – сторон Конвенции превысило 160. О значении Конвенции можно судить по следующему факту – среди природоохранных она является наиболее представительной по количеству государств – участников.

Для повышения эффективности работы Конвенции в 1976 г. были образованы Комитет и Фонд всемирного наследия. Спустя

два года первые культурные и природные объекты были включены в Список всемирного наследия – своеобразный фонд выдающихся памятников культуры и природы. Принципы сотрудничества в области культуры и туризма нашли свое отражение в декларациях, принятых в Маниле (1980 г.) и Мехико (1981 г.).

На основе *принципов Хартии культурного туризма*, принятой на Международном семинаре по туризму (1976 г.) предложена следующая *классификация использования культурного наследия*:

- достояние, в основном используемое туристами (фестивали, представления, памятники и т.д.);
- достояние смешанного пользования (менее значительные исторические памятники и музеи, театры, места, посещаемые экскурсантами, заповедники и т.д.);
- достояние, в основном используемое местным населением (объекты религиозного культа и гражданские сооружения, кинотеатры, библиотеки и др.).

Можно выделить следующие *аспекты природного и культурного наследия в туризме*: феномен наследия в науке и культуре в целом; объекты и явление наследия; взаимосвязь культурного и природного наследия; экологические и социальные функции наследия; биологическое и ландшафтное разнообразие как наследие; факторы риска; соотношение охраны и использования; экологический туризм; культура как фактор развития человечества; музеефикация и живая культура; природно-культурное наследие и его проявления; культурный ландшафт; традиционное природопользование; экологическая культура; территориальный подход к охране и использованию наследия; управление наследием; законодательство о наследии.

Уникальные историко-культурные территории можно определить, как территории, обладающие особой ценностью для мира, страны, региона, где памятники истории, культуры и природы составляют единый комплекс и тесно связаны с живой культурой народа.

В свою очередь природные объекты должны иллюстрировать какой-либо этап в эволюции Земли, наглядно отражать современные геологические процессы; представлять собой уникальные природные объекты, исключительные по своей красоте; включать места обитания исчезающих видов животных и растений.

Основные аспекты политики туристского развития:

- подготовку перечня туристских ресурсов, причем особого внимания заслуживают классификации культурного, исторического, природного наследия и определение наиболее важных объектов для развития туризма;

- определение основных туристских регионов и мест туристского назначения, а также обеспечение соответствующих мер по охране местных культурных, исторических и природных памятников;

- использование в целях туризма национального достояния, включающего искусственные и природные материальные и нематериальные объекты, а также творчество местного населения;

- проведение мероприятий, направленных на воспитание местного населения и туристов в духе уважения к культурным ценностям региона.

«Концепция адекватного туризма», разработанная Восточным Мичиганским университетом туризма и путешествий, основывается на сохранении и использовании национального наследия и традиций местности. Согласно данной концепции, туризм, является «адекватным», в случае, если он базируется на уникальных ресурсах местности, активно способствует сохранению и рациональному использованию культурного, исторического и природного наследия региона.

Выделяются *четыре принципа адекватного туризма*:

1) активное содействие в сохранении наследия местности – культурного, исторического и природного;

2) подчеркивание и выделение уникальности наследия местности относительно других регионов;

3) создание у местного населения чувства гордости и ответственности за уникальное наследие;

4) разработка программы развития туризма на основе использования уникального наследия местности.

Основные дифференцирующие аспекты культурного туризма, которые могут служить критериями отнесения туриста к категории культурного туризма: мотивация; затраты времени, материальные затраты.

Функциональное определение культурного туризма должно исходить из временных затрат, поскольку временные ресурсы во

время путешествий являются наиболее ценными. Если эффективное время, предназначенное для туризма преимущественно занято посещением достопримечательностей, памятников, музеев и культурных мероприятий, то данный тур можно отнести к культурному туризму.

Существуют *три основные отличия современного культурного туризма от прошлых практик*:

1) активная роль и позиция туриста имеет первостепенное значение, очень высока возможность выбора маршрутов и направлений;

2) привлекают не отдельные памятники, события и др. сами по себе, а культурное окружение, которое на поселениях можно назвать культурной средой, а на других территориях – культурным ландшафтом;

3) культурные ресурсы выступают не как потенциал, а как культурный капитал, который должен воспроизводиться и восполняться, в том числе и с помощью поступлений от туризма.

При оценке культурного потенциала территорий и разработке проектов, связанных с культурным туризмом, полезно учитывать *основные размерности проектирования и развития культурного туризма*:

- хронологическая – прослеживание различных исторических эпох и периодов.

- территориальная – создание комплексов вокруг узлов притяжения – выдающихся объектов наследия и объектов туристской инфраструктуры.

- видовая – дифференциация культурного туризма по видам – этнографический, музейный, событийный, образовательный, религиозный, эколого-культурный.

- образная – формирование и отражение серии культурных образов идей территории.

- программная – формирование туров и специальных программ.

- событийная – создание упорядоченного круга событий и мероприятий [7].

6. Культурное наследие – часть туристско-рекреационного потенциала Ставропольского края

Одним из важнейших условий развития внутреннего туризма в Ставропольском крае является разработка новых туристско-экскурсионных маршрутов. Одним из возможных направлений здесь может стать разработка межрегионального туристского продукта (включение в турмаршруты экскурсий в соседние области и республики: Ростовскую область, Краснодарский край, Карачаево-Черкесскую республику, Кабардино-Балкарию, республику «Северная Осетия – Алания» и др.).

Международный опыт показывает, что наиболее важен и значим туризм, основанный на использовании элементов исторической народной жизни, как с точки зрения получения доходов, так и обеспечения условий для воссоздания естественной жизнеспособной исторической среды. Тенденции к возрождению интереса к народной культуре, проявляющиеся в последние годы в нашей стране и за рубежом, должны не просто учитываться, но и браться за основу при разработке нового турпродукта.

Культурный и народно-этнографический аспекты могут стать основой для развития следующих видов межрегионального туризма:

Культурно-познавательный туризм – экскурсионный. Согласно закону «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» экскурсантом следует считать «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в познавательных целях на период менее 24 часов без ночевки в стране (месте) временного пребывания и использующее услуги экскурсовода (гида), гида-переводчика». Если время, затраченное на такое путешествие, будет более суток, его следует называть *культурно-познавательным туризмом*, то есть видом туризма, в котором осмотр достопримечательностей будет являться главной целью, а главной особенностью – уровень насыщенности поездки экскурсионной программой.

В настоящее время основу культурно-познавательного туризма в основном представляют познавательные поездки небольших групп местных школьников и активных отдыхающих региона Кавказских Минеральных Вод. В крае охраняются более 2000 памятников истории и культуры. В их числе 71-й наделен статусом федеральных.

Также 6 городов имеют статус исторических: Ставрополь, Буденновск, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск. Для исторических городов характерно сохранение прекрасных архитектурных ансамблей, выполненных архитекторами Бернардацци, Шарлеманом, Шретером, Уптоном, Воскресенским, Кусковым.

В крае также образованы два музея-заповедника федерального общероссийского значения – Лермонтовский в городе Пятигорске и «Татарское городище» в городе Ставрополе. Интересен для осмотра комплекс оборонительных сооружений Азово-Моздокской оборонительной линии времен Кавказских войн. Она частично сохранилась в виде остатков редутов, сохранившихся стен крепостей, участков мощеных дорог в городах Ставрополь, Георгиевск и др.

В городах Ставропольского края, особенно в районе Кавказских Минеральных Вод и краевого центра, сохраняется память об известных деятелях российской культуры. Богатое наполнение литературного и исторического наследия края следует максимально использовать в качестве основы для дальнейшего развития познавательного туризма.

Большое значение для края, особенно для района Кавказских Минеральных Вод, имеют памятники, связанные с гениями российской культуры – такими всемирно известными именами, как Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой. Также здесь отдыхали и выступали с концертами Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Антонина Нежданна. Город Кисловодск являлся местом проживания и творчества известнейшего художника-передвижника Николая Ярошенко.

В крае сохраняется комплекс материалов о памятных событиях и людях, занимающих видное место в российской истории. Следует отметить сведения о таких выдающихся деятелях как: генералиссимус Суворов, генерал Ермолов, император Николай I; видных деятелях советской власти: Кирове, Орджоникидзе и других. Ставрополье является родиной: единственного президента СССР, автора «перестройки» Михаила Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова, писателя Александра Солженицына.

В качестве особого почитаемого в крае символа является один из гениев русской поэзии Михаил Лермонтов. В настоящее

время ряд лермонтовских мест сохраняется в регионе Кавказских Минеральных Вод. В их числе памятники музея-заповедника федерального значения, одного из привлекательных туристских объектов.

- *познавательно-деловой туризм*, рассчитан на деловых людей. Он сочетает возможности расширения деловых контактов с отдыхом и знакомством с жизнью местного населения.

К деловому туризму следует отнести командировочные поездки сотрудников организаций с деловыми целями, а также организацию корпоративных мероприятий. В книге Р. Девидсона данное понятие трактуется следующим образом: «Бизнес-туризм связан с людьми, которые вынуждены путешествовать по работе. Тем самым, представляется одна из самых древних форм туризма, когда с древних времен человек осуществлял путешествия с деловыми целями». В деловом туризме выделяются *корпоративная трэвел-индустрия* (англ. corporate travel industry) и *индустрия встреч* (МСИЕ). В понятие деловой туризм включены собственно деловые поездки (командировки) бизнесменов и предпринимателей, варианты конгрессно-выставочного и инсентив-туризма, проведение событийных мероприятий.

В Ставропольском крае наблюдается развитие делового туризма. В регионе активно развиваются международные связи, поэтому ежегодно увеличивается приток иностранных деловых туристов.

Города Ставрополь, Невинномысск и Пятигорск – наиболее активные центры делового туризма.

Лечебно-оздоровительный туризм является самым массовым и популярным направлением медицинского туризма (существует с античных времен). Чтобы поправить свое здоровье, древние греки посещали святилище бога-врачевателя Асклепия в Эпидавре. Здесь располагались гостиницы, палестры (школы гимнастики), бани. В ряде известных европейских курортов сохранились развалины подобных сооружений для лечения минеральными водами времен Римской империи. Уже в XVII в. в Европе начинает развиваться курортология как основа оздоровительного туризма.

Развитие лечебно-оздоровительного туризма является одним из самых перспективных направлений в индустрии туризма. Основой его популярности в XXI веке следует считать победу

профилактического направления в современной медицине, а также моду на здоровое тело и здоровый дух.

Ставрополье считается крупнейшим курортным и туристским регионом России. Особо известна территория эколого-курортного региона Кавказские Минеральные Воды. Курортная зона существует более 200 лет, и напрямую связана с именами Петра Первого и Александра Первого. По туристскому потенциалу край занимает 5-е место.

Курортный комплекс Кавминвод включает 132 здравницы и свыше 70 отелей на четыре десятка тыс. мест размещения. В 2012 году край посетило более миллиона туристов, из них 802 тыс. человек побывало в регионе Кавминвод.

Природно-лечебные ресурсы Кавминвод не имеют аналога на Евро-Азиатском континенте. Местный климат характеризуется высокими оздоровительными свойствами, являющимися основой климатотерапии. Данному методу способствует и наличие большого количества парков и зон отдыха (используются уникальные пешеходные дорожки – лечебные терренкуры).

Также широко известна минеральная вода из источников Кавминвод. Мировым эталоном ее считается «Ессентуки». Химические свойства и лечебное воздействие источников Пятигорска, Кисловодска и Железноводска аналогично либо превосходит целебные воды многих мировых курортов. На планете Кавминводы – единственное место, где функционируют более ста источников тридцати различных типов. Здесь же расположено уникальное месторождение лечебной грязи озеро Тамбукан;

Паломнический туризм связан с желанием представителей различных конфессий совершить поездку с паломническими целями – поклониться святым местам.

Для индуизма, православия и католицизма характерны пешие паломничества. Решение отправиться в паломничество, возникает, когда люди осознают недостаточность ритуальных действий в местах обычной среды проживания.

На Ставрополье много святых мест, которые привлекают туристов-паломников с разных уголков Земли. Здесь пролегает своеобразная граница, разделяющая христианство и ислам, причем эти, а также другие, менее представленные, религии мирно сосуществуют вместе многие сотни лет. В числе памятников культуры

и архитектуры фиксируется около 20 соборов и храмов Благочиния Ставропольской епархии. «Храмовое ожерелье» Ставрополя составляют сотни сохранившихся восстановленных ныне церквей.

Особо почитаема чудотворная икона Иверской Божьей матери, хранящаяся в Успенской церкви города Ставрополя. Образ написан монахами города Афон в Греции. На территории Кавказских Минеральных Вод известен ряд мест, связанных с жизнью и деятельностью известного старца и чудотворца Феодосия Кавказского. Во время такого путешествия по святым местам паломники посещают поселок Красный узел, церковь Архистратига Михаила, часовню на сельском кладбище, где был похоронен Иерусалимский батюшка. Также почитается церковь Покрова Божьей матери в городе Минеральные Воды. Здесь находятся мощи святого Феодосия Кавказского и вновь обретенная икона Тихвинской Божьей Матери.

Важным событием в жизни православных верующих Кавказских Минеральных Вод стало возрождение Второ-Афонского Свято-Успенского мужского монастыря на юго-западном склоне горы Бештау, который был основан 100 лет назад, разрушен в 30-е гг. XX века и в 2001 г. вновь стал действующим.

В качестве места поклонения известен Свято-Георгиевский женский монастырь, расположенный вблизи трассы Минеральные Воды – Кисловодск.

Все больше паломников приезжает в город Буденновск, где посещают места, связанные с именем православного Святого Михаила Тверского, жившего в золотоордынские времена и погибшего в ставке Золотой Орды.

Значительное количество старинных храмов и соборов сосредоточено в Буденовском, Труновском, Георгиевском и Красногвардейском муниципальных районах, городах Пятигорск, Железноводск, Ставрополь.

14 декабря 2012 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил в Пятигорске чин великого освящения и Божественную литургию в соборе во Имя Христа Спасителя, исцеляющего расслабленного у Овчей купели. К числу святынь Спасского кафедрального собора относится Частица Креста Господня.

Охотничий туризм очень разнообразное явление. Основной целью охоты для многих охотников-любителей является прогулка по лесу, а не добыча трофея. Поэтому туризм в виде фото-, кино- или видео охоты относится не только к спортивно-оздоровительной, но и познавательной рекреации.

Рыболовный туризм как вид отдыха также становится все более популярным. В России становится обычным, когда любители рыбной ловли отправляются за трофеями в рыболовные туры в новые, а значит более привлекательные места.

Наблюдается стабильный рост интереса к Ставропольскому краю с точки зрения охотничьего туризма и рыбалки. Этому способствует обширность охотничьих угодий Ставрополя (охота по лицензиям на водоплавающую дичь, волка, лисицу, куницу, хорька, зайца, суслика), а также водных ресурсов с наличием разнообразной рыбы.

В 16-ти государственных заказниках края сохраняются, воспроизводятся и восстанавливаются редкие и особо ценные охотничьи виды животных. Созданы и обустроены три егерских кордона в Красногвардейском, Ипатовском, Петровском муниципальных районах. Озера – Вшивое (Шпаковский муниципальный район), Соленое (Петровский муниципальный район), Чограйское водохранилище и озеро Маныч-Гудило славятся наличием большого количества различных водоплавающих птиц.

Приезжающие в Ставропольский край туристы интересуются любительской рыболовной ловлей по берегам рек Кубани, Кумы, Подкумка, Терека, Егорлыка, Калауса, более малых рек – Кугульты, Томузловки, Айгурки, Грачевки. Особой популярностью для рыбной ловли пользуются водохранилища: Егорлыкское, Новотроицкое, Отказненское, Пролетарское, Чограйское.

Сельский туризм (агротуризм или зеленый туризм) является новым направлением в туристической индустрии. Его развитие характерно для всего мира, в том числе, и для России. Особое значение сельского туризма – в развитии краеведения.

Сельский туризм отличается временным проживанием туристов в деревенской местности с целью отдыха. В данном случае, обязательным условием будет отсутствие промышленности и многоэтажной застройки.

Местным населением туристам сдаются в аренду комнаты или пустующие дома. В помещениях должна быть минимальная

меблировка (посуда, полотенца, постельное белье и другие необходимые хозяйственные средства). Срок аренды – от двух дней до нескольких месяцев.

Для каждого гостя создается уютная домашняя атмосфера. Для удобства также служит развитая инфраструктура: комплекс мест проведения досуга, хорошее транспортное сообщение между населенными пунктами, наличие служб по оказанию различных услуг (предоставление информации и обслуживание). Желательно, чтобы в месте проживания туристов функционировали небольшие кафе, ресторанчики или трактиры.

Особенностью сельского туризма является неразрывность его связи с изучением быта сельского населения. Он интенсивно развивается за границей и в других регионах Российской Федерации. Для Ставрополья как сельскохозяйственного региона такой вид отдыха особенно важен.

Событийный туризм приурочен к какому-либо событию. Уникальность таких туров, сочетающих в себе традиционный отдых и участие в самых зрелищных мероприятиях планеты, постепенно завоевывает все большую популярность. Главной особенностью событийного туризма является множество ярких неповторимых моментов.

В современный период в Ставропольском крае событийному туризму уделяется особое внимание. Наблюдается все больше желающих посетить Ставрополье во время проведения ряда ярких событийных мероприятий (кинофестиваль «Золотой витязь», музыкальный фестиваль «Золотая осень Ставрополья», международный фестиваль воздушных шаров «Кавказские Минеральные Воды – Жемчужина России», чемпионат и первенство России по экстремальным видам горного велосипеда, Южно-Российский курортный форум «Кавказская здравница», межрегиональный фестиваль туризма «Туристское Ставрополье»).

Экологический туризм связан с сохранившимися районами традиционных, аборигенных форм хозяйства, представляющих большую эколого-культурную ценность.

В Ставропольском крае сохранились нетронутые, заповедные уголки природы, являющиеся наиболее эффективным механизмом поддержания экологического баланса территорий и сохранения естественного биологического разнообразия. В числе памятников

природы Ставропольского края, играющих важнейшую роль в сохранении и восстановлении ресурсов живой природы, следует отметить горные массивы, пещерные комплексы, озера, ряд заказников и пр.

Развитию всех форм экологического туризма способствует использование уже имеющихся и организация новых экоцентров (эколэндов, натурлэндов). Территория с уникальной природной достопримечательностью обустроивается инфраструктурным комплексом (средства размещения с охраняемой автостоянкой, предприятия питания с национальной кухней, торговые точки, предлагающие туристам сувенирную продукцию). В таких центрах туристы пользуются услугами профессиональной фото- и видеосъемки, занимаются конными прогулками, сплавом на надувных плотках по реке и др.

Богатство природных ресурсов Ставрополя является прекрасной основой для предоставления услуг экологического туризма. На территории края расположено 112 природных объектов, в том числе 66 памятников природы и 46 заказников.

Следует отметить богатство и уникальность растительного мира Ставрополя: более 2400 видов растений. В их числе группа ценных лекарственных растений, таких как зверобой, душица, чабрец, полынь, земляника, цикорий, а также ряд лекарственных кустарников (рябина, калина, крушина, черемуха, жимолость, дикий виноград, шиповник).

Обладание почти 60-ю % флоры всего Северного Кавказа (40% Кавказа и 20% России) ставит Ставрополье на вторую позицию в стране. Это является свидетельством его особого положения среди других аналогичных регионов как одного из самых емких хранителей растительного генетического фонда. К объектам экологического туризма относятся: водо-термальные источники, гора «Стрижамент», гора «Машук», «музеи природы» парковой зоны города Кисловодска и др.

Спортивно-экстремальный туризм предполагает использование активных видов путешествия (на велосипеде, пешком, на конях и лыжах). Его развитие характерно для территорий с уникальными ландшафтами. К таким относится в первую очередь Россия, имеющая различные низинные, равнинные, степные, горные, болотные и пустынные ландшафты.

К направлениям, развивающимся наиболее быстрыми темпами, в первую очередь относится горнолыжное. Однако в Ставропольском крае отсутствуют горнолыжные сооружения, способные конкурировать с объектами в Красной Поляне (г. Сочи), Приэльбрусье (Кабардино-Балкария) Домбае (Карачаево-Черкесия). В связи с этим в регионе развиваются альтернативные направления активного отдыха, такие как велопутешествия (в т. ч. горный велосипед), альпинизм, рафтинг, полеты на дельтапланах и парaplанах, спелеотуризм, пешие и конные прогулки.

В качестве базового инвестиционного проекта для данного направления следует считать площадку «Гранд СПА Юца» в Предгорном районе Ставропольского края. Здесь – на горе Юца представлен комплекс экстремальных видов туризма. Предполагается развивать сверхлегкую авиацию, внедорожные гонки, пейнтбол. Для каждого из видов запланировано создание учебно-спортивных клубов для обучения новичков, осуществления коммерческих проектов, проведения на своей базе соревнований различного уровня.

Город-курорт Пятигорск является центром развития экстремальных видов горного велосипеда (проводятся Чемпионат и Первенство России).

Также, для региона Кавказских Минеральных Вод характерно проведение ежегодного Международного фестиваля воздушных шаров «Кавказские Минеральные Воды – Жемчужина России».

В Кочубеевском районе развивается другой вариант экстремального туризма. Здесь туристам предлагаются маршруты различной сложности сплава по реке Кубань.

Круглодичный экстремально-спортивный туризм в Апанасенковском районе представлен авиатурами (используется база ТОК «Маныч-Гудило»). Осуществление полетов происходит на дельталетах и самолетах дважды в день в сопровождении опытных летчиков в окрестностях озера Маныч-Гудило (или над его побережьем). Цель таких авиа-экскурсий – с высоты птичьего полета наблюдение над великолепием озера Маныч-Гудило, реальной жизнью разнообразных видов животных и птиц.

Одновременно, после соответствующего обучения управлению самолетом или дельталетом, туристу вручается удостоверение пилота любителя.

Этнотуризм является видом познавательных путешествий с целью посещения какого-либо объекта для исследования культуры, архитектуры, традиций и быта народа, этноса, когда-либо проживавшего или проживающего на данной территории.

Появление такого вида отдыха связано с возросшим интересом туристов к особенностям повседневной жизни народов, к традициям, обрядам и культуре. Стремление к самоидентификации, поиску и изучению своих этнических корней – характерная особенность значительной части людей современного унифицированного мира. Результаты такого познания позволяют почувствовать себя особенным, причастным к целой истории со свойственными ей культурными традициями. Этнотуризм важен для развития тесных связей и обмена между представителями разных народов, включения их самобытной культуры в мировое наследие.

В числе территорий, где развивается активно этнографический туризм, выделяется Левокумский муниципальный район, где формируется туристский кластер «Левокумье». Центром кластера является поселок Новокумский – место проживания 300 казаков-некрасовцев. Структура кластера состоит из строящейся этнодеревни (подворья казаков-некрасовцев), гостиницы и этнографического музея.

Другой вариант казачьего подворья расположен в Предгорном муниципальном районе. Здесь туристы не только знакомятся с культурой местного казачества, но и могут стать участниками обрядов, воссоздаваемых организаторами подворья [8].

Интересы туристов становятся шире и взыскательнее, меняются устоявшиеся стереотипы. В то же время на территории Ставрополя имеются все возможности для развития множества видов туризма, которые смогут привлечь и принять различные сегменты туристов. Региональный туристский продукт в настоящее время становится более дифференцированным, и востребованным не только российскими, но и международными туристами.

Выводы

Основной отраслью специализации туристско-рекреационного комплекса Ставропольского края в настоящее время является лечебно-оздоровительный туризм, однако в последние годы существенно вырастает доля таких видов туризма как событийный,

деловой, культурно-познавательный, этнографический, паломнический и другие.

Объединение институциональных форм и туристических объектов в рамках единой структурно-функциональной подсистемы туризма во многом является определяющим для самого существования и развития туристской деятельности в регионе. Основой осуществления туристской политики и деятельности является уважение к художественному, археологическому и культурному наследию в целях его защиты и сохранения для будущих поколений. При этом особо важными следует считать охрану памятников и заботу о музеях, которые нужно максимально использовать для посещений туристов.

Также, особое внимание нужно уделять поощрению доступа публики к осмотру культурных ценностей и памятников, находящихся в частном владении (при уважении прав их владельцев), а также зданий религиозного характера, без ущерба для культовых потребностей [9].

Вопросы для самопроверки

1. Перечислить и охарактеризовать функции институтов, образующих сферу туризма.

2. Охарактеризовать деятельность группы институтов «Наследие» в институциональной группе туризма.

3. Перечислить и охарактеризовать виды памятников истории и культуры, задействованные для удовлетворения потребностей познавательно-культурной рекреации туризма.

4. Перечислить и охарактеризовать основные маршруты, использующиеся в целях ознакомления с памятниками культовой архитектуры.

5. Охарактеризовать особенности и значение этнографических памятников, задействованных в индустрии туризма.

6. Охарактеризовать особенности и значение народных промыслов в культурном потенциале туризма.

7. Охарактеризовать основные принципы рекреационного освоения природного и исторического наследия.

8. Охарактеризовать деятельность ЮНЕСКО по вопросу о культурном туризме.

9. Перечислить и охарактеризовать основные аспекты политики туристского развития и принципы адекватного туризма.

10. Охарактеризовать культурное наследие как часть туристско-рекреационного потенциала Ставропольского края.

Литература

1. Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – С. 304–305.

2. Солонин Ю.Н., Каган М.С. Культурология. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.; Сиченко Н.С. «Наследие» как группа институций // Культура и цивилизация. – 2012. – № 1. – С. 49–50.

3. Сиченко Н.С. Указ. соч... – С. 50–51.

4. Там же. – С. 50–52.

5. Кусков А.С., Голубева В.Л., Одинцова Т.Н. Рекреационная география. Учебно-методический комплекс. – М.: МПСИ, Флинта, 2005. – С. 97–99.

6. Там же. – С. 99–106.

7. Там же. – С. 110–112.

8. Министерство культуры Ставропольского края [Электронный ресурс] <http://www.mincultsk.ru/turist/2015-05-20-18-49-11/2015-05-20-19-53-36>

9. Сиченко Н.С. Указ. соч... – С. 58.

VIII. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО НАСЛЕДИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

План

1. Культурное наследие Русской православной церкви: понятие, социально-политическая сущность, содержание.
2. Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительство в России.
3. Культурное наследие церкви в государственной политике национальной памяти.
4. Особенности сохранения и трансляции религиозного наследия на Ставрополье.

1. Культурное наследие Русской православной церкви: понятие, социально-политическая сущность, содержание

Религия всегда была и остается исключительно важным феноменом в развитии человеческой цивилизации. Ее влияние на все сферы жизнедеятельности в любом обществе трудно переоценить, поскольку сам феномен религии – явление социальное: религия вплетена в структуру общества, активно взаимодействуя с другими элементами его архитектоники.

С ранних времен и до настоящего времени воздействие церкви проявляется во влиянии на процессы социализации личности, очерчивании норм регламентации индивидуальной жизни человека, воздействии на развитие науки, определении темпов, направлений и содержательной стороны становления и развития культур. Согласно историческому опыту, степень взвешенного и корректного отношения государства к религиозным организациям и конфессиям – основа залога общественного согласия и социальной стабильности, а свобода совести есть тип проявления свободы общественной – общепризнанной человеческой ценности.

В настоящее время характерно понимание важности всего, что связано с культурным наследием церкви. Это относится к общему достоянию человеческой цивилизации. Соответственно все человечество должно участвовать в сохранении религиозного

наследия, памятников религиозной культуры как уникального явления социальной жизни для того, чтобы сконцентрированный в них исторический опыт предшествующих поколений транслировался современникам и был передан потомкам.

В течение последних десятилетий во многих странах мира наблюдается процесс усиления позиций религии, что, в свою очередь, является свидетельством превращения церкви во весьма весомый политический фактор, степень социальной значимости которого постоянно возрастает. Это объясняется, с одной стороны, ростом конструктивной составляющей взаимодействия религиозных организаций с государством, с другой стороны, изменением многих политических проблем, особенно проблем национальной идентичности, являющихся предметом неустанной заботы государства. Они претерпевают «перезагрузку», отягощаясь религиозными смыслами и интересами. Это результат закономерного процесса, поскольку с развитием демократических основ государственности и демократизацией всех сфер общественной жизни пределы толерантности (веротерпимости) расширяются, что требует от государства гарантий в отношении прав и возможностей функционального участия религиозных организаций в общественной жизни и постоянной корректировки государственно-церковной политики.

Особенности тонкой грани государственно-церковных отношений в современных условиях учитывают сдвиг к переосмыслению принципа отделения церкви от государства – специфику церкви не только как исключительно сакрального института, но и как института социального, деятельность которого стыкуется с интересами государства и народа, а в случае необходимости регулируется (без вмешательства во внутреннюю жизнь церкви) государством, призванным отражать интегративный общественный интерес. Смыслом принципиальной новации государственно-церковных отношений является взаимодействие государства и церкви как равноправных субъектов, действующих каждый в сфере своей компетенции и взаимно поддерживающих друг друга в интересах утверждения гражданского мира и согласия в обществе.

Необходимость определения императивов и приоритетов политики в отношении культурного наследия церкви сегодня с

особой остротой ставит вопрос о политике памяти – всей системе мероприятий и деятельности, направленных на формирование и воспроизведение идентичностей. Кроме церкви ее наследие также является мощным носителем символических смыслов, историко-культурных и религиозных текстов и подтекстов (могут быть применимы субъектами политики). Кроме этого, в осуществлении политики памяти, как и раньше, наиболее активно применяется ресурсный потенциал культурного наследия. Поэтому нельзя допустить превращения политики памяти в инструмент политических манипуляций и разжигания межконфессиональной и межнациональной розни. Соответственно, связь политики и религии, обеспечиваемая символикой культурного наследия, объективно требует глубокой научной рефлексии.

Своеобразие особенностей культурного развития современной России связано с ориентированностью на сохранение как общенационального, так и локального наследия. С поиском вектора государственной политики сохранения культурной идентичности связано обнаружение новых ролей культурного наследия, становящегося постепенно инструментом политики нациестроительства. Основа его потенциала применяется в процессе актуализации накопленного и закодированного в нем социокультурного опыта, моделей и стратегий поведения. Значение этих обстоятельств подчеркивает особую важность выявления особенностей причин актуализации, ролей и функций культурного наследия церкви в политике нациестроительства.

В 90-е гг. прошлого века произошел важный перелом в осуществлении российским государством политики памяти. Новые императивы и новое понимание политического значения общенациональной истории создали базис для достижения договоренности между государством и различными институтами гражданского общества по вопросу об интерпретации национального и государственного прошлого, сделав общенациональную память фактором социально-политической интеграции, а не разобщения.

Начало изменения политики по отношению к церкви связано с изданием Распоряжения Президента Российской Федерации «О возвращении Русской Православной церкви строений и религиозной литературы» (1991). В связи с этим, в стране начал осуществляться

процесс последовательного восстановления исторической справедливости по отношению к Православной церкви и иным религиозным организациям. Однако осуществление этого сложного процесса связано с противоречиями, которые особенно остро стали проявляться при решении вопросов восстановления религиозных организаций в имущественных правах. Это привело к демузеефикации культурного наследия, коммерциализации его эксплуатации и другим процессам, вызывающим неоднозначную реакцию в обществе и государстве. Обострение данных обстоятельств подчеркивает высокую политико-культурную значимость «реституции» церковного имущества и объективно требует серьезных исследований со стороны научного сообщества [1].

Первым документальным упоминанием об интересе государства к древностям и проблемам их сохранения в Европе является документ XV века. В России первый указ государя, относящийся к этой сфере относится к 1681 году (указы Федора Алексеевича «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков»). Ряд нормативных актов датируется началом XVIII в. (Указы Петра I «О сдаче старинных редкостей комендантам» от 13 февраля 1718 г., «О каменном и деревянном строении в Москве» от 19 января 1722 г., указы Сената «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г., «О доставлении в Петербург раковин и камешков» от 21 декабря 1716 года, «О покупке в Сибири куриозных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур – коллегию» от 16 февраля 1721 г. и др.). Эти документы являются регламентацией государственного контроля над эксплуатацией или охраной лишь одного или нескольких объектов, имеющих историческую или культурную ценность.

Согласно содержанию документов XVII – XIX вв., объектами охраны в этих нормативных актах являлись разнопорядковые предметы, имевшие научную, историческую, реже – художественную значимость для общества и государства. В качестве их наименования использовались такие термины, как «предметы старины», «старинные редкости», «необыкновенные», «старые», «оригинальные», «куриозные» вещи [2], в том числе связанные с культовой практикой. Однако, в данный период (и долгое время позже) не была оформлена системная классификация объектов государственной охраны.

Значительные изменения наблюдаются во 2-й половине XX века. В СССР в этот период уделяется особенно пристальное внимание сохранению и правовой охране историко-культурного достояния, формируются основные подходы к определению их объекта: памятниковый и ценностный подходы, концепция всемирного культурного наследия.

В настоящее время для политики государства характерна замена «памятникового подхода» концепцией объектов культурного наследия, в рамках которой они понимаются как переходящее от поколения к поколению *имущество*, обладающее имманентной ценностью. В настоящее время культурное наследие понимается в качестве *среды*, «*пространства бытия*», насыщенного символическим, историческим, эстетическим, этическим содержанием. В процессе активного взаимодействия с данным «пространством бытия» человек обретает модели и коды самоидентификации. Это результирующее образование деятельности предков, унаследованное потомками в силу его способности удовлетворять их материальные и духовые потребности.

Также, в культурном наследии (в том числе церковном) важен символический, информационный компонент. На его значение, в частности, обращает внимание М.Е. Кулешова, которая справедливо полагает, что «наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям» [3].

Т.В. Растимешина, на основании учета методологических наработок ученых различных областей знания и особенностей практики использования и охраны культурного наследия церкви в нашей стране, выделяет 5 основных признаков культурного наследия Русской Православной церкви [4]. К ним относятся следующие:

1. «Памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, надписи, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и

природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [5].

2. Содержанием культурного наследия церкви является не только те объекты, которые создавались в качестве предметов религиозного культа, но и все, что являлось результатом деятельности Русской православной церкви: архитектурные сооружения, произведения живописи, скульптуры, литературные произведения (молитвы, книги), церковная утварь, одежда, монастырские здания и т.д. Их важнейшим атрибутом является имманентная связь с православной верой и традиционной для России религией.

3. К содержательной стороне религиозного культурного наследия относятся не только собственно объекты культуры и произведения искусства. В зоне внимания государства также находятся архитектурно-ландшафтные объекты, представляющие в единстве архитектуры и пейзажа выдающуюся универсальную ценность.

4. В объем религиозного наследия включена не только совокупность материальных объектов, имеющих вещное воплощение, но и комплекс объектов, принадлежащих к нематериальному наследию: доктрины, догматика; ритуалы, молитвы, таинства и др.

5. Характер историко-культурного-происхождения объектов (относящихся к деятельности Русской православной церкви) не связан с формой собственности на объекты. В XX веке все наследие церкви было фактически у нее изъято, а сам институт церкви на долгое время перестал быть юридическим лицом. Соответственно, следует ориентироваться не на имущественную, а на историко-культурную связь объектов с институтом церкви.

2. Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительство в России

Религией в гуманитарном знании принято считать особую сферу общественного сознания, форму мировоззрения, а также свойственное людям, исповедующим культ, обусловленное верой поведение и действия. К основным компонентам религиозной сферы принято относить религиозный культ, религиозное

сознание, религиозную деятельность, религиозные отношения, религиозные организации. В последние десятилетия исследователи отмечают все больше переплетений в тканях религии и политики, все больше смысловых единств и аллюзий.

Задачи постижения изменений во взаимоотношениях религиозного и политического заставляет нас отказаться от традиционных методологий, от априорного принятия идей рационализации, секуляризации или модернизации. На пути их осмысления мы примыкаем к числу исследователей, считающих окончательную победу секуляризации мнимой, предполагаемой, декларативной и мифической (соответственно, мифологизированной) [6] и предлагающих акцентировать не сужение сферы религиозного в цивилизации, а внутренние трансформации ее содержательной стороны и сопровождающие их функционально-ролевые сдвиги.

Устойчивость и широта религиозной идентичности, неисчерпаемый информационно-символический Действительно, в условиях глобальной текучести и неустойчивости в разных странах религия обретает новое значение: она применяется социальными факторами, в первую очередь, как инструмент гармонизации социальных систем, очерчивания границ наций-государств. При смене нормативных парадигм, социокультурных горизонтов, устойчивость цивилизаций и государств обеспечивается за счет их «скрепления» и подпитки такими стабильными конструкциями, как религиозные нормы, традиции, ценности. В новых условиях связь идентичности с религией сделала последнюю одним из источников и ресурсов сохранения и осуществления государственной власти в глобальном мире.

Ресурс этого феномена, позволяет и российским элитам расширять применение религиозного фактора в политике национальной идентичности. *Нацестроительство или политика идентичности* проводится большинством современных государств. Как правило, она направлена на формирование у нации определенных представлений о себе, своей истории, языке, культуре, религии. В качестве ее инструментов используется официальный язык, школьные программы, национальная история (память), культурное наследие, государственные праздники и символика, религиозный фактор. Политика идентичности призвана обеспечить интеграцию граждан одной нации и

государства «поверх» социальных, этнических, конфессиональных границ. Вместе с тем, она нацелена на обеспечение единства общества и политической власти, укрепление оснований политической легитимности. В этом отношении, «нациестроительство является существенной частью борьбы государственной элиты за власть, влияние и поддержку» [7].

В России, как и во всем мире, *наблюдается стойкая тенденция актуализации религиозного фактора*: согласно масштабным исследованиям Института общественного проектирования, в 1991 г. православными в России называли себя примерно треть взрослого населения, а в 2006 году – две трети. Однако в современной России религиозная идентичность включает в себя весь спектр отношения людей не к конкретной религии, а к собственным представлениям о ней. Человек может идентифицировать себя с той или иной религией, не только будучи воцерковленным верующим, но и просто относя себя к нации и народу, для которых данное вероучение является традиционным, а традиционной религией России было и остается православие [8].

Наибольший политический ресурсный потенциал православного фактора заключен в традиционной религии России как в совокупности образов и символов, знаковых конструкций, надежно и прочно ассоциируемых гражданами с российской государственностью и национальной историей. Политика идентичности России в последние 20 лет нацелена на осуществление «русского проекта», внутреннее содержание которого включает концепты православия русской нации и пребывания российской государственности под божественным покровительством. Поэтому применение православного фактора в политике идентичности базируется на вариативном использовании репертуара внутренних смыслов понятия «православие», «религия», «православная нация» и т.д.

3. Культурное наследие церкви в государственной политике национальной памяти

Память в ее политическом преломлении можно рассматривать как пространство политической борьбы различных факторов за право на интерпретацию общего (государственного, национального) прошлого. Память, будучи одним из направлений политики

нациестроительства, произвольна и производна от власти, потому что *во всем мире государства контролирует большую часть памяти и часто претендуют на ее монопольное использование в качестве политического ресурса.*

Осуществляя политику памяти, политические режимы нередко уничтожают – конструируют картины прошлого в соответствии с потребностями политики настоящего и актуальной для текущей власти моделью будущего. Тем самым внутри исторической «схемы» нации они символически разрешают конфликты между прошлым и настоящим состоянием политической системы и обосновывают свою легитимность.

Каждому новому режиму нужно новое прошлое, поэтому память в политике нациестроительства часто замещается и подменяется историцистскими схемами, которые представляют собой социально-философские концепции большей или меньшей степени сложности и глубины. В их основе лежит догматизация универсального закона, открывающего возможность интерпретации того или иного факта исторического прошлого и прогнозирования будущего. Утопический и догматический историцизм, в терминологии К. Поппера, или «политика прошлого» представляет собой «метафизику истории» [9]. К. Поппер показал, что примат историцизма в культурной политике восходит к «персонализации» исторических сил и тенденций. Историцизму объективно противостоит социальная инженерия, в основе которой лежат демократия и открытость к социальному развитию.

Историцистские схемы могут характеризоваться большей или меньшей степенью цельности и проработанности. Но, независимо от этих особенностей, такие схемы производятся и навязываются нациям в рамках политик нациестроительства, они реконструируются, уничтожаются и перестраиваются в соответствии с потребностями власти в текущем политическом времени. Первым и важнейшим элементом циклической схемы политики памяти в России является вытеснение, забывание, отказ от преемственности, сопровождающиеся разрушением культурного и политического опыта, цивилизационных накоплений, материально воплощенных в объектах культурного наследия. Революции, радикальная смена политического режима

открывается политикой забвения и «сбрасывания» исторического балласта, в том числе религиозного наследия (советский период).

Забвение и отказ от истории вызывает «выбрасывание» верховной власти из исторического контекста. Оказавшись в историческом вакууме и нуждаясь во встраивании в историческое время, элиты компенсируют отсутствие подлинного прошлого форсированным историцистским производством. Модели истории строятся с тем, чтобы заполнить вакуум памяти и чтобы во вновь созданной картине образ настоящей власти проецировался на «прошлое», а в прошлом обнаруживались конструктивные совпадения, символически легитимирующие текущую власть.

Элитам необходимо, чтобы новая власть в символическом пространстве оказывалась «соответствующей» проверенным на прочность и эффективность моделям власти прошлого. Одним из таких монолитных факторов является религия, которая являлась важнейшей культурологической основой Руси – России более 1000 лет. Поэтому в 90-е гг. XX в. был предпринят ряд мер на возвращение православных символов в повседневную жизнь как элиты, так и основной части русского населения (восстановление Храма Христа-Спасителя, обязательная трансляция празднования христианских праздников в российских храмах, преподавание православной культуры в общеобразовательных школах и др.).

Государство создает прошлое и использует искусственную картину памяти как символический способ нациестроительства, единения общества и государства. Связь культурного наследия с государственной памятью прослеживается через символическую природу власти и символические пути и инструменты ее воспроизводства. Правящая элита, борясь за свою стабильность и самовоспроизводство, завоеывая легитимность, апеллирует к управляемым посредством различных «посланий», в которых закодированы идеи и смыслы идеальной (необходимой, обоснованной, богоданной и т. д.) власти. Эти идеи и значения, если они гармонируют с существующим в настоящем образом власти, обеспечивают и гармонию общества и власти.

Символические послания «из прошлого» конструируют «идеальную модель». Воспринимая послания, общество должно улавливать соответствие образа текущей власти символической модели «идеальной власти в России» (как правило, это консервативная

историцистская модель). Именно в культурном наследии часто закодированы смыслы и символы русской власти, поэтому государство заинтересовано в предъявлении обществу именно тех объектов наследия, в которых эти символы сконцентрированы в максимальной степени. Отсюда относительность ценности объекта культурного наследия: она не имманентна, а определяется властью в соответствии с ее потребностями и интересами.

Основной технологией историцизма является «выпячивание» или замалчивание тех или иных исторических периодов, поскольку в его основе лежит идея о том, что в прошлом той или иной нации или государства есть периоды более значимые – периоды расцвета, восхождения, величия и периоды нисхождения, заката, движения по «тупиковым» путям. Соответственно, *историцизм как основание политики приводит к избирательности в политике культурного наследия*. Элита акцентирует объекты культурного наследия, в концентрированном виде содержащие «закодированные» образы и символы, посредством которых обществу следует прочитывать и интерпретировать прошлую власть, настоящую власть и видеть необходимые совпадения. «Присваивая» себе символы прошлого, интерпретируя их, используя их для описания и классификации явлений политического настоящего, элиты подчиняют себе и само прошлое. Укрепление символических компонентов легитимности для российских элит делает политическую власть более устойчивой к внешним и внутренним кризисам.

В настоящее время актуализация⁹ культурного наследия русской православной церкви, также, объясняется реакцией основной части населения России на процессы разложения общественных устоев и норм морали, наблюдающиеся в Западной Европе. В данном случае политика государства и русской православной церкви (а также российского ислама, иудаизма и др.) по отстаиванию традиционных ценностей в основном совпадает.

⁹Актуализация - это процесс превращения культурного наследия в явление современности, характеризующийся внутренним освоением (переживанием) и переосмыслением культуры прошлого, включением ее в ценностно-смысловую, нравственный, эстетический, интеллектуальный, социально-практический потенциал личности и общества.

Православные храмы и другие символы православия, а также религиозное культурное наследие воспринимаются русским населением как оплот от «разрушительного» воздействия «западной» массовой культуры.

Т.В. Растимешиной выделен ряд направлений в современной политике государства по отношению к наследию русской православной церкви [10]:

1. Политической сущностью политики российского государства в отношении культурного наследия церкви следует считать конвертирование ценности и значимости объектов культурного наследия во властные ресурсы в соответствии с императивами политической целесообразности, эффективности, рационального и избирательного отношения государства к явлению культурного наследия церкви в целом и отдельным объектам религиозной культуры. Последние в данном механизме являются инструментами, ценность которых не имманентна, а технологична: она «присуждается» и нивелируется правящей элитой, меняется в соответствии с тенденциями изменений ее политических потребностей и интересов.

2. Осуществление политической охраны и эксплуатации культурного наследия церкви с начала XVIII века проводится преимущественно в рамках политики национальной идентичности, имеющей основную цель – формирование у российской нации представлений о своей истории, языке, культуре, религии, геополитическом предназначении и миссии. При этом основной политической функцией культурного наследия церкви является акцентуация и укрепление историко-символических (в первую очередь, сакральных) оснований легитимности политического режима. Осуществление политической актуализации культурного наследия церкви характерно для тех периодов политического развития, когда интересы сохранения государственной власти, обеспечения единения общества и власти требуют укрепления сакральных и народных оснований ее легитимности.

3. Рост субъектности церкви в политике наследия в современной России связан с проявлением трех факторов: политической актуализации традиционной религиозности, возвращения религиозным организациям имущества религиозного назначения, роста значимости символического ресурсного потенциала памятников православного искусства для осуществления политики нациестроительства.

4. В России политика национальной памяти является ключевой составляющей политики национальной идентичности. Ее основу составляют механизмы производства и продвижения историцистских схем: способы интерпретации государственного, национального прошлого в качестве доминирующих. Основу историцистской схемы текущей власти составляет догматизация сакральности и национальной природы государственной власти. К контролю государства над исторической памятью относятся важнейшие политические функции: обеспечение единения общества и государства на почве единого восприятия истории, удовлетворение потребности политической элиты в великом прошлом, создание образа исторически преемственной власти.

5. В настоящее время к важнейшим направлениям политики российского государства в отношении культурного наследия церкви относится передача религиозным организациям имущества религиозного назначения. Также создаются благоприятные основания для осуществления церковью политики социокультурной реституции. После получения законной возможности определять социокультурный режим использования переданных объектов культурного наследия и контроля над частью социокультурной среды, РПЦ занимается формированием клерикального и этноконфессионального контекста восприятия памятников культуры.

Особенности экономических, политических, идеологических и духовных трансформаций, произошедших в России за последние два десятилетия, а также изменения в политике государства по отношению к культурному наследию и самой церкви императивно требуют плодотворных, свободных от мифологизации и архаизации общественного сознания поисков нового места, роли и функций института церкви в политическом настоящем и будущем России.

4. Особенности сохранения и трансляции религиозного наследия на Ставрополье

Как уже было отмечено, на Ставрополье много святых мест, которые привлекают туристов-паломников с разных уголков Земли. Здесь пролегает своеобразная граница, разделяющая христианство и ислам, причем эти, а также другие, менее представленные, религии мирно сосуществуют вместе многие сотни лет.

В 90-е гг. XX в. – в начале 2000-х в отношении сохранения религиозного наследия в крае деятельность Русской православной церкви связана с 3 основными направлениями: ремонт и восстановление старинных храмов (и монастырей); возрождение паломничества; сохранение и почитание местных религиозных реликвий.

На территории края к числу памятников культуры и архитектуры относится около 20 соборов и храмов Благодичиния Ставропольской епархии. «Храмовое ожерелье» Ставрополя составляют сотни сохранившихся восстановленных ныне церквей.

Особо почитаема чудотворная икона Иверской Божьей матери, хранящаяся в Успенской церкви города Ставрополя. Образ был привезен из города Афон (Греция), где был написан местными монахами. В Пятигорском Спасском кафедральном соборе также находится святыня – бережно охраняемая Частица Креста Господня.

На территории Кавказских Минеральных Вод известен ряд мест, связанных с жизнью и деятельностью известного старца и чудотворца Феодосия Кавказского. Было возрождено паломничество по этим святым местам. Во время такого путешествия паломники посещают поселок Красный узел, церковь Архистратига Михаила, часовню на сельском кладбище, где был похоронен Иерусалимский батюшка. Также почитается церковь Покрова Божьей матери в городе Минеральные Воды. Здесь находятся мощи святого Феодосия Кавказского и вновь обретенная икона Тихвинской Божьей Матери.

Большим событием в жизни православных верующих Кавказских Минеральных Вод стало возрождение Второ-Афонского Свято-Успенского мужского монастыря на юго-западном склоне горы Бештау, который был основан 100 лет назад, разрушен в 30-е гг. XX века и в 2001 г. вновь стал действующим.

В качестве места поклонения известен Свято-Георгиевский женский монастырь, расположенный вблизи трассы Минеральные Воды – Кисловодск.

Все больше паломников приезжает в город Буденновск, где посещают места, связанные с именем православного Святого Михаила Тверского, жившего в золотоордынские времена и погибшего в ставке Золотой Орды.

Значительное количество старинных храмов и соборов сосредоточено в Буденовском, Труновском, Георгиевском и

Красногвардейском муниципальных районах, городах Пятигорск, Железноводск, Ставрополь.

В Ставрополе значительное внимание уделяется восстановлению памятников церковной архитектуры. В начале 90-х гг. у колокольни собора Св. Андрея Первозванного были вновь отстроены верхние этажи и шатровая крыша. В настоящее время на Комсомольской горке (бывшей церковной) восстановлен Казанский кафедральный собор, возводится величественная колокольня (аналогичная уничтоженной в годы Великой Отечественной войны колокольне архитектора П. Вознесенского).

В последние годы на территории Ставрополя значительно увеличилось количество строящихся церквей. Следует отметить, что в некоторых случаях в проектировании храмов используется опыт древнерусской строительной традиции. В частности, в церкви Св. Сергея Радонежского и Св. Георгия Победоносца, возведенной в г. Ставрополе прослеживаются элементы ростово-суздальской строительной традиции XI – XIII вв.

Выводы

В настоящее время к важнейшим направлениям политики российского государства в отношении культурного наследия церкви относится передача религиозным организациям имущества религиозного назначения. После получения законной возможности определять социокультурный режим использования переданных объектов культурного наследия и контроля над частью социокультурной среды, РПЦ занимается формированием клерикального и этноконфессионального контекста восприятия памятников культуры.

В Ставропольском крае деятельность Русской православной церкви в отношении культурного наследия связана с тремя основными направлениями: ремонт и восстановление старинных храмов (и монастырей); возрождение паломничества; сохранение и почитание местных религиозных реликвий.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризовать понятие «Культурное наследие Русской православной церкви».

2. Перечислить и охарактеризовать основные признаки культурного наследия Русской Православной церкви.

3. Охарактеризовать значение религиозного фактора в государственной политике национальной идентичности.

4. Объяснить причины актуализации в настоящее время наследия Русской Православной церкви.

5. Перечислить и охарактеризовать направления современной политики государства (РФ) по отношению к наследию Русской Православной церкви.

6. Охарактеризовать особенности сохранения и трансляции религиозного наследия на Ставрополье.

Литература

1. Растимешина Т.В. Политика Российского государства в отношении культурного наследия церкви. Авт. дисс. ... д-ра полит. наук. – М., 2012. – С. 3–5.

2. Михеева И.В. К проблеме формирования понятия «памятники истории и культуры» в законодательстве Российской империи // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2001. – Т.1. – С. 530–531.

3. Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1994. – С. 40–52.

4. Растимешина Т.В. Указ. соч. – С. 19–20.

5. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» // Указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988. – № 8595-ХI

6. Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. – № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129831/#_ftn10

7. Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // «Pro et Contra». – 2007. – № 3. – С. 60 – 65.

8. Дробижева Л.М. Толерантность и проблемы интеграции многокультурных сообществ // Вестник Института Кеннана в России. – 2009. – Выпуск 16; она же. Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 6; Крестинина Е.

Социально-политическая идентичность в условиях интеграции // Власть. 2008. – № 4. – С. 36–38; Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис: Политические исследования. – 2008. – № 3 и др.

9. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. – С. 33–39.

10. Растимешина Т.В. Указ. соч. – С. 16–17.

IX. СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ НАСЛЕДИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

План

1. Музыкальный фольклор как форма сохранения и трансляции культурно-исторического наследия.
2. Сохранение и трансляция наследия музыкального народного творчества на Ставрополье.

1. Музыкальный фольклор как форма сохранения и трансляции культурно-исторического наследия

Исследование национальных традиций и фольклорных обрядов в настоящее время имеет большое значение для современной науки и практики. Фольклор, понимаемый в виде исторической эпохи в искусстве, несущий определенное социально-эстетическое содержание, возникает как результат восприятия, синтезирования и творческого преобразования многих принципов, свойственных предшествующему развитию музыкальной культуры или ее значительной части [1].

Музыкальный фольклор представляет собой форму сохранения и трансляции историко-культурного наследия. Одновременно он является наиболее устойчивым проявлением и формой традиционной народной культуры и народного самосознания. В нем во всей полноте и многообразии проявляются народные представления о прекрасном и должном, неустранимая трагичность человеческого бытия, а также в полной мере выражаются вера и национальные особенности народа, его опыт и мудрость; формируются архетипы общественного поведения человека, его воззрения на мир и на себя в этом мире [2].

Во взгляде на соотношение содержательной и смысловой сторон музыкальной речи песенного фольклора среди ученых не сложилось единого мнения. Наблюдается несколько направлений научной мысли, определяющих различные подходы к проблеме изучения его сущности. Э.Е. Алексеев указывает на три основополагающие линии «в собственно фольклористической области», наметившиеся в XX в. Это линия «углубленного изучения интонационной природы музыкального высказывания» (Б.Л. Яворский, Б.В. Асафьев, З.В.

Эвальд, Е.В. Гиппиус); линия «объективно-текстологического, структурного анализа музыкально-языковых закономерностей фольклора» (К.В. Квитка и др.); и линия «широкого историко-фактологического документирования разнонациональных проявлений народного музыкального мышления» (В.М. Беляев).

Важным является определение «музыкального языка» фольклора как «семиотической системы», располагающей «своей системой знаков» (В.Л. Гошовский). Говоря о передаче «определенной информации» посредством словесных категорий и «функций звуковой системы», он видит в напеве песни «отражение квинтэссенции поэтического текста, то есть основной идеи содержания, первичного замысла, существовавшего сначала в потенции как мысль» [3].

С точки зрения филологов, все песни, кроме эпических, принадлежат к лирике. *Лирическими* называются песни, выражающие чувства, переживания человека и не обусловленные каким-либо обрядом или действием.

Говоря о выразительных качествах русских традиционных лирических песен, можно указать на некоторые признаки, типичные для данного жанра вообще, которые проявляются на всей территории, где проживает русскоязычное население. И в то же время необходимо выделить характерные местные, региональные типы, формы, сюжетные мотивы. Кроме того, следует определить стилевые отличия самых ранних по историческому возрасту песен от более поздних, поскольку по многим данным этот жанр развивался на протяжении длительного периода времени, что наложило явственный, существенный отпечаток на музыкально-стиховую форму, характер и образное содержание традиционной русской лирики разных исторических пластов.

Традиционная русская лирическая песня сложилась как особый характерный жанр, очевидно, в пору формирования Московской Руси, в XV – XVI вв., и наиболее ранние ее образцы связаны по содержанию с эпическими темами, они как бы вырастают из власти исторических песен XIII – XIV вв., согревая повествование теплым лирическим чувством. Личность простого человека, его печали и радости выдвигаются в лирических произведениях на первый план. И в то же время во многих из них переживания человека передаются путем взволнованного певческого изложения определенного

сюжетного мотива. Подобные примеры можно охарактеризовать как лироэпические [4].

Некоторые генетические черты традиционной русской лирической песни позволяют говорить о ее генетической преемственности от некоторых жанровых разновидностей свадебного обрядового репертуара – от той его части, в которой звучат темы расставания невесты с родительским кровом, сиротства, где с наибольшей силой (в условиях обряда) проявляется мир чувств и переживаний человека.

Определенные признаки роднят русскую традиционную лирику с хороводным жанром, что обнаруживается и в музыкально-стиховой форме, и в поэтическом содержании ряда ее примеров.

И наконец, нечто общее можно обнаружить в русских лирических и календарных песнях.

Таким образом, данный жанровый род русского музыкально-поэтического искусства возник на почве всего предыдущего творческого опыта народа и стал подлинной вершиной национально-поэтического гения. По глубине выразительности, совершенству и развитости формы, силе и значительности художественных образов классического произведения русской традиционной лирики с полным правом можно отнести к шедеврам мировой музыкальной культуры.

В отечественной фольклористике обычно принято называть русскую традиционную лирическую песню крестьянской (в отличие от городской). Однако, это не вполне верно. Вероятнее всего, первоначальные ростки песенной лирики зародились в воинской, возможно казачьей среде. Особую питательную почву такие ростки нашли в кругу извозчиков – особой социальной группы, занимавшейся переправкой рыбы и соли с южных рек на север и зерна с севера на юг через бескрайние Моздокские степи. Несколько позже, в начале – середине XVIII в., после введения каторжной рекрутчины, возникли полной глубокой грусти песни о расставании новобранцев с родными, любимой девушкой, о тяготах солдатской службы.

И все же многие лирические традиционные песни действительно родились в среде русского крестьянства, что ясно выражается уже в словесном содержании.

В отличие от большинства песен древнего исторического пласта, имеющих определенную слоگو-ритмическую форму, но не связанных с одним-единственным мелодическим рисунком и неизменной ладовой формой, ранние лирические традиционные русские песни имеют, как правило, стабильную музыкально-поэтическую форму, в каждом случае индивидуальную, угадываемую на слух или при внимательном структурном анализе, однако выступают каждый раз в особых, иногда ярко характерных вариантах.

Как считает известный исследователь русского музыкального фольклора В.М. Щуров, по ряду музыкально-стилевых признаков и по характеру поэтических образов к своего рода «ядру» традиционной русской песенной лирики принадлежат следующие примеры (в сочетании множества вариантов): «Горы», «Степь Моздокская», «Ты взойди, солнце красное», «Веселая беседушка», «Не одна во поле дороженька пролегала», «Подуй, повянь, бурь-погодушка», «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка». Здесь же следует отметить песню «Уж ты, батюшка, вольный тихий Дон» с вариантами, порой далекими по словесному содержанию (например, сибирским – «Уж ты, матушка, Угрюм-река», а также «Уж ты, поле мое» (казацкие варианты – «Не один казак гулял»).

К этому «ядру» примыкают еще многие примеры из репертуара уральских, донских, гребенских казаков, жителей Среднего Поволжья, Урала и Сибири, Западной, Центральной и Южной России, обладающие сходными стилиевыми признаками [5].

Одна из характерных для русской песенной лирики тем – гибель молодца, обычно на чужой стороне. Песни с подобными поэтическими мотивами можно назвать лироэпическими: определенное настроение передается в них путем повествования. Присутствуют здесь и черты балладности: в центре внимания оказываются трагическая судьба простого, неизвестного, неименитого человека и горькие переживания его родных, близких.

В песне «Горы» главной, смыслоносущей оказывается мрачная картина: над белым телом вьется ворон. А рядом с погибшим – скорбящие мать, сестра, жена. В песне «Степь Моздокская» рассказывается о расставании с жизнью молодого извозчика, перед смертью вспоминающего о родной семье, оставленной вдалеке. Сходные мотивы присутствуют в песне «Уж ты, поле мое» – израненный, умирающий воин обращается к верному коню с

просьбой передать печальную весть на родину. События, излагаемые в этих трех песнях, вероятнее всего, относятся к периоду борьбы Московской Руси против монголо-татарского ига и в ряде случаев связаны с развитием торговых отношений в молодом тогда централизованном Московском государстве.

В целом ряде русских традиционных лирических песен упоминается боевой конь – верный друг казака, с одной стороны, сопутствующий и содействующий хозяину в ратных подвигах, а с другой – связывающий его невидимыми нитями с отеческим кровом, где эту животину взрастили и вскормили близкие домочадцы отважного воина.

Традиционная тема бегства молодца из неволи находит продолжение в казачьих песнях, повествующих о событиях борьбы с турками уже в XVIII в. Такова кубанская протяжная «У сухого дубка отросточка нету». В ней спасающийся от погони беглец гибнет в реке Лабе: под тяжестью всадника подломился тоненький ледок.

Среди лирических песен, созданных в среде казаков, некоторые выражают настроение всей воинской общины. В них повествуется о важных исторических событиях прошлого. Поэтому близость таких образов к эпосу проступает особенно явственно. Так, в песне кубанских казаков «Из-под тучушки ветерочки дуют» гребенские казаки слезно молят царя Грозного даровать им реку Терек с притоками.

Особую группу среди лирических традиционных русских песен составляют примеры с вольнолюбимыми сюжетами. Главными персонажами в них оказываются люди непокорные, стремящиеся к свободе и справедливости. Показательна с этой точки зрения песня «Ты взойди, взойди, солнце красное». В некоторых ее вариантах прямо говорится о пленении вольницей Степана Разина астраханского губернатора, обидчика обездоленных, сирот (один из вариантов напева и текста).

По ряду признаков со свободолобивыми мотивами были связаны также варианты песни «Уж ты, Дон, ты наш Дон».

Несмотря на строгий патриархальный уклад старой русской семьи, когда жена обязана была беспрекословно подчиниться воле мужа, а девушка и взрослый сын – воле родителей, в отношениях между полами в пору позднего русского Средневековья, а по всей

видимости, происходит важный психологический сдвиг, когда большую значимость приобретает личная симпатия, любовь. Это хорошо прослеживается уже в словах хороводных песен той поры. В русской песенной лирике большую роль играют личные мотивы. В песне «Ночи» героиня высказывает горечь одиночества: «Надоели ночи, надоскучили, со милым дружкой вы нас разлучили».

Типичность образов расставания, разлуки в русском песенном фольклоре отмечали А.Н. Радишев и А.С. Пушкин. Вероятно, подобные темы рождены были жизненной реальностью, когда судьбой детей распоряжались родители, не считаясь с их чувствами и привязанностями и исходя часто из сугубо житейских соображений при сватовстве. Также, расставание любящих было неизбежно в тех случаях, когда сельские парни и молодые мужья вынуждены были уходить в город на заработки.

Периодом XVIII – XIX вв. датируются *тюремные песни*, выдержанные в стиле традиционной лирики. В них передается тоска узника по родному дому, по родным, по любимой девушке: «Ты воспой, воспой, млад жавороночек», «Ты острог, острог каменный», «Между двух гор выпал речка-Енисей» и др.

С глубоко личными переживаниями связано содержание песни «Веселая беседушка» («Раздуй, развей, погодушка»), завершающейся обычно словами: «Все мужья с войны пришли, а мой – не пришел». Войнами названы были многие беды в русских семьях (вариант напева и слов).

В казачьей среде преобладают лироэпические песни, с историческим подтекстом. В остальных районах проживания русских главенствуют сюжетные мотивы, выражающие личные переживания человека. Словесные тексты русской традиционной песенной лирики, как видно, чрезвычайно разнообразны по тематике. Это подлинная энциклопедия жизни наших предков, отражающая богатейший мир их переживаний в связи с условиями бытия той давней поры.

Особую группу как по словесному содержанию, так и по музыкально-стиховой стилистике составляют *рекрутские песни*. Рекрутская повинность была введена в 1705 г. и продолжалась вплоть до 1874 г., причем на военную службу забирали по жребию молодых парней, принуждая их служить в солдатах 25 лет. Рекрутские песни обладают некоторыми сравнительно поздними признаками,

проявляющимися в музыкально-слоговой ритмике, и в характере распева, что объясняется появлением новых тенденций в национальной культуре, связанных со сближением с западно-европейской цивилизацией. В таких песнях на первый план выступают горькие переживания молодых людей, вынужденных покидать родной дом и обремененных подневольной воинской повинностью, тяготами воинской службы.

Подобные песни характерны для различных областей средней полосы России. К этой тематической группе примыкают многие песни донских, уральских, гребенских, кубанских, алтайских казаков, повествующие о тяготах воинской службы [6].

Особняком в ряду лирических песен стоят образцы личной любовной лирики с балладными сюжетами. Они, как и многие другие сюжетные группы песен данного жанра, примыкают к эпосу, поскольку мир чувств передается в них через повествование об определенном событии, в данном случае – о драматическом, трагическом. Чаще всего встречаются сюжетные балладные мотивы, связанные с убийством женой мужа, молодой женщиной – возлюбленного за измену.

Некоторые из балладных песен по их стилистике можно предположительно датировать ранним периодом формирования русской лирики, XVI – XVII вв. Например, в белгородской протяжной песне «Как во славном городе» стих в своей основе имеет тоническую форму, типичную для русских былин (глубокие стиховые ударения падают на третьи слоги от начала и от конца строки).

Русские лирические песни балладного характера весьма сумрачны по настроению. Некоторые примеры поздней смоленской лирики передают тоску, отчаяние женщины, вынужденной в печали, в заботах растить детей.

Кроме песен с трагической направленностью содержания существует ряд песен, повествующих о приветливых, жизнелюбивых образах. Молодой воин отвергает ухаживания девушек, стремясь всем сердцем к красавице жене («Ты зима моя»); дочь противится произволу матери, запрещающей встречи с любимым («Гулял Ванька по садочку»); нередко темы взаимной нежной любви, дружбы («Травушка, муравушка», «Зародилась красна ягодка», «Уж ты, зоренька, зарница») [7].

С точки зрения трансляции культурного наследия кроме крестьянских не менее важны *городские песни*.

Большое значение для сложения городской песенной традиции сыграли популярные стихи русских поэтов XIX в. Н.Г. Цыганова («Каркнул ворон на березе», «Течет речка по песочку»), А.В. Кольцова («Ах ты степь моя, степь широкая», «Скажи, скажи смиренная, из двух в кого влюбленная» и др.), И.З. Сурикова («Сиротой я выросла, как былинка в поле», «Степь да степь кругом», «Что шумишь качаясь», «Уж ты, доля моя, доля, доля бедняка») и др.

Стали народными некоторые песни на стихи великих русских поэтов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В частности, характерно народные преобразования получил знаменитый пушкинский «Узник». Также бытует в народной переработке с различными напевами «Цыганская песня» А.С. Пушкина. Среди песен на стихи М.Ю. Лермонтова, наиболее укоренившихся в устной традиции, в первую очередь можно назвать «Бородино».

Во второй половине XIX в. превратились в народные песни некоторые стихотворения Н.А. Некрасова («Ох полным полно коробушка», «В полном разгаре страда деревенская», «Что ты жадно глядишь на дорогу»).

В конце XIX в., в связи с широким распространением идей народовольчества и «хождением в народ» свободолобиво и патриотически настроенной интеллигенции, возникают песни, связанные с образами казачьих атаманов, наделенных могучей силой, удалью и необузданным своеобразием. Так получили широкую популярность песни «Есть на Волге утес» (слова А. Навроцкого), «Из-за острова на стрежень» (слова Д. Садовникова). Близка по характеру напева этим двум распространенным песням городская баллада «Гуляет по Дону казак молодой» (слова Д. Ознобишина).

Симпатией к узникам, томящимся в неволе, нередко – из-за сопротивления произволу сильных мира сего, проникнуты широко известные песни «По диким степям Забайкалья» (слова И. Кондратьева), «Славное море «Священный Байкал» (слова Д. Давыдова), «Глухой, неведомой тайгою».

События русско-японской войны 1905 г. запечатлены в песнях, посвященных гибели «Варяга», – «Наверх вы, товарищи, все по местам» (слова Е. Студенской), «Плещут холодные волны» (слова Ф. Богородецкого). К этому же времени относятся

популярный вальс «На сопках Маньжурии», песня «От павших твердынь Порт-Артура», песня о бессмысленной гибели воина на дальневосточном фронте «Не для меня придет весна». В сознании русских людей эта бесславно проигранная война представляется как национальная трагедия.

Революционные настроения, протест против социальной несправедливости, симпатия к борцам за свободу ощущаются в известных песнях «По пыльной дороге телега несется», «Слушай!», «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Несомненные городские музыкально-поэтические признаки проявляют солдатские песни. Многие из них анонимны, очевидно, они были созданы в самой воинской среде и отражают ее настроения. В песне «Туман яром котится», обнаруженной собирателями в Белгородской области, бодрый энергичный напев, припевные слова «На горе, горе не беда!» как будто бы передают бодрый настрой храбрых солдат. На самом же деле в основных словах скрыт истинный смысл песенного повествования: парень вовсе не испытывает радости от необходимости служить во солдатах. Возможно, здесь отражаются порядки палочной дисциплины в армии павловских времен.

Тяготы воинской службы раскрываются во многих песнях, созданных в солдатской среде. Однако сложности казарменного быта в старой царской армии не препятствовали проявлению гордости за доблестную защиту родной земли, за славные ратные подвиги. Важнейшая тема солдатских песен – воспевание славных побед русского оружия.

На протяжении длительного времени главными противниками Московской земли с юга были турки. И перипетии борьбы с этим сильным противником отражены в ряде патриотических песен.

Война с армией Наполеона в 1812 г. оставила заметный след в русском фольклоре. Один из командиров казачьего войска во время этой баталии атаман Платов в песенном русском фольклоре характеризуется как хитрый лазутчик. Он неузнаваемо изменял свою внешность – «усы – бороду обрил», «француз его не узнал – за купчика посчитал». И таким путем, согласно песенному преданию, Платов – казак обманул неприятеля.

Особое место в песенном русском фольклоре занимают казачьи песни с воинской тематикой. В них отражены многие

конкретные исторические события, связанные с ратными подвигами. Немало и таких примеров, в которых рисуются условия походной жизни, притом нередко с некоторой бравадой:

Есть вино – пьем вино,
Нет вина – пьем воду.
Ни за что не променяем
Казачию моду!»

Авторы слов многих солдатских и казачьих песен известны. Широко распространенная в казачьих станицах песня «Из-за леса, леса копей и мечей вышла сотня казаков-усачей», возвеличивающая удаль казачества, принадлежит Ю. Беляеву. Патриотическая песня «Ой, да вспомним, братцы мы кубанцы» написана О. Степиным. Популярные в среде казачества песни «Под ракитую зеленой русский раненый лежал» и «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой» созданы Н. Веревкиным. Заметный вклад в казачьем фольклоре оставил поэт Е.П. Гребенка, стихи которого нередко превращались в народные песни: «Поехал далеко казак на чужбину», «Помню, я еще малодушкой была», «В вечеру ли я стояла у ворот».

По характеру среди песен с воинской тематикой существует два типа: либо напевные, либо – бодрого, маршевого характера. Многие из солдатских и казачьих песен выполняли функцию строевых, поддерживая походный шаг воинского отряда [8].

Интересный исторический материал содержится в *частушках*, припевках и страданиях, сформированных из разных первоисточков. Некоторые из них отражают разные периоды новой русской истории.

Во время революции, гражданской войны, разрухи появились припевки, отражающие события и жизненные обстоятельства того беспокойного времени. Особенно популярны были матросские частушки «Яблочко».

Политические игры были непонятны широкому населению России, поэтому в частушке взаимоотношения вождей приравнялись к базарному торгу: Ленин Троцкому сказал:

Пойдем, Троцкий, на вокзал.
Купим лошадь карию –
Накормим пролетарию.

Годы колхозного хозяйствования находят живой отклик в частушках, причем отмечаются нередко негативные стороны навязанных крестьянству преобразований.

Мне бы Сталина увидеть,
Я скажу ему в глаза:
Раньше было три коровы –
А сейчас одна коза.

Встречаются в словах частушек и одобрительные оценки происходивших в годы сталинских «пятилеток» общественных изменений:

Рассыпался горох
На четыре части.
Весело плясать и петь
При советской власти!

Интересы и вкусы молодежи ясно проступают в припевках, посвященных изменениям в моде:

Распустил бессовестный
Челочку стилижную
Распускаются глаза
У трепача на каждую.

Много частушек и страданий было создано в годы Великой Отечественной войны. В них наряду с сатирическими мотивами в адрес Гитлера затрагиваются волнующие всех темы любви, разлуки, страшных последствий вражды между странами:

Самолет, зелены крылья,
Ты лети в Германию,
Пробей каменную стену,
Где мой милый у плену.

Важные для народа события послевоенных лет также попали в поле внимания частушечников. Появляется серия припевок о космосе, о космонавтах.

Фошеватовские песни
Уж звенят по всей стране.
Мы попросим космонавтов,
Чтоб их спели на земле.

Много шуточных припевок родилось вовремя так называемой «перестройки» и «ускорения» в период правления М.С. Горбачева:

Перестройка – мать родная,
Хозрасчет – отец родной,
Не нужна родня такая –
Лучше буду сиротой.

В припевках и страданиях затрагиваются темы, волнующие разные социальные группы общества, представителей разных полов и возрастов (женские, детские, мужские).

Припевки в определенной местности содержат некоторые свои характерные поэтические образы, связанные с особенностями местного быта, условий жизни.

Нередко в частушках содержатся особенности местного говора, диалекта [9].

2. Сохранение и трансляция наследия музыкального народного творчества на Ставрополье

Становление исполнительской традиции в русском народном песенном творчестве происходило в результате естественного, эволюционного развития жанровой системы и стилистики обрядового и бытового пения. Предпосылки этого становления видны в сочетании и взаимодействии форм коллективного и индивидуального творчества.

Народная педагогика, народное воспитание, народная мудрость, народное творчество, традиционная культура составляют мощный пласт человеческой деятельности, знаний и культуры. Музыкальный фольклор несет в себе концентрированный духовный заряд многих поколений, который накапливается веками.

Особенно важны этно-идентифицирующая и коммуникативная функции музыкального фольклора, позволяющие ретранслировать духовные ценности этноса, создавая так называемый «жанровый фонд этноса», и осуществляя тем самым функции сохранения, воспитания и формирования этно-идентифицирующих признаков.

Ставрополье сформировалось как край переселенцев – казачьих и крестьянских. Культура Ставрополья – это перекресток северорусской, южно-русской, западно-русской, украинской, казачьей и горской национальных традиций.

При обживании территории Ставрополья пришлым населением сохранились многообразные традиции переселенцев,

приспособление которых к новым жизненным условиям и историческим реалиям, а также их смешение с народами Кавказа формировали многообразие новых синкретических типов традиционной культуры. Особенно это отразилось в культурной жизни сельского населения Ставрополя, заселенного как выходцами из Центрального Черноземья и Восточной Украины, так и переселенцами с казачьего Терека. Основную часть населения составляли бывшие жители Воронежской, Курской, Тамбовской и ряда других великорусских губерний, а также малороссийских: Харьковской, Черниговской и Полтавской.

Следует отметить, что история и эволюция народно-певческой культуры на Ставрополье заслуживает особого внимания, так как при постоянно меняющемся укладе жизни населения подвергаются изменению не только определенные жанры, но и исполнительская культура отдельных песен. Современные певцы не только возрождают песни своих прародителей, но и привносят в них свое понимание и отношение к содержанию.

В ряде народных песен, записанных в селах Ставрополя сохранились эпизоды, связанные с русскими старинными обрядовыми действиями и бытовыми зарисовками семейной жизни.

У всех славянских народов издревле зимние святочные вечера – от Рождества Христова до Крещения – были самыми почитаемыми и значительными. Люди верили, что чем щедрее и веселее будут они на этих праздниках, тем богаче будет новый урожай. С этой точки зрения интересной является песня «Щедрый вечер», исполняющаяся Р.Я. Пустовойт (записана О.В. Прокопенко (Башлай) в 1999 г. в с. Дербетовка Апанасенковского района). В ряженной толпе – румяный Дед Мороз с палкой, красавица Миланка-невеста, которую водят подружки с песнями и пожеланиями в Новогоднюю ночь к гостеприимным хозяевам:

1. Миланка ходыла,
Васильку просыла:
«Василька, мий батька,
Пусты мини в хату».

Припев:

Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.

2. Я жито не жала,
Честной юрист держала,
Златую кадилъницу,
Серебряну тарильницу.

Припев:

Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.

3. Кадитыся, люди,
До вас Христос будэ.
Христа, люди славьте,
А нам калач дайте.

Припев:

Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.

Весь обряд строится на взаимоотношениях: хозяева – гости, гости – хозяева.

– Хозяйка, пусти миланковать!

– Заходите, милости просим!

– Нет, уже не обижайте, в дом проходите! И т. д. [10].

Также характерны свадебные песни. Например, в песне «Несахарная», записанной в с. Александрии, раскрывается основная драматургия свадебного «действия» – просьба невесты выбрать «молодого» «удалого» жениха:

Ой, чтоб своей младенцкою чистотою.

Ой, лели и, ели, ели чистотою.

Ой, чтоб не стыдно мне к батюшке в гости ездить.

Ой, лели и, ели, ели в гости ездить.

В песне «Черна галушка» звучит просьба девушки к своему нелюбимому жениху (выбор происходил по воле родителей) отпустить ее на волю. Просьба девушки выражается в метафорической форме – в виде обращения невесты-галушки к жениху-соколику.

Традиция проводов и встречи «свадебного поезда» хорошо показана в песне, исполняемой ансамблем «Селяночка» (с. Александрия), – «По улице, по широкой, Поезд проезжа(а)е». Жених в сопровождении дружки и родственников едет к дому невесты.

Выкуп невесты происходил в шуточной форме, сценарий строился на том, что плата за невесту была отдельной, как бы за

каждую ее часть: за косу, за брови, за румяны щеки и т.д. Примером является песня «Коса наша, девка ваша». После выкупа невеста осознает, что ей нужно проститься с родным домом. По этому поводу у нее печаль – это прослеживается в песне «Груша»:

Как расплакалася А...нушка, да
Разрыдалась дочь Максимов(ы)на.
Перед своим родным ба...тюшкой, да
Перед своей родной мамушкой.

Использование в песне обрывов слов помогает передать переживание, волнение невесты.

Примером шутки в свадебном обряде является песня «Дружка» – укорительная над дружкой жениха. В песне гости шутливо посмеиваются над неопрятным внешним видом жениха: «Как у нашего дружка, Тай кулем(ы) шуба шита».

Дома у жениха исполняется величальная песня «У Ивана во дворе», характеризующая положительные качества жениха и обустроенный быт его семьи [11].

Как уже было отмечено, на Ставрополье развитие музыкального регионального фольклора шло в результате взаимодействия различных групп переселенцев между собой, а также с казаками. Особенно ярко это проявилось в песенном творчестве сельских районов Ставрополья.

Например, песня «У Ивана во дворе» (записана О.В. Прокопенко (Башлай) в 2007 г.) свадебного жанра попала в с. Александрия Благодарненского района, по всей вероятности, из Воронежской губернии, граничащей с Харьковской.

Контакты переселенцев с казаками нашли отражение в тексте:

Только ходит, дай гуляеть,
Дай Владимир с казаками...
Дай с донскими казаками.

Географическое положение Воронежской губернии с протекающим по ней Доном помогает понять, почему в песне, бытующей сегодня в с. Александрия, используется данный текст. Важно отметить, что не смотря на южно-русское происхождение песни, произношение окончания преимущественно украинское – «гуляеть», указывающее на близость места происхождения песни к Украине [12].

Также интересно музыкальное наследие казаков-некрасовцев, вернувшихся из Турции в Россию. Их последняя группа переехала в Россию и поселилась в Левокумском районе Ставропольского края в 1962 г. (в поселках Новокумский и Бургун-Маджары).

На чужбине некрасовцы сохранили многие ценности традиционной русской культуры, которые к моменту возвращения казаков почти уже исчезли на родине или сильно изменились.

Основой их творческой деятельности стала история и память. В настоящее время благодаря некрасовцам мы знакомимся с преданиями об Игнате Некрасове и донских казаках, историческими песнями, былинами, карагодными и крыловыми песнями, сердцебитными (плясовыми), шуточными, пригудками, беседными, духовными стихами.

Детей воспитывали в почитании родителей:

... Почитать родную первым должен мать.

Почитать родителей, дать душе покой,

Бог благословит вас в жизни всей земной!

В духовных стихах красной нитью проходит забота о родине – земле русской:

«Спаси Господи, помилуй государство Российское

И сохрани его на многие лета!»

Исторические песни некрасовцев раскрывают образ Игната Некрасова – справедливого борца за свободу, тему расставания с Россией. Они повествуют о самых сокровенных надеждах и чаяниях их создателей. Большинство песен рассказывают о желании Игната вернуться на Дон и поднять казаков и крестьян на восстание против крепостников, взять царя в плен, а царицу сослать в монастырь. В их числе следует отметить: «Не заря, заря занималась», «На заре – то было на зорюшке», «Вдоль по реченьке», «Не туман-то, туман со синя моря спо-дымался», «Что при вышнем было, при высоком при кургане», «Разбивал младенец бел – тонки шатры».

Былинные песни некрасовцев можно услышать на свадьбе или просто на гулянии. В отличие от северных былин некрасовские былины усечены в объеме. Жанр былин более всего отвечал героической деятельности казачества. Былинные образы богатырей, их беззаветное служение родине – являли для казаков примером храбрости, отваги и в борьбе с врагами. К

отличительным особенностям некрасовских былин нужно отнести прием контаминации – объединение в одной песне двух разных сюжетов («Ай, у князя, у Князя Владимира»).

Необычны по звучанию, распевам являются *карагодные песни*. Исполнялись они по кругу («по солнцу»), плавно.

Более подвижные по сравнению с карагодными являются *крыловые песни*, которые по форме исполнения напоминают старинную игру «Холотые воротца», через которые должна пройти целая вереница играющих. Каждый исполнитель показывает при этом пластику, гибкость.

Также для некрасовцев характерны *ночные песни*, которые сохранили элементы повседневной хозяйственной жизни. Их исполняли, когда убирали солому. Днем солому трудно было убирать, очень кололась. Поэтому убирали ночью, т.к. в это время она становилась мягче. А чтобы не заснуть, пели песни.

Интересны по содержанию и мелодике *беседные песни*, которые включают в себя ряд старинных баллад и романсов («Ходила я, девочка по мясошкы») [13].

С начала XX в. в культуру Ставрополя стали проникать элементы народно-революционных песенных традиций. Исследователь В.М. Забелин отметил, что в Ставропольской губернии в годы Первой русской революции 1905 – 1907 гг. большое распространение в народной культуре получили революционные песни [14].

Особый размах революционная тематика народно-песенного творчества приобрела в годы революции 1917 г. и Гражданской войны. Эти события нашли отражение в песне «Как на наших полях»:

Как под этой вербой солдат бытай лежал.

Он убитыми убит сильно ранинай.

Изменение народного быта, трагедии братоубийства, рассказывания и раскулачивания, коллективизация стали основой тематики народной песни, а также одним из фундаментальных элементов новой советской культуры. Некоторые изменения в песенной культуре после Октябрьской революции и теперь сохраняются в памяти старшего поколения. Примером является песня «На коне вороном» ст-цы Григорополисской Новоалександровского района (записана О.В. Прокопенко (Башлай) в 2007 г.):

На коне вороном
Приезжал партизан,
Э-ой, сабля острая с ним,
Две гранаты, наган.

Анализируя записи народных песен, необходимо понять мотивационные предпосылки, побудившие народных певцов к импровизации подголосков в многоголосном распеве песни. Очевидным становится факт особого состояния исполнителей, объединенных вдохновением созидательного творческого порыва, продиктованного коллективным переживанием музыкально-поэтического содержания песни и глубоким проникновением в ее подтекст. Видимо речь идет об эстетической оценке певцами своего творения. Найденный в импровизационном интонировании оптимальный вариант художественного воплощения идейно-образного воплощения идейно-образного смысла песни вызывает у певцов эмоциональный всплеск и ощущение особого удовольствия от достигнутого результата. Запоминаются и впоследствии воспроизводятся как эталон возникшие спонтанно удачные интонационно-ритмические обороты, слоговые распевы, вокальные приемы, выразительно звучащие гармонические созвучия. Процесс подобного рода изначально коммуникативен, так как он происходит в творческом общении его участников посредством пения [15].

Наряду с положительными тенденциями в сохранении и развитии народного творчества наблюдаются отдельные отрицательные моменты. Современное состояние музыкального фольклора обусловлено отдалением от традиций устного творчества и развития в сторону исполнительского фольклоризма, опирающегося на закономерности письменных форм существования и распространения. Исполнители, имитируя музыкальные диалекты, варианты напевов и подголосков песен заучивают наизусть. В результате в певческом исполнительстве теряется естественность и выразительность живой интонации музыкально-поэтической речи.

Выводы

В целом материалы фольклорных экспедиций, проводившихся в сельских районах Ставрополя, свидетельствуют о том, что в новых географических и исторических условиях изменению больше подвергается напев, чем текст. Таким образом, традиционная

культура Ставрополя складывалась на протяжении всей истории русского народа (более тысячи лет). В современном региональном народном творчестве совмещаются культурные напластования разных времен и эпох. Музыкальный фольклор как многомерное явление выполняет социально значимые для общества задачи, способствуя сохранению и дальнейшему развитию нации [16].

Старинные песни в селах региона сохраняются и транслируются в основном в трех вариантах: 1) носителями фольклорного наследия являются старожилы сел (пожилые люди); 2) сохранение музыкального фольклора связано с деятельностью сельских самодеятельных ансамблей (например, «Селяночка» и др.); 3) музыкальное народное наследие фиксируется в процессе деятельности по сбору фольклора в сельских районах края этнографических (фольклорных) экспедиций.

Вопросы для самопроверки

1. Объясните, почему музыкальный фольклор является формой сохранения и трансляции историко-культурного наследия?
2. Перечислите жанры музыкального фольклора, в которых отразились события из различных периодов истории России?
3. Объясните, почему в фольклористике русскую традиционную песню называют крестьянской?
4. Охарактеризуйте, особенности казачьего фольклора?
5. Объясните значение городской песни как транслятора историко-культурного наследия?
6. Какие исторические события отразились в песнях с военной тематикой?
7. Объясните значение частушки как транслятора историко-культурного наследия?
8. Каковы особенности сохранения и трансляции наследия музыкального народного творчества на Ставрополье?
9. Перечислите и охарактеризуйте используемые в фольклористике на Ставрополье варианты старинных русских песен?

Литература

1. Аникин В.П. Устное народное творчество: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – С. 18.

2. Ткаченко П. Кубанские обряды. – Краснодар: Традиция, 2010. – С. 3–4.

3. Егорова И.Л. Исполнительский стиль Лидии Руслановой. – Саратов: Изд-во Саратовской консерватории имени Л.В. Собинова, 2010. – С. 10–11.

4. Щуров В.М. Жанры русского музыкального фольклора. Учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. В двух частях. 1 часть. История, бытование, музыкально-поэтические особенности. – М.: Музыка, 2007. – С. 211–213.

5. Там же. – С. 215.

6. Там же. – С. 216–219.

7. Там же. – С. 221–222.

8. Там же. – С. 245–265.

9. Там же. – С. 286–295.

10. Башлай О.В. Исполнительские традиции в русском народном творчестве Ставрополя по материалам аутентичных ансамблей // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 4. – Нальчик, 2015. – С. 7–8.

11. Прокопенко (Башлай) О.В. Актуализация функциональности музыкального фольклора по материалам народного ансамбля с. Александрия Ставропольского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12 (62). Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 134.

12. Башлай О.В. Исполнительские традиции в русском народном творчестве... – С. 6–9.

13. Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев. Учебное пособие. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 3–5.

14. Забелин В.М. Благодарненский уезд в революции 1905–1907 гг. – Ставрополь: СГСХА, 1997. – С.15.

15. Егорова И.Л. Указ. соч. – С. 91.

16. Башлай О.В. Указ. соч. – С. 8–10; она же. Некоторые особенности национальных традиций и фольклорных обрядов славянского населения Ставрополя // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 7. – Ставрополь: Ставролит, 2015. – С. 99–101.

X. ФОТОДОКУМЕНТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. КАК ТРАНСЛЯТОР КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

План

1. Фотография в деле сохранения и трансляции историко-культурного наследия.
2. Развитие фотодела в России во второй половине XIX в.
3. Фотодокументы конца XIX – начала XX в. как транслятор культурно-исторического наследия.
4. Развитие фотодела в 20 – 30-е гг. XX в.

1. Фотография в деле сохранения и трансляции историко-культурного наследия

Фотография является методом исследования и одновременно способом документирования, выполняя также информационную функцию. Результатом применения научно разработанных методов и средств являются визуальные изображения, то есть фотодокументы, значение которых определяется задачами их создания и объектами изображений. Научные явления, исторические события и человек в контексте этих событий, материальные предметы и объекты древнего и современного происхождения имеют бытовое, художественное и исследовательское значение.

Актуальность культурологического подхода к исследованию проблем фотоискусства обусловлена тем статусом, который приобрела фотография в современную эпоху. Она прочно утвердилась и как вид художественного творчества, и как технический феномен, и как форма масс-медиа, сохраняющая и транслирующая культурно-исторический опыт. У современных художников она вызывает устойчивый интерес, поскольку создает новый способ отношения к реальности, а исследователей-культурологов интересуют проблемы ее связи с общественным и культурным сознанием и теми изменениями, которые она приносит в нашу жизнь. Современная фотография стала полноправным явлением культуры. Она имеет свойство отражать ту степень сознания, которая превалирует в данное время в обществе. Фотохудожник впитывает в себя все, что происходит в

обществе и культуре, и его работы раскрывают многие проблемы. В фотографии отражаются все типичные черты культуры XX века: дискретность, прерывность, условность.

В формировании историко-археологического наследия значительная роль отводится фотографическому методу, служащему визуальным способом сохранения информации во времени. Фотоархив – это, с одной стороны, собрание объектов наглядно-выраженной исторической памяти, с другой, – самостоятельный объект изучения. Целенаправленное исследование документов по истории, археологии и культуре народов, населяющих Предкавказье, в настоящее время особенно актуально. В условиях развития современного общества достаточно быстро исчезают и археологические памятники, и характерные черты традиционной культуры, а фотодокументы и музейные экспонаты зачастую остаются единственными свидетелями былых времен. Следует учесть и тот факт, что фотографические негативы и отпечатки постепенно «стареют», утрачивая первоначальное качество, вплоть до полного исчезновения изображения. В настоящее время продлить срок хранения документов может применение новых технологий, в частности, сканирование и последующая запись на электронные носители [1].

2. Развитие фотодела в России во второй половине XIX в.

Благодаря тому, что Российская (Петербургская) Академия наук постоянно следила за развитием науки и техники в европейских странах, в России с фотографией познакомились в год ее изобретения. Известно, что самые первые фотокамеры (дагерротипный прибор) появились в России в 1840 году (т.е. на следующий год, после изобретения фотографии). Их начал производить А. Греков.

В связи с успешным развитием фотоискусства с 50-х гг. XIX века фотография появляется в провинциальных городах. В данный период представители фотоискусства появляются на территории Ставрополя и Терской области. Это связано с визитом на Кавминводы родоначальника русской фотографии С.Л. Левицкого.

В 1843 году была организована правительственная научно-исследовательская комиссия для поездки в города Пятигорск и Кисловодск с целью изучения физико-химических свойств лечебных

минеральных вод. Левицкого включили в состав этой комиссии в качестве секретаря. В составе комиссии был и учёный-химик К.Ф. Фришше, которого в 1839 году Российская Академия наук направляла в Европу для изучения фотографии и возможности её использования в помощь науке. Проявляемый Левицким интерес к фотографии сблизил его в этой экспедиции с Фришше. Из Парижа Фришше привёз лучший по тем временам аппарат с объективом оптика, созданным В. Шевалье (французский фотограф). С помощью этого аппарата С.Л. Левицкий сделал несколько дагерротипов с видами гор Бештау и Машук, а также с ландшафтами Пятигорска и Кисловодска. Эти исторические дагерротипы появились всего лишь через 2 года после трагической гибели М.Ю. Лермонтова на Машуке [2]. Часть художественно выполненных кавказских дагерротипов попала в Париж к В. Шевалье.

К середине 60-х годов XIX в. увлечение фотографией в России смогло вовлечь в свои ряды такое количество энтузиастов, что некоторые критики стали усматривать в этом угрозу живописи. Размах развития фотографии в России конца XIX века показывает Всероссийская фотографическая выставка, проходившая в Москве в 1889 году, которая была посвящена пятидесятилетнему юбилею светописы. На выставке были представлены работы многих видных российских фотографов.

Одними из наиболее ранних изображений, представленных на выставке, являются отпечатки 1860-х гг., созданные фотографами Военно-топографического отдела Кавказского военного округа вскоре после завершения Кавказской войны (1817–1864 гг.). Кроме непосредственно военных и стратегически важных объектов (мосты, тоннели, артиллерийский парк), фотографы снимали характерные портреты местных жителей, горные виды и исторические места, такие как аул Гуниб – место пленения предводителя кавказских горцев Шамиля [3].

В 1870-е гг. коллодионный процесс заменяется желатиновым, изобретенным английским врачом Р.Л. Меддоксом, что позволило повысить светочувствительность фотографических материалов и начать использование длительно сохранявшихся пластинок, а позже – пленок и бумаг. В 1877 г. русский изобретатель Л.В. Варнерке создал фотоаппарат для съемки на гибком материале и специальную «пленку». Тем не менее, стеклянные

пластины использовались до середины 1920-х гг., что подтверждается материалами, хранящимися в фотоархивах.

Вокруг С.Л. Левицкого группировалось целое поколение русских фотографов. Был среди них Григорий Иванович Раев. Сегодня в Ставропольском краеведческом музее хранится около 300 уникальных фотографий Раева. Это снимки Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод, заповедные уголки Кавказа, этнографические снимки. Четыре золотых и девять серебряных медалей завоевали его работы на международных фотовыставках. На родине фотографии, во Франции, он был удостоен ордена Почетного легиона. Начав трудовую деятельность в фотоателье А. Энгеля в Пятигорске (сын солдата охранной роты Кисловодской крепости), он затем открыл собственное заведение. Здесь он применил изобретение Левицкого – фотографирование при магниевой вспышке и электрическом освещении. Раевские фотоснимки Ставрополя послужили основой нескольких наборов литографических открыток, изготовленных в городах: Ставрополе, Санкт-Петербурге, Стокгольме [4].

Григорий Иванович много путешествовал. Он объездил много городов, весь Кавказ, Черноморское побережье, Крым. Был в Прибалтике. Часто ездил в Москву за фотоматериалом. Его фотографии видов городов Кавказа, Крыма, Военно-Осетинской, Военно-Грузинской и Военно-Сухумской дорог неоднократно печатались на открытках и в маленьких альбомах большими тиражами и до сих пор остаются шедевром русской фотографии [5].

Трудовой стаж Раева насчитывает 76 лет. Начался он в 1877 году. Когда 14 летний Гриша Раев поступил в подмастерье к пятигорскому фотографу А. Энгелю. Первое фото – заказ Дирекции КМВ сфотографировать домик Лермонтова. Исторически первый снимок Г.И. Раева – «Домик Лермонтова» запечатлен таким, каким он был в конце 70-х годов XIX века. Лермонтовская тема стала одним из главных направлений в его творчестве. Он запечатлел для потомков места, связанные с пребыванием великого поэта на Кавминводах. Г.И. Раеву принадлежат многие уникальные работы, связанные с памятью о М.Ю. Лермонтове. В 1881 г. ему удалось зафиксировать для истории, как в Пятигорске отмечали сорокалетие со дня гибели поэта, а в 1889 г. поднявшись на Спасский собор, он снял оттуда открытие первого в России памятника М.Ю. Лермонтова. Среди его фотографий, кроме отмеченного фото «Домика

Лермонтова», снимки места роковой дуэли у подножия Машука, других памятных мест, воспетых некогда автором «Героя» и «Демона» [6].

В 1889 году он получил «Свидетельство № 3005», разрешающее заниматься фотографическим делом во всех местностях Терской области. Г. Раев приобрел ателье Энгеля, открыл свои ателье в Пятигорске и Кисловодске. Одновременно он совершенствует свое мастерство у лучших фотографов в Армавире, Ростове, Москве, Петербурге, Мюнхене и других городах. В период с 1909 по 1918 гг. Раев содержал во всех городах Кавминвод свои фотоателье, где работали его ученики [7].

Свои фотоснимки Раев вначале издавал типографским способом во «Всемирном почтовом союзе России» в виде почтовых открыток, а позднее, путешествуя за границей, он устанавливает знакомство с издателями и начинает печатать открытки и альбомы в Германии, Швеции, Швейцарии.

В Пятигорском музее хранится письмо из Берлина от 14 октября 1911 года господину Раеву: «Чсть имеем выслать вам напечатанными книжки образцов своих открытых писем, специально исполненных по фотографиям, нам присланным», а внизу Раев приписал химическим карандашом: «Моя фирма празднует в этом году 25-летний юбилей. Самая большая коллекция видов у меня и прошла массу изданий».

И все-таки именно снимки природы принесли фотографу широкую известность на родине и за рубежом. Его и прозвали «певцом Кавказа».

Ценность и художественность фотоснимков Раева была признана на фотовыставках. Первую награду – серебряную медаль от Императорского русского технического общества – он получил в 1888 году.

Несколько видов фотоальбомов, воспроизводящих красоты буквально всех живописных уголков Кавказа, виды Ставрополя и городов Кавказских Минеральных Вод, сотни сюжетов видовых открыток, а также их коллекция из 200 штук «исполненных способом фототипии и ручной краской», весьма модные в ту пору стереоскопические фотографии с объёмным зрительным эффектом – всё это свободно и по умеренным ценам можно было приобрести в мастерской Раева или выписать по почте на свой адрес [8].

Открытки, посвященные Кавказским Минеральным Водам, стали выходить в свет на рубеже XIX и XX веков, когда их изданием с энтузиазмом занималось множество российских и иностранных фирм и предпринимателей. Печатались они в России и за ее пределами, например, в Германии и Швеции. Как правило, печаталась такая продукция в черно-белом виде, реже – в виде цветных репродукций. Открытки представляли собой виды всех достопримечательностей городов-курортов, включая ближние и дальние окрестности – вплоть до самого Эльбруса. К услугам отдыхающих было великое множество фотографий с видами Кавказа, но самым большим успехом пользовался жанр открыток сувенирных. Сувенир – в переводе с французского языка означает воспоминание о чем-то. Фотохудожники старались передать ту атмосферу, которая царила на Водах, отразить в забавном, а иногда и в откровенно карикатурном виде особенности курортной жизни. Несколько таких образцов сохранилось в коллекции Лермонтовского музея в Пятигорске. Как правило, обратная сторона открыток предназначалась для короткой записки – повествования о всяких житейских мелочах.

Следует отметить, что на открытках и фотографиях Кавказских Минеральных Вод того времени указаны: фамилия автора и название работы. Фотографии наклеивались на картонные бланки, на которых указывались фамилия с инициалами автора, название работы, а также наименование фирмы и местонахождение ателье: «Кисловодск в недалеком будущем. Фонтан и гостиницы»; «Издание И. Александровича (Кисловодск)»; «Кисловодск. Источник Нарзан»; «Издание фотографа Г.И. Раева»; «Привет из Пятигорска»; «Вид на Лермонтовскую галерею»; «Издание фотографа Г.И. Раева» и т. п.

К известным местным фотомастерам, работавшим над темой Кавказских Минеральных Вод, относились, помимо Г. Раева и И. Александровича, Ф. Гадаев, А. Энгель, Д. Ермаков, Ф. Маркс, Г. Третьяков, И. Ланге, Н. Трегубов и др. [9].

Во второй половине XIX века широкое распространение получила жанровая фотография, которая способствовала возникновению фотостудий и фотоателье в Ставрополе и в городах Кавказских Минеральных Вод. Значительную роль в зарождении жанровой фотографии принадлежит Г.И. Раеву, который за снимок Эльбруса был удостоен серебряной медали

Русского географического общества, французского ордена Почётного Легиона, серебряной медали Русского технического общества и др. наград [10].

3. Фотодокументы конца XIX – начала XX в. как исторический источник

Фотографирование удешевилось, стало более доступным для широких кругов профессионалов и любителей. В Ставрополе, Кисловодске, Пятигорске, Екатеринодаре, Владикавказе открываются портретные фотоателье (или «фотографии» как их еще называли), позже в селах и станицах – временные фотографические заведения. Быстрота изготовления, тиражность и дешевизна снимков, по сравнению с рисованными миниатюрами, способствовали доступности автопортрета всем социальным слоям: наряду с членами дворянских фамилий, заказчиками были мещане, чиновники, крестьяне [11].

«Фотографии» представляли собой помещение, обставленное декоративной мебелью, со стеклянным потолком и стеной. Поэтому их иногда называли «стеклянным павильоном». Остальные стены обклеивались обоями разных тонов. На столиках для съёмки лежали всякие безделушки (искусственные цветы, книги, шкатулки, зеркальца и т.п.). Иногда посетители привозили для съёмки собственные вещи. Фотографы выполняли в студиях самые разнообразные виды работ: изготовление индивидуальных, парных, групповых фотопортретов, увеличение портретов до желаемой величины, фотографии на стекле, ретушь.

Иногда приходилось «ретушировать» самого клиента, чтобы выявить одни черты и сгладить другие – впалые щеки набивали ватой, оттопыренные уши приклеивали к голове воском. Посетителя усаживали в кресло с подлокотниками, к спинке которого обязательно крепился конфгалгер – специальное устройство, с помощью которого закрепляли голову в неподвижном положении – иначе нельзя было получить четкое изображение при длительных выдержках. Когда не хватало освещения, пудрили мелом лоб, щеки, нос, подбородок, кисти рук модели. Светлую одежду в период выдержки прикрывали на некоторое время кусочками черного бархата – так выравнивали интервал яркостей [12].

Павильоны и фотоателье обычно украшались узорчатой драпировкой, имелось несколько переносных фонов в виде больших щитов с обоями разного цвета и рисунков. На ставропольских фотопортретах встречаются обои с морской и горной тематикой.

Весьма популярны были у посетителей ставропольских фотоателье парковые пейзажи с использованием бутафорских балюстрад и балясин, а также сложенных из ландшафтного дерева стульчиков и заборчиков, напоминающих сельские завалинки.

Непременными атрибутами ателье были столы, диваны и кресла. Существуют групповые портреты, например, снимок мещанской семьи за чтением газеты. Детей можно увидеть в окружении цветов, с куклами и на велосипеде. Некоторые посетители приносили с собой собственные вещи. Дамы фотографировались с сумочками и веерами, домашними животными; кавалеры – с папиросами и бокалами налитого вина.

С помощью специальных держателей, прикрепленных к креслу, фиксировалась голова фотографируемого. Труднее было с детьми, которые не выдерживали долгого неподвижного сидения. На фотографии, хранящейся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея – заповедника им Г.Н. Прозрителева, Г.К. Пправе, малыш повидимому устал позировать фотографу, поэтому фотография получилась чуть смазанной.

Там же в фондах СГКМЗ имеется фотография казака, сидящего на коне из станицы Эссентукской, где мастерски отретуширована фигура другого казака, держащего лошадь под узды (он сливается с лиственной изгородью на втором плане). Это лишний раз подтверждает изобретательность фотографов того времени.

Освещение в павильоне было мягким, без излишнего контраста, что позволяло получать портреты с тонкими тональными переходами от фона. Прослеживается следующая тенденция: посетителей в светлой одежде старались снимать на темном фоне, или, наоборот, в темной одежде – на светлом фоне. Когда же хватало освещения, пудрили мелом лоб, щеки, нос, подбородок, кисти рук модели [13].

Архивные документы свидетельствуют о довольно сложной процедуре открытия в городах Северного Кавказа новых

фотоателье. Желаящий открыть постоянное фотоателье должен был написать прошение в губернскую канцелярию на имя губернатора. Из канцелярии направлялись запросы в жандармское управление и ставропольскому полицмейстеру о нравственных качествах, поведении и политической благонадежности просителя. При получении благополучного отзыва губернатором выдавалось свидетельство на право «открыть фотографию... под личную ответственность за нарушение правил о фотографических заведениях». Свидетельство передавалось будущему владельцу через старшего городского полицмейстера и пристава под расписку, которая затем отправлялась в канцелярию губернатора.

После соблюдения всех формальностей, со свидетельством на руках, владелец фотоателье приступал к распространению информации о своем заведении. Для этого использовались различные виды рекламы.

Среди первых владельцев фотоателье были крестьяне, мещане, чиновники (Ф. Маркс, В. Свищев, Н. Дмитриев), хотя фотоделом увлекались также дворяне, купцы (С.И. Василевский, Г.И. Третьяков) и казаки (особенно в г. Екатеринодаре, Новороссийске и станицах Кубани). Ставропольский купец второй гильдии Г.И. Третьяков, в отличие от остальных фотографов, выписывавших фотоматериалы из Москвы и Санкт-Петербурга, имел собственный комиссионный склад фотопринадлежностей [14].

Фотографии наклеивались на картонные бланки, на которых указывались фамилия и инициалы мастера или наименование фирмы, а также местонахождение ателье: «Photographien. Mokin. Stavropol», «Н. Трегубов и К. Козлов. Ставрополь», «Фотография Госунова СМ. Поставщик Наместника его Императорского Величества на Кавказе. Ул. Воронцовская, 8, рядом с почтовой конторой. Удостоин высочайшей Благодати его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны». Кроме того, на картоне было принято изображать награды, полученные за снимки на российских и международных фотовыставках (если таковые имелись).

Первоначально главными темами фотографий являлись портреты и природа Кавказа. В конце XIX века тематика

фотографий значительно расширилась – появляются исторические сюжеты, портреты, дома дворян, купцов, простых горожан.

Развитие портретного жанра способствовало распространению изобретенной французским придворным Дисдери фотокарточки-визитки размером 6х8 см. С того времени появляется обычай обмениваться снимками и заводить почти в каждой семье фотоальбомы, которые считались домашней реликвией. Их передавали по наследству, пополняя новыми снимками.

Однако с первых лет своего существования фотография проявляла интерес не только к портрету, но и видовому жанру. Снимки такого рода встречаются уже у дагерротипистов (виды Пятигорска, Кисловодска, созданные С.Л. Левицким).

Также, внимание фотографов привлекали эпохальные события и рядовые эпизоды, архитектурные памятники городов и их окрестности, быт и занятия населения, транспорт: «Трапеза гимназисток», «Ставрополь. Вход в парк культуры и отдыха», «Окрестности г. Кисловодска. Водопад на р. Ольховке», «Ессентуки. Ванное здание имени Николая II». Серия фотографий дает представление об интерьерах и обстановке домов дворян, купцов, простых горожан. В начале XX в. создаются целые подборки фотографий, посвященных достопримечательностям курортов Кавминвод и городов Предкавказья. Например, такой сборник фото «Весь Грозный и его окрестности» был создан под редакцией Д. Приволжского в г. Владикавказе в 1914 г.

В конце XIX – начале XX в. тематика фотографий значительно расширилась – появляются исторические сюжеты: виды военных лагерей, портреты участников боевых операций («Хоперские казаки»). К сожалению, авторство большей части снимков установить практически невозможно, поскольку на них нет штампа фотографа с его именем.

В конце XIX в. особенно актуальной становится этнографическая съемка, в связи с появившейся необходимостью сохранить в памяти приметы уходящей эпохи. Фотографии запечатлели процессы, происходившие в Предкавказье после Кавказской войны. Например, такие фото как «Переселение казаков в Закубань после окончания Кавказской войны». Здесь зафиксированы интересные этнографические сведения: транспорт казаков (перевозка скарба на волах, обыденные костюмы казаков и др.).

Большое значение придается фиксации эпизодов из обыденной жизни населения Предкавказья (например, «Подворье кубанского казака», конец XIX в.; «Обед зажиточной казачьей семьи, 1909 г.») и кавказских праздников, например, «Черкесская свадьба. Аул Тугургой, 1909 г.». Такие фотографии являются важным источником по истории культуры местного населения: фиксируются обыденные и праздничные костюмы казаков и горцев (мужские, женские и детские), парадное оружие (шашки и кинжалы), особенности традиционной трапезы, внутреннее убранство комнат и др. Также фиксировалось и новое – необычное, не характерное для данного места. В качестве примера следует отметить фотографию «Первый мотоциклет ст. Васюринская, 1912 г.» [15].

Каждый из фотографов обладал своими, только ему присущими приемами в работе. Новаторским для 1890-х гг. был метод съемки Д.И. Ермакова – полные жизни бытовые сцены, снятые в ремесленных мастерских, на базарах и улицах Кавказа, отражают редкий репортажный талант фотографа, объединенного тонким художественным вкусом [16].

Сравнивая семейные фотографии различных слоев населения, можно увидеть различия во внешнем виде, одежде, материальном достатке, которые были присущи исключительно тому или иному сословию. Аналогичные фотографии городского и сельского слоев общества дают картину об эволюции института семьи. Как правило, фотография семьи сельского жителя демонстрирует сохранение семейных традиций, присутствие многих поколений родственников. Городские же семьи были малочисленны, но на семейных торжествах (на фотоснимках) присутствуют знакомые, сослуживцы, коллеги, друзья, ученики.

Помимо фотографий, снятых профессионально, сохранились снимки, сделанные неизвестными любителями. Такие фото значительно уступают профессиональным в качестве. Но есть и плюсы. Для исследователей повседневности – это возможность ознакомиться с жилищными условиями семьи, предметами обихода, утвари, мебели. Любители фотографировали в непринужденной домашней обстановке, за любимым занятием, на улице, в саду. Например, по фотопортрету мужчины с виолончелью, можно сделать вывод, что перед нами портрет музыканта [17].

В данный период была популярной стереоскопическая фотография, которая, воспроизводила изображение в трех измерениях. При рассмотрении стереоскопических картин садиться нужно было спиной к свету так, чтобы помещенный на специальную подставку снимок равномерно освещался. При этом создавался эффект объемности изображения. Существовала не только видовая, но и учебная стереофотография (Начальный курс географии из серии «Вокруг света», «География Западной Европы» и др.) [18].

Следует отметить, что контингент фотографов, работавших на Северном Кавказе, был достаточно разнородным. Наряду с известными художниками, фотографией занимались люди более низкого профессионального уровня. Типичный пример представляют собой воспоминания отдыхающего в г. Железноводске о характере фотододела на курортах Кавминвод: «... Фотографов на водах двое: Энгель и Патвакин. Энгель – прекрасный фотограф, и кавказские виды его отлично известны всюду. Патвакин, напротив, известен как виртуоз по части лишения у каждого снимающегося у него образа и подобия человеческого...» [19].

В начале XX в. на Ставрополье продолжается деятельность Г.И. Раева. Увлечение альпинизмом помогло ему впервые отснять северные склоны Главного кавказского хребта. Эта работа была связана с большими трудностями, так как фотографировать приходилось без увеличения, фотоаппарат – громоздкий, фотостекла – большие, фотоэмульсию приходилось готовить на месте. За снимок Эльбруса Русское географическое общество наградило мастера большой серебряной медалью.

Как фотографа Г.И. Раева приглашают снимать знаменательные события в истории КМВ и страны. Шаг за шагом фиксирует он на фотографиях портреты известных людей и местных жителей, посетителей курорта. Его авторитет как фотографа был очень высок. Ему доверяют снимать похоронную процессию Александра III.

В рамках своей деятельности он делал фоторепортажи, посвященные важным событиям в жизни города (выставки, экскурсии и др.). Сделав серию снимков представителей народов Кавказа, храмов, соборов, архитектурных сооружений, он внес заметный вклад в дело сохранения культуры [20].

Будучи членом Кавказского горного общества, Григорий Иванович сделал большой вклад (особенно своими фотографиями) в создание музея «Домик Лермонтова». В 1912 г. он стал первым директором музея [21].

Творческое наследие местных фотографов того времени поистине бесценно: их работы, отличающиеся большой выразительностью и высоким качеством изготовления, позволяют сегодня восстановить облик городов, сел и станиц «старого» Ставрополя, городов Терской области и «старой» Кубани, увидеть их историю и историю давно умерших поколений.

Второе направление развития фотодела, характерное для конца XIX – начала XX в. – *использование фотографии в научных археологических и этнографических изысканиях.*

Во второй половине XIX в. достижения в области фотографии привели к возникновению новых приемов, характерных только для этого вида искусства. С 1860-х гг. распространилась техника натурной фотосъемки. Этнографическая фотография второй половины XIX в. ставила перед собой цель достоверной фиксации народной жизни. В этот период возникает и репортажная съемка. В начале XX в. в работах фотомастеров еще ощущается влияние различных направлений в живописи, но в то же время возникает интерес к интерпретации форм реального мира и формируются принципы художественных решений, основанных на документальной сущности фотографий [22].

Фотографию во второй половине XIX в. стремились привлечь к своим изысканиям географы, этнографы, археологи, историки искусств, исследователи архитектуры. Значительных успехов достигло видовое и «жанровое» (этнографическое) фотографирование [23]. Произведения фотоискусства обычно «оценивали» в Русском географическом обществе и во время различных выставок.

В 1867 г. в Москве состоялась Всероссийская этнографическая выставка. К Политехнической выставке (1872 г.) в Москве был создан «Туркестанский альбом», который включал четыре части: 1) археологическую; 2) этнографическую; 3) промысловую и 4) историческую. Этот альбом, единственный в своем роде, наиболее полно представляет быт и занятия народов Туркестана.

В 1875 г. на Международной географической выставке в Париже наибольший успех имел Русский отдел, с множеством видовых и этнографических фотографий.

Фотография широко использовалась в археологии, о чем свидетельствуют фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН. В целом, за время деятельности Императорской археологической комиссии в архиве отложилось более ста тысяч отпечатков и негативов [24].

Использование фотографии привнесло новое, гораздо более высокое качество в изучение историко-археологического наследия. Со временем была признана ценность фотографии как источника информации. Основу творчества фотографов, так или иначе, составляли научные исследования, накопленная визуальная информация, их личные наблюдения.

С конца XIX в. археологи, работавшие на Северном Кавказе, включают в свою группу профессионального фотографа. Например, экспедиция В.М. Сысоева (1896 г. – раскопки Курджипского кургана), Н.И. Веселовского (раскопки и разведки), И.А. Владимирова (1900 г. – раскопки кургана на горе Брык) и др. Следует отметить, что в этот период складывается традиция фотографирования не только непосредственно места раскопок, но и прилегающей местности, т.е. возникает прообраз фиксации археологических памятников во время разведок. Идея возникает, видимо, под влиянием пейзажного варианта живописи [25].

В частности, в фотографическую документацию отчета о раскопках Курджипского кургана входят снимки видов станицы и «Раскопанной горы». В своей практике разведочных поездок фотографию использовал Н.И. Веселовский. Например, в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН хранится фото «гора Брык (вид с юга)», сделанный фотографом группы Н.И. Веселовского в 1899 г., во время посещения Султановского кургана [26].

В число фотоматериалов, дополняющих отчеты конца XIX – начала XX в., кроме выше отмеченных, следует выделить 4 основных варианта: 1) фото памятника; 2) изображение раскопа (как правило, в момент раскопок); 3) коллективный портрет участников экспедиций; 4) фото археологических находок.

Например, 1 вариант (вид кургана) присутствует в отчете В.М. Сысоева о раскопках Курджипского кургана. Однако не всегда фотографии фиксировали все стадии раскопок. Чаще всего присутствуют снимки памятника перед раскопками (или в

начальный период раскопок) и фазы расчистки выявленных конструкций [27].

В отдельных случаях вместо фото использовались рисунки памятника в технике акварели. В данном случае рисунки дополняют фотоснимки. Таким образом документируются раскопки Владимирова Султановского кургана на горе Брык. При этом на рисунках сделаны уточняющие пометки. На акварели «Гора Брык – [вид] с дороги» с помощью стрелки указано месторасположение кургана. Здесь же отмечено расстояние до Курсавки. На втором рисунке «Гора Брык» зафиксирована траншея (пробитая в кургане), методом которой раскапывался памятник. Подпись, сделанная художником, фиксирует дату раскопок – 7–9 июля 1900 г.

Чаще всего в отчетах присутствуют фотоснимки варианта 2 – изображение раскопа. Как правило, из-за громоздкости и примитивности аппаратуры фотограф выбирал место выше и несколько в стороне от места работы, для того чтобы, как можно шире охватить участок раскопа. В результате на снимках был запечатлен ход работ (рабочие показаны в динамике) и фрагментарные участки памятника. К сожалению, при этом многие детали опускались. Это связано с объективными и субъективными причинами: ограниченные возможности аппаратуры, отсутствие археологических навыков у фотографа и одновременно неумение со стороны лиц, возглавлявших раскопки, должным образом фиксировать все стадии исследования памятника.

В отчете В.М. Сысоева о раскопках Курджипского кургана присутствуют фото двух участков раскопа. На снимке запечатлена работа нескольких рабочих на отвале. В центре композиции – в нижней части раскопа зафиксированы две фигуры, обступившие с двух сторон (справа налево) выложенные на белую ткань (или бумагу) находки. Судя по динамическим признакам, руководитель раскопок В.М. Сысоев дает указания сотруднику экспедиции. При этом не видны особенности конструкции памятника и сами артефакты.

Сходна по композиционному решению подобная фотография из отчета Владимирова о раскопках подкурганного склепа на г. Брык. Двое рабочих занимаются расчисткой верхней части входа

пилонов входа в гробницу. Но в данном случае так же форма склепа не прослеживается.

Более профессионально выполнен другой снимок, зафиксировавший следующую стадию раскопок – завершение очистки камеры гробницы. Видны часть конструкции, особенности кладки стен, орнаментированные пилоны ворот. Для уточнения высоты памятника используется обычный прием, характерный для фотоизображений архитектурных объектов, – в центре композиции располагается статичная фигура человека. Его рост используется в качестве линейки.

Как уже отмечалось, еще одним обычным вариантом археологических фотоматериалов являются коллективные портреты – вариант 3. Основное их отличие от фото варианта 2 заключается в особенности композиционного решения. Фигуры статичны, располагаются сидя или стоя. Направление их взглядов совпадает с месторасположением фотоаппарата.

Типичным примером таких снимков является фотография группы Владимирова. Пять фигур размещены в 3 ряда. При этом наблюдается симметрия в размещении людей. Первый и второй ряды – стоячие фигуры. Второй ряд: центральная фигура – молодой рабочий зафиксирован в положении стоя; композицию добавляют две сидячие фигуры, развернутые по отношению к центру. Интересно, что все молодые работники стоят, а наиболее авторитетные представители экспедиции сфотографированы в сидячем положении. Справа налево сидят на плитах: руководитель раскопок Владимиров и наиболее пожилой (а значит для молодежи авторитетный) крестьянин.

Фото вариантов 2 и 3 дают нам дополнительную этнографическую информацию об инвентаре, которым раскапывались памятники – заступы или лопаты, о рабочей форме (рабочая одежда участников раскопок: длинные темные или чаще светлые рубахи; штаны, заправленные в сапоги; на голове картузы или конические шапки у крестьян и фуражки у казаков; у руководителей – белые сюртуки или рубашки; темные или серые брюки; на ногах сапоги или туфли; в качестве головного убора использовались плоские белые шляпы с широкими полями). На снимке у руководителя экспедиции, исследовавшей склеп на г. Брык И.А. Владимирова виден какой-то предмет, с помощью

вытянутой петли (ремешок или веревка?) надетый на шею. Предположительно это часы или компас, в любом случае, это предмет использовался в процессе раскопок в качестве технического инвентаря.

Отдельно в фотодокументации выделяются снимки варианта 4 – изображения находок. В отличие от всех выше отмеченных фотографий, данные фото, как правило, создавались не во время раскопок, а уже после таковых – в профессиональных лабораториях. Поэтому такие снимки более качественные – более четкие изображения, даже с элементом художественности. Наиболее излюбленный прием, использовавшийся для показа артефактов, – планшетное размещение находок. Предметы располагались в прямоугольнике планшета двумя способами: 1) крепились к деревянной основе при помощи проволочных крепежей; 2) раскладывались перед съемкой на бумажной или матерчатой основе.

Характерными особенностями планшетного варианта являются симметрия в расположении предметов и максимальное насыщение артефактами прямоугольника планшета. В качестве примеров таких планшетов следует отметить изображения находок Казбекского клада, собрание И.А. Владимирова артефактов у сел. Сенты, клад золотых изделий из Хасав-Юрта, коллекция средневековых украшений и оружия Вырубова из Чегемского округа, клад золотых изделий из Кудинетова и др. [28].

Таким же образом оформлялись археологические находки из памятников Ставрополя: собрание предметов из склепа на г. Брык, клад золотых и серебряных украшений из сел. Рогули и др.

В начале XX в., кроме археологии, фотография начинает применяться в краеведении. В частности, фотоизображения археологических находок появляются в региональных научных изданиях. Одним из первых стал использовать фотоснимки в своей научной деятельности Г.Н. Прозрителев. Например, фото двух боспорских монет и ряда пулов и дирхемов Золотой Орды, найденных на территории г. Маджар (г. Буденновск), были опубликованы в сборнике сведений «Северный Кавказ» под редакцией А.С. Собиеревского [29].

Ценнейшим источником, в том числе и при изучении исторического наследия Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX в. являются фотооткрытки, по сути, те же фотографии, но

выпущенные в свет массовым тиражом. Фотооткрытки становятся очень популярными в обществе. Это приводит к появлению в городах специальных магазинов по их продаже. В частности, такой павильон функционировал в парке курорта Железноводска. Видовые открытки, наиболее точно передающие изображение, отличаются особой информативностью. В начале XX в. на таких фото появляются памятники архитектуры. Особое внимание уделяется сооружениям церковной архитектуры.

В начале XX в. фотографии начинают использовать для реконструкции истории сооружения. В частности, в г. Ставрополь они привлекались для создания прообраза паспорта памятника и одновременно реставрационного отчета. В 1913 г. на Николаевском проспекте (проспект К. Маркса) начинаются работы по реконструкции церкви Спаса Нерукотворного. Согласно проекту от 19 ноября 1912 г. было принято решение сохранить неизменным фасад здания. В связи с этим была сделана серия фотоснимков, прослеживающих этот процесс. Для этого был сфотографирован план фасада церкви, утвержденный 21 июля 1838 г. Второй снимок документирует вид здания накануне ремонтных работ (снимок 8 мая 1913 г.). Третий снимок показывает результаты производимых работ (снимок 10 июня 1913 г.). Изображение доказывает, что фасад в ходе работ не был изменен [30]. Важно, что в настоящее время это здание перестроено и его первоначальный вид – фасад церкви сохранился только благодаря фотодокументам.

Опубликованные в начале XX в. фотографии памятников в отдельных случаях являются единственным свидетельством их существования. В честь императора – освободителя Александра II в России, в том числе на Северном Кавказе было сооружено огромное количество памятников. В годы Советской власти все они были уничтожены. Не сохранились такие памятники и на Ставрополье. Следует отметить единственное изображение обелиска с бюстом Александра II, возведенного в колонии Карасс (пос. Иноземцево), сохранившееся благодаря фото в курортном журнале [31].

Кроме исторических сооружений, связанных с историей императорской семьи и церковью разрушались археологические памятники. Благодаря тому, что некоторые из них были запечатлены на фотографиях конца XIX – начала XX в., мы можем судить о

времени их создания и культурной принадлежности. Например, целый ряд интересных памятников (в настоящее время не существующих) был сфотографирован известным кубанским ученым-краеведом Евгением Дмитриевичем Фелицыным на р. Уруп (в окрестностях современной ст. Преградной). К ним относятся: остатки древних христианских церквей, каменное антропоморфное изваяние, мусульманский мавзолей начала XIX в. [32].

3. Развитие фотодела в 20 – 30-е гг. XX в.

Поиски отечественных ученых в области фотодела не поддерживались царским правительством. В результате практически до 1917 г. фотопромышленность в России отсутствовала. Политические изменения в стране, связанные с Октябрьской революцией позволили сделать значительный шаг вперед в области фотографии. В предреволюционные годы фотодело в России оказалось на голодном пайке: I Мировая война прервала многие промышленные и торговые связи. Гражданская – усугубила положение. Лишь в конце 1917 г. начались перемены. Этому в особой мере способствовало подписание В.И. Лениным 27 августа 1919 г. декрета «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению». Эта дата считается отправной в истории советской фотографии [33].

В годы Гражданской войны советское изобразительное искусство, кинематография и фотография были направлены на служение делу победы большевиков. На территории, занятой войсками белой армии, точно также, фотографы освещали действия армии и городского управления в соответствующем идеологическом духе, в частности на Северном Кавказе – согласно интересам военизированного государства ВСЮР (Военные силы юга России).

В эти годы было положено начало советскому публицистическому фоторепортажу, ставшему главным ведущим видом советской художественной фотографии. Первые советские фотографии – летописцы революции – создали серии документальных снимков. В этих съемках участвовали фотографы, чья творческая деятельность началась задолго до революции [34].

В историю фотографии вошло творчество русских и советских фоторепортеров Карла, Александра и Виктора Буллов,

А. Савельева, П. Новицкого, Я. Штойнберга, А. Дорна и многих других, снимавших хронику событий 1917 г. В то время многие из хроникальных снимков были лишь оперативным репортажем, фотодокументами, но с течением времени они приобрели значение свидетельства времени.

С распространением научно-технического применения фотографии вопросу подготовки квалифицированных кадров стали уделять больше внимания. В 1918 г. в Петрограде был организован Высший институт фотографии и фототехники как учебное, научно-промышленное и культурно-просветительское учреждение. В 1923 г. на его основе был организован Ленинградский фотоинститут, в 1930 г. преобразованный в Ленинградский институт киноинженеров.

В 1918 г. в Петербурге был учрежден Государственный оптический институт (ГОИ), в тематику которого в 1926 г. была включена фотография.

Кроме специализированных высших учебных заведений появляются фотоархивы. В частности, отдел фотографических отпечатков возник при Российской государственной археологической комиссии.

После гражданской войны фотография развивается как массовое самодеятельное искусство. Способные молодые фотолюбители из фотокружков и клубов начали пополнять кадры фотокорреспондентов, сотрудников редакций газет и журналов. Повседневные связанные с печатью – газетами и журналами художественная фотография стала самым оперативным искусством, отражая жизнь социалистической страны, дела ума и рук трудового советского народа. Из числа советских фотолюбителей и фотографов-журналистов как старшего, так и молодого поколения выдвинулось немало талантливых художников, чьи имена и чьи лучшие снимки широко известны и в нашей стране, и за рубежом [35].

Фотодело развивается. Были разработаны принципы и технологии черно-белой и цветной фотографии. Совершенствованию фотографии во многом способствовало развитие за годы Советской власти отечественной оптико-механической промышленности.

В данное время, как и в предшествующий период, в творчестве фотохудожников нередко сказывались прямые влияния живописи, ее импрессионистского направления в частности. Например, мягкостью оптического рисунка фотографии стремились постичь поэтичности пейзажных снимков, обобщенности и образности портретов. Нежность тональных переходов или четкость графических линий приближали изображение к пастели, акварели, рисункам карандашом, углем и пр. Это свидетельствует о желании раскрыть богатейшие изобразительные традиции, заложенные в фотографии, показать, что творческий процесс предполагает преодоление автоматизма фотографической техники, химических процессов и пр.

Развиваясь во взаимосвязи с другими искусствами, фотоискусство не избежало и некоторых влияний формалистических школ. На смену классическим композициям и живописности фотоизображений в 20-е годы пришли необычные ракурсы, подчеркнутая динамичность рисунка, а порой и деформация привычных форм фигур и предметов. Но это не было прямым заимствованием опыта современных течений живописи – само новое искусство, своеобразие его техники и средств, естественно, вызывали у художников совершенно новые творческие идеи. Однако порой их «новаторство» сводилось всего лишь к изобретательности в сфере изобразительных построений. Подобные тенденции особо заметно проступили в творчестве таких фотохудожников, как Ласло Моголи-Надь (Германия), Ман Рей (Франция) и др. Подобные поиски для общего развития фотографии не всегда оказывались бесплодными. Особо энергично разрабатывая изобразительный ряд, фотохудожники помогали молодому искусству становится искусством самостоятельным, осознавали и развивали его собственные изобразительные средства [36].

Фотоматериалы 20–30-гг. (А. Родченко, Б. Игнатович, Е. Лангман, А. Скурихин, А. Шишкин и др.) демонстрирует феномен превращения хроникального документа, предметного мира в художественный образ через внутрикадровый монтаж, неожиданное сочетание элементов в кадре (например, конструктивистская фотография А. Родченко) [37].

Это обстоятельство обусловило стремительную интеграцию фотографии в сферу искусства. В то же время, в отличие от

литературы или изобразительного искусства, фотография была не способна отражать жизнь и ее событийную канву с высот исторической дистанции, будучи ограниченной требованиями сюжминутности, непосредственного контакта с действительностью.

Увлечение документальной стороной фотографии было обусловлено теми масштабными преобразованиями, которые происходили в нашей стране. Новое советское правительство хотело запечатлеть, актуально засвидетельствовать, отразить свои победы в деле мирного устройства (фоторепортажи о политических съездах, гигантских стройках, колхозном строительстве, портреты ударников производства и т.д.). Помочь в пропаганде своих успехов перед народом и всем остальным миром и должна была репортажная (по сути документальная) фотография. По фотографиям тех лет отчетливо заметно изменение социокультурных и идеологических доминант эпохи от 1920 к 1930-и годам [38]. В 30-е гг. фотография, как и кинематограф и средства массовой информации, содействует становлению культа личности «Вождя народов».

Работы фотомастеров 1920 – 1930-х гг. свидетельствуют о связи фотографии с идеологическими социальными доминантами эпохи, ее участие в политических и эстетических дискуссиях тех лет, в том числе и в противостоянии тоталитарной идеологии. Особую роль в этих процессах сыграло формирование «фирменных приемов»: наклон горизонтали и диагональная композиция, плотная «упаковка» кадра, крупная деталь на первом плане, родченковские ракурсы [39].

Развитие фотографии на Северном Кавказе, особенно на Ставрополье, связано с продолжением творческой деятельности Г.И. Раева.

В 1919 году Раев приобретает небольшой домик (№ 20) по ул. Теплосерной, в Пятигорске, куда и переносит свое фотоателье. В нем он снимал портреты, которые приносили основной доход. Лучшие снимки Раева можно отнести к жанру психологического камерного портрета. Это снимки Ф. Шаляпина, В. Собинова, местных врачей, сестер милосердия, всесоюзного старосты М.И. Калинина и многих других.

Фотографии Г.И. Раева отличаются особым качеством снимков. На них четко просматривается каждая ветка, даже галька на дне реки.

Много снимков он сделал в Теберде: «водопад на реке Шумке», «Домбай», «озера», снимки гор (много фотографий Эльбруса). Его он снимал с разных точек и в разное время. Он часто бывал в горах на экскурсиях. Одно из таких путешествий запечатлено на снимке в 30-е годы: Раев в компании врачей А. Крюкова, Д. Быкова, директора музея «Домика Лермонтова» Е. Яковкиной и лучшего экскурсовода Пятигорского бюро общества пролетарского туризма А. Фомина. Большая серия фотографий и открыток посвящена древним храмам. Им были запечатлены: Шоанинский и Сентинский, древнейшие храмы Архыза, мечети, городища, Спасский собор в Пятигорске [40].

Во второй половине 20-х гг. – 30-х гг. XX в. северокавказские фотографии, так же, как и другие фотографии СССР, стремятся запечатлеть значимые для экономики страны объекты (например, «Трест Грознефть. Гараж Грозный, 1925 г», «Грозный. Главное управление Грознефти. Проспект Революции») или создают фоторепортажи с трудовых будней (различные варианты фотографий уборки урожая в колхозах Ставрополя и Кубани).

Еще один жанр, связанный с господствовавшей в тот период идеологией – воспевание архитектурных памятников, так называемого стиля «Сталинский ампи́р», созданного как архитектурное свидетельство победы коммунизма. Например, к такого рода фотографиям относится снимок «Въезд в г. Грозный». На фото изображены ворота, построенные по проекту архитектора Я. Беркович – два высоких столба в сечении прямоугольной формы, возвышаются по обочинам дороги. К ним примыкают по две колонны с капителями коринфского ордера. Нижняя часть столбов и колонны поддерживают общую капитель с водруженными на них, симметрично расположенными – развернутыми знаменами. Центральную часть этой композиции (между выступающими частями знамен) венчает звезда [41].

Выводы

В целом следует отметить, что развитие фотодела в России в конце XIX – начале XX в. повлияло на дальнейшее совершенствование археологической науки, этнографии и краеведения. Особенно это прослеживается на фотоматериалах Северного Кавказа.

Несмотря на появление новых технологий, а может быть, и благодаря им, фотография в последнее время, часто становится

предметом внимания культурологов, искусствоведов и философов, о чем свидетельствует солидный корпус научных текстов последних лет.

Появляются новые направления, новые формы, новые фототехнологии, которые определяют собой этапы развития фотоискусства. Современная культура выдвигает фотоискусство на одно из ведущих мест среди других видов искусств, прежде всего, в связи с его динамичностью, возможностью стать своеобразным художественным документом эпохи, одновременной вписанностью как в массовую, так и в элитарную культуру.

В связи с этим исследование фотографии в контексте культуры XX века (и русской культуры в частности) с позиций современной культурологии представляется актуальным, так как позволяет использовать комплексные методы анализа артефактов фотоискусства. В частности, на фоне стремительного взлета, который характерен для фотографии на рубеже XX – XXI вв., актуален культурологический анализ соотношения документальности и художественности, на «перекрестке» которых и функционирует фотография не только как вид искусства, но и как феномен культуры. Это свойство выводит фотографию за границы собственно искусства, расширяя диапазон ее функционирования в пространстве социокультурной коммуникации [42].

Вопросы для самопроверки

1. Объясните значение фотодокументов в деле сохранения и трансляции историко-культурного наследия народов Северного Кавказа?

2. Охарактеризуйте особенности развития фотодела в Предкавказье во второй половине XIX в.?

3. Охарактеризуйте деятельность С.Л. Левицкого как одного из основоположников фотодела в Предкавказье?

4. Охарактеризуйте тематические особенности фотоснимков, созданных фотографами Военно-топографического отдела Кавказского военного округа во второй половине XIX в.?

5. Охарактеризуйте деятельность Г.И. Раева, как одного из основоположников фотодела на Северном Кавказе?

6. Охарактеризуйте фотооткрытки конца XIX – начала XX в. как источник по истории городов Северного Кавказа?

7. Охарактеризуйте особенности фотомастерской конца XIX – начала XX в.?

8. Перечислите основные жанры фотографии, характерные для конца XIX – начала XX в.?

9. Охарактеризуйте фотоснимки конца XIX – начала XX в. как источник по повседневной истории населения Северного Кавказа?

10. Перечислите и охарактеризуйте, какие виды фотоснимков использовались в ходе археологических изысканий в Предкавказье?

11. Охарактеризуйте особенности фотоматериалов 20 – 30-х гг. XX в. как источника по истории культуры народов Северного Кавказа?

Литература

1. Длужневская, Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук). Авт. дис. д-ра ист. наук. – Спб., 2008. – С. 3–4.

2. Серафимов, Н.В. Пионер русской фотографии // Ставропольский хронограф на 2009 г. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 2009. С. 117.

3. Захарова, С.В. Особенности развития фотодела на курортах Кавминвод во второй половине XIX – начале XX века // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып. 4. – Ставрополь, 2012. – С. 88 сл.

4. Беликов, Г. Дорога из минувшего. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1991. – С. 165.

5. Коваленко, А.Н. Первый попечитель // Кавказская здравница. – 1998. – 27 октября.

6. Маркелов, Н.В. Фотолетопись Кавказа // Мужской характер. – Пятигорск, 2008; Танасьев В. Григорий Иванович Раев // Кавказская здравница, 1993, 18 декабря.

7. Субаева, В.П. Роль краеведов Раева Г.И., Рыбенко М.И., Никитина П.Н. в сохранении культурного наследия юга России // Сборник материалов научно-практической конференции «Пятигорье и Юг России: политические, социально-экономические и культурные связи XIV – XX вв.». – Пятигорск, 2006. – С. 34.

8. Кузнецова, Н.А. Фотография Ставропольской губернии в последней четверти XIX в. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и

краеведению Северного Кавказа. Тезисы докл. межрегион. научной конференции (12 – 15 апреля 2001 г.). – Ставрополь, 2001. – С. 176.

9. СГМЗ. Ф. 49. Ед. хр. 6; ед. хр. 42; ед. хр. 43

10. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь, 2006. – С. 309.

11. Прокопенко, Ю.А., Захарова С.В. Развитие фотодела в конце XIX – начале XX в. в провинциальной части России на примере Ставрополя // Шестые Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции 25–26 ноября 2009 г. К 160-летию Григория Николаевича Прозрителева. – Ставрополь, 2011. – С. 69 сл.

12. Кузнецова, Н.А. Указ. Соч. – С. 176.

13. Захарова, С.В., Нафталиева, О.М. Социальные слои и группы населения Ставропольской губернии на фотографиях конца XIX – начала XX в. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 4. – Ставрополь, 2012. – С. 96–97.

14. Кузнецова, Н.А. Указ. Соч. – С. 176; Прокопенко, Ю.А., Захарова С.В. Указ. Соч. – С. 71.

15. Прокопенко, Ю.А., Захарова С.В. Указ. Соч. – С. 71–72; Грозный. Фотографии [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.gomki.ru> (дата обращения 9.06.2014 г.); Кубань с XIX в. до Гражданской войны 1917 г. [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.Kuban-Xxi.h.1.ru/history/14.shtml> (дата обращения 9.06.2014 г.)

16. Захарова, С.В. Указ. Соч. – С. 89.

17. Захарова, С.В., Нафталиева, О.М. Указ. Соч. – С. 96–97.

18. Каталог подвижного отдела учебных пособий Ставропольского городского музея им. Г.К. Праве. – Ставрополь, 1915; Прокопенко, Ю.А., Захарова С.В. Указ. Соч. – С. 72.

19. Прокопенко, Ю.А. Железноводск: страницы истории. – Ставрополь, 1998. – С. 42.

20. Субаева, В.П. Роль краеведов Раева Г.И., Рыбенко М.И., Никитина П.Н... – С. 33.

21. Кузнецова, Н.А. Указ. Соч. – С. 72.

22. Дыко, Л.П. Основы композиции в фотографии. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 13 – 14; Волков-Ланнит, Л.Ф. Искусство фотопортрета. – М.: Искусство, 1987. – С. 24.

23. Прокопенко, Ю.А. Использование фотографии в археологии и краеведении на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Шестые Прозрителевские чтения. Мат-лы науч.-практ. конференции 25–26 ноября 2009 г. К 160-летию Григория Николаевича Прозрителева. – Ставрополь, 2011. – С. 65 сл.; он же. Особенности использования

- фотографии в археологии и краеведении на Ставрополье и Кубани в конце XIX – начале XX в. // Историко-археологический альманах. – Армавир – Краснодар – Москва: ИА РАН, 2015. – С. 168–173.
24. Длужневская, Г.В. Указ. Соч. – С. 7 – 8.
25. Прокопенко, Ю.А. Использование фотографии... – С. 65–66.
26. Там же. – С. 66.
27. Там же. – С. 66.
28. Там же. – С. 66–67.
29. Прозрителев, Г.Н. Мажары – один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений «Северный Кавказ» под ред. А.С. Собриевского. Т. 1. – Ставрополь, 1908. – С. 11–14.
30. Прокопенко, Ю.А. Указ. Соч. – С. 67.
31. Прокопенко, Ю.А. Железноводск. Страницы истории... – С. 12.
32. Ложкин, М.Н. Фотографии утраченных памятников Кубанской старины // Историко-археологический альманах. Вып. 2. – Армавир – Москва, 1996. – С. 132 сл.
33. Прокопенко, Ю.А., Захарова, С.В. К вопросу о развитии фотододела в России – СССР в 20 – 30-е гг. XX в. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сб. науч. ст. Вып. 2. – С. 99 сл.
34. Бирюков, Е. Фотографы первых советских лет // Урал, 1987, № 8, – С. 155; Морозов, С. Русская художественная фотография. – М.: Искусство, 1961. – С. 150.
35. Морозов, С. Указ. Соч. – С. 150–151.
36. Дыко, Л. Основы композиции и фотографии. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 14–15.
37. Гурьянов, С.В. Фотография как феномен русской культуры 1920 – 1970-х годов (синтез документальности и художественности). Авт. дисс. канд. ист. наук. – Киров, 2009. – С. 9.
38. Тупицына, М. Фрагментация против тотальности: политика (де-)кадража // Великая утопия. Русский авангард (1915 – 1932 гг.). – М., 1993. – С. 84.
39. Гурьянов, С.М. Указ. Соч. – С. 9–10.
40. Танасьев, В. Григорий Иванович Раев // Кавказская здравница, 1993, 18 декабря; Субаева, В. Мгновение, остановленное фотографом // Пятигорская правда, 2004, 2 ноября; она же. Роль краеведов Раева Г.И., Рыбенко М.И., Никитина П.Н... – С. 34.
41. Грозный. Фотографии [Электронный ресурс] (режим доступа): <http://www.romki.ru> (дата обращения 9.06.2014 г.)
42. Гурьянов, С.М. Указ. Соч. – С. 3–4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдающийся в мире в настоящий период процесс глобализации имеет позитивные и негативные стороны. Негативные моменты глобализации кроются в возможности утраты своей культурной самобытности. Сохранение культурного своеобразия в современном обществе стало оцениваться как высшее достижение цивилизации. С середины XX в. в культурной политике осуществляется плановый подход к сохранению культурного генофонда всего человечества и каждой отдельной страны в рамках ООН.

Культурная политика во многих странах сегодня переориентируется с модели ассимиляции, в которой меньшинства отказываются от своих культурных традиций и ценностей, заменяя их теми традициями, которых придерживается большинство, на мультикультурную модель, где индивид социализируется и к доминирующей, и к этнической культурам. Например, в России народы Северного Кавказа разговаривают на русском и на своем этническом языках, отмечают общенациональные и этнические праздники, изучают историю страны и своей нации.

Несмотря на трагические периоды уничтожения культурной памяти, «провалы и впадины», «белые пятна» и горестные утраты, история мировой культуры сохраняется благодаря неуклонно действующему закону исторической преемственности культурного наследия. Каждое поколение всегда начинает свой жизненный путь с освоения культурного прошлого. Оно включает коллективный и индивидуальный исторический опыт, ценности и достижения, составляющие духовное и материальное богатство общества.

Трансляция культурно-исторического наследия в Северо-Кавказском регионе является осуществлением передачи культурных ценностей, созданных за прошедшие тысячелетия народами Северного Кавказа, в визуальное и ментальное восприятие современного и будущего поколений.

Учебное издание

Ю.А. Прокопенко

**СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 11.08.2016

Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 15,69

Уч.-изд. л. 13,18

Бумага офсетная

Заказ 106

Тираж 20 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2